

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2014

Март-Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантас**Т**ика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2014

№ 1 (18)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 27.03 2014
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31.95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 18

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМОС

3 *К. Берендеев, А. Райнова*
Я был человек (повесть)

22 *А. Анисимов*
Абориген

БУДУЩЕЕ

39 *Ю. Аметова*
Что написано пером

50 *М. Гелприн*
Когда взлетают рыбы

ПРОШЛОЕ

57 *Ильти*
Сколот

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

65 *Е. Зарецкая*
Телепортация с сюрпризом (повесть) *окончание*

94 *Е. Гамаюнов*
Поймать молнию

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

105 *Г. Воробьев*
Камень Архимеда (повесть)

122 *Т. Левченко*
Домик у заставы

ЮМОРКОН

130 *К. Выборнова*
Идеальный мир

Кирилл Берендеев, Анна Райнова

Я был человек

повесть

Он очнулся и сразу зажмурился, — в лицо ударил ослепительный свет. Руки схватили пустоту: штурвал... где он? Пульты дополненной реальности тоже нет. Что происходит?

Его передёрнуло, тоскливо зануло за грудиной. Он подался вперед и сложился вдвое, механически шлепнув себя по груди там, где должен быть замок ремней безопасности. Тело налилось свинцом, так всегда после невестомости.

— Приглушите свет! — хриплый, чужой голос. Сияние померкло, есть реакция на голосовые приказы. Немного погодя он смог оглядеться. Вокруг белым бело: белый пол, потолок, стены. На корабле подобных помещений нет. Значит, он на станции?

Когда в обзорном экране челнока появилась эта нескладная громадина, пилот долго вглядывался в цилиндры, кубы, конусы, гиперболоиды, слепленные между собой без всякой логики и на манер подарочной коробки, опоясанные широкими лентами, металлически отблескивавшими в лучах красного карлика. Словно ребенок наугад собирал из деталей конструктора нечто невообразимое, да забросил поделку на середине. Неудивительно, что станции не было в каталогах, верно, сооружалась давно и без поддержки правительства. На заре освоения дальнего космоса конструкторы любили учудить и не такое, правда, подобного монстра он видел впервые.

Станция не откликнулась на позывные, но обшарив корабль лучом сканирования, втянула гостя внутрь, замигав посадочными огнями. И рисковать не хотелось, но деваться некуда было. Навигационная система, ошибочно избрав неиспользуемую червоточину, выбросила челнок к чёрту на кулички. Определить координаты местоположения не удалось, в окошке информационного поля тревожно дрожали нули. После тестирования выяснилось — навигационный блок поврежден всплеском тахионного поля, пилот ввёл в работу дублирующие чипы, но те так же оказались пустыми. А без навигации, куда улетишь? Он осторожно, по верхней глиссаде подвел челнок к орбитальной станции. Когда до массивного зева оставалось полсотни метров, пульсирующая волна посадочных огней вдруг взорвалась ослепительной вспышкой, а дальше — пустота, память не отзывалась.

Первый шок прошел, сердце перестало испуганно колотиться в висках. Он зашарил руками, медленно поднимаясь, увидел, что полностью обнажен. Беззащитен. Дыхание пресеклось, будто кожу содрали.

— Верните комбинезон, — голос дрогнул. Он смущенно прикрыл пах рукой и, ожидая реакции, надолго застыл на месте. Ничего не произошло. Только голова гудела, и больно покалывало в затылке. Но хоть цел.

Он почесал щеку, раздумывая, что делать дальше, подошел к ближайшей стене и осторожно коснулся мягкой, мгновенно твердеющей от нажима поверхности, затем прошагал вдоль стенки, вот здесь, где сияние становилось почти незаметным, с ней соединялась другая, такая же гладкая. Пилот поднялся на цыпочки, подпрыгнул, потолок нависал над головой белёсым сияющим пологом, но оценить высоту помещения возможности не было.

Обошел комнату по периметру — примерно три метра каждая грань, пустые гладкие стены, — ни дать ни взять камера для буйных сумасшедших. Догадка ударила в ноги, он потёр всё ещё слезившиеся глаза, затем опустился на корточки, где стены сходились с полом. Это не углы, пальцы нащупали лишь привычную мягкость непостижимого материала без швов образовывавшего весь куб, словно он был выдут из цельного куска материи. Если помещение герметично... он замер, проверяя внутренние ощущения, сделал несколько глубоких вдохов: признаков нехватки кислорода нет, значит, вентиляция налажена, но как, осмосом, капиллярной сетью? — через какие незримые отверстия в стенах, потолка или пола? Да и температура комфортная ни жарко, ни холодно. Значит, оборудование исправно работает. Уже хорошо.

Если древняя электроника станции приняла его челнок последней модели за чужака не удивительно, что пилота поместили в карантин. Он хлопнул себя по лбу. Так вот почему его раздели! Надо представиться. Он поднял лицо вверх и заговорил:

— Меня зовут Нил Кушаков, пилот первого класса службы спасения, в данный момент состою на службе планетарного флота колонии Мегана, идентификационный номер по ОПП 201454, — он говорил быстро и четко, голос не подводил. — Причина аварийной посадки — отказ навигационного оборудования, кораблю необходим срочный ремонт, — последнее слово он выделил.

Сейчас откроется дверь, незамеченная при первом осмотре. Секунды растягивались, превращаясь в минуты, но стены узилища оставались незыблемыми. Тишина сковывала сильнее смирительной рубашки.

— Я должен как можно скорее попасть на Землю, задание высшего приоритета, — добавил он, вовремя сообразив не болтать о грузе — небольшом герметичном контейнере с образцами крови и тканей заражённых колонистов. И снова стал вслушиваться в давящую вату безмолвия.

Когда его отправляли, обстановка на Мегане была из рук вон. Странная болезнь расползлась, ежедневно поражая новые жертвы. Предвещая недуг, на радужной оболочке глаз человека появлялись яркие сиреневые пятнышки.

— Красота неземная, ты бы видел, — осмотрев первого пациента с этой аномалией, ровно за два месяца до отлета челнока, восторженно комменти-

ровал Док, — нет, в остальном со стариной Клугером порядок, видимо, под влиянием местных условий что-то произошло с меланоцитами. Не разобрался ещё, что именно, а пока успокоил деда и отправил домой.

На следующий день начальника порта нашли без чувств на полу своего кабинета. Клугер, обычно въедливый и раздражительный, пришел в себя спустя сутки, совершенно иным человеком — перестав отвечать на вопросы врачей и реагировать на любые эмоциональные раздражители. Можно было кричать ему на ухо что угодно и даже хлестать по щекам: пациент безучастно взирал на мир широко распахнутыми фиолетовыми глазами, в которых не обнаруживалось и тени понимания.

Может, электронные мозги заброшенной станции успели «проржаветь» — заикнуться на самообслуживании или перейти в автономный режим? Если так, станция не в состоянии воспринимать сложные речевые обороты. Нил коротко произнёс:

— Открой дверь! — Свет дважды мигнул, или это всего лишь иллюзия, сотворённая напряжённым сознанием пилота? — Выпусти меня отсюда!

Он повторил приказ несколько раз с различной интонацией: освещение реагировало, но больше ничего не происходило. Он в сердцах шаркнул кулаком по стене, позабыв об обманчивой мягкости препятствия. Руку пронзила острая боль. Растирая ушибленную ладонь, Нил шагнул в сторону, под ступней прокрутилось что-то холодное. Он опустил взгляд и разглядел на полу тонкий серебристый цилиндр, не больше сантиметра в диаметре и приблизительно десять длиной, заострённый с одного конца. Задумчиво повертев его в руках, пилот методично обшарил весь пол. Ничего. Гладкий, похожий на указку предмет остался единственной находкой.

Замер, застигнутый мыслью, неприятно царапнувшей сознание: в кубе нет ни мебели, ни санузда, если ему не удастся выйти, без воды он протянет недолго, а смрад от собственных экскрементов добавит напоследок незабываемых ощущений. Страшная, мучительная смерть. Он судорожно сглотнул и усилием воли прогнал возникшую в воображении картинку.

Вновь осмотрелся, нервно поигрывая цилиндром, пропуская его меж пальцев. Надо же что-то делать! Он перешел к противоположной стене и начал прощупывать каждый миллиметр кубика, особенно на гранях. Различия есть, пол чуть более мягок, легче продавливается и сопротивление возникает не сразу. Жаль, с потолком нельзя разобраться подобным образом.

Закончив обследование, пилот прилег в центре помещения. В туалет пока не хотелось и то хорошо, хотя и необычно после подобного стресса. Нил заставил себя не думать о том, что его ждёт, переключившись, как учили психологи в лётной школе, на моментальное восприятие действительности. Жить настоящим мгновением. Эта практика позволяла в критические моменты не поддаваться панике и не терять ясности мысли.

Он придумает, обязательно придумает что-нибудь, что заставит станцию откликнуться. Тем более, у него в руках кусок металла. Инструмент, точно палка-копалка у первых людей, нехитрый предмет, а послужил толчком к развитию цивилизации.

По этому поводу они совсем недавно беседовали с Яном Шелковским, или просто Доком. Любовь к истории быстро сблизила их, хотя по первому впечатлению Док показался циником или убежденным последователем кинизма. Этаким созерцателем, с толикой презрения взирающим на людшек, снующих вокруг в пустой никчёмной суете. Его едкие шуточки частенько вызывали негодование пациентов:

— А злятся потому, что попадаю не в бровь, а в глаз, — холодно посмеивался Док.

Неудивительно, что в колонии его недолюбливали. Зато уважали, как первостатейного специалиста. Нил и сам поначалу сторонился грубоватого эскулапа, пока на одном из медосмотров не увидел у Яна на столе настоящую бумажную книгу. Сборник шумерских мифов с пожелтевшими от времени страницами. Заметив интерес, с которым Нил разглядывал старинный том, Ян предложил почитать, добавив, что у него дома собрана библиотека.

Разговор завязался сам собой. В колонии Нил слыл молчуном, даже пилоты на свои посиделки приглашать перестали. Но с Яном вдруг стало легко и интересно. А за напускной холодностью доктора обнаружились блестящий ум и широкая душа последнего романтика. Оказалось, что Док прибыл на Мегану вовсе не из крайней необходимости, как Нил, а по собственному желанию. Ян выбрал этот отдалённый уголок космоса, несмотря на прежнюю должность ведущего специалиста престижного исследовательского центра на Земле, несмотря на библиотеку, только малую толику, которой смог привезти с собой. Как сам сказал: надоело протирать штаны в лаборатории, оборудованной по последнему слову техники, и каждый день встречать рафинированные отсутствием тревог, лица землян:

— Там всё слишком гладко для меня, — ухмылялся он, — не вписываюсь я в эту напомаженную систему. То ли дело здесь, и люди проще, и воздух другой.

— Уж в том, что воздух другой, можешь не сомневаться, — с улыбкой подхватывал Нил.

Свободными вечерами друзья встречались в баре, опрокинуть по кружечке безалкогольного пива, и неизменно засиживались за разговорами за полночь. Когда Док впервые упомянул о странном заболевании, Нил пропустил мимо ушей: времена неизлечимых болезней давно канули в лету, да и Клугер целую неделю был единственным пациентом медблока. Док тоже не тревожился: все анализы в норме, а начпорта в преклонном возрасте, мало что могло стать причиной отклонения.

Испугался, когда ему привезли разом шестерых в отключке с такими же глазами, и первым делом заподозрил инфекцию, ведь вирусология — его конек. Он тщетно пытался обнаружить микроскопического преступника в крови больных, искал мутации в посевах пшеницы, риса, овса, во всем, что колонисты привезли с собой, насадить на планете, где до их появления жила лишь вендская фауна.

Когда Мегану обнаружили, планета казалась подарком судьбы: сходная с земной гравитация, соотношение воды и суши, даже спутник имелся. А состав почвы, что называется, палку воткни — расти будет. И вот в этом

райском уголке через двадцать лет колонизации началась эпидемия, самая жуткая из всех, с какими до сих пор сталкивалось человечество во внесемелье. Недаром, получив экстренное сообщение, Земля объявила на Мегане строжайший карантин, запретив поселенцам покидать планету, тем самым перекрыв колонистам единственный путь к спасению. Док дневал и ночевал в лаборатории, искал причину и ничего не находил, кроме аномально сильной электромагнитной активности мозга заболевших.

Тем временем, меченые фиолетовым взглядом пациенты, несмотря на удерживающие устройства, уже через сутки после комы самовольно покидали клинику. Их находили на открытой лужайке рядом с корпусом больницы за одним единственным занятием, они сидели на земле и рисовали на ней не поддающиеся пониманию квантовых анализаторов знаки. Вернуть их в палаты не получалось, — будто вращались в землю, стоило попробовать сдвинуть их с места. Толпа рисовальщиков медленно росла. Когда светило закатывалось за горизонт, они поднимались на ноги и до самого рассвета синхронно раскачивались на месте, в такт им одним известному ритму. Пищу они не принимали, ограничиваясь водой. Сначала пили из искусственного фонтана на той же лужайке, потом начали строем ходить к небольшому ручью за чертой посёлка. Когда они впервые покинули территорию госпиталя, Док вызвал спасателей, те попытались перегородить дорогу слаженно вышагивающим больным. Уткнувшись в пеностену, немой строй разделился и тихо обошел препятствие. Вечером Док показал запись.

— Все признаки социального поведения, двигаются четко, точно муравьи, — заметил Нил. — Может быть, они уже не люди?

— Биологически всё же люди. Пока еще. — И развел руками, сбив со стола полную кружку. Оба смотрели, как на полу растекается темное пятно, уподобившееся растущей туманности.

Пятно! Нил отнял от стены ладонь, всё ещё сжимавшую металлический стержень. На стене серело пятно. Сердце екнуло. Несколько раз, оставляя тёмные точки, он потыкал стену острым концом подаренного кубом предмета, провёл черту. Получилась отчётливая линия. Потрогал пальцами — материал остался гладким, ни следов царапины. Нил начертил на стене квадрат. Стоило замкнуть линии: рядом со стеной воспарил, намеченный штрихами прозрачный кубик. Пальцы схватили воздух — оптическая иллюзия. Пилот присвистнул и спешно заработал стилем. Кружок превратился в шарик, треугольник — в конус, а замкнутая волнистая линия — в тучку, какой её изображают маленькие дети.

Поэкспериментировав с изображениями ещё немного, Нил выяснил, что объём обретают только замкнутые формы, стоило оставить маленький зазор, фигура оставалась плоской, плоскими были и буквы, словно куб мог отличить рисунок от сообщения. Отрывок из поэмы Отто Людига «Сынам человеческим» занял своё место на стенке. Нил написал под ним слово «помогите» на русском и призыв «КОСПАС» универсальным кодом.

Когда-то он проходил мимо подобных надписей на опустевшем по неизвестным причинам пароме «Одиссей». Людей, ни живых, ни мёртвых, они там не нашли, только онемевшую от ужаса десятилетнюю девочку, забившуюся в обломки эвакуационной капсулы и ни за что не желавшую ее

покинуть. Нил с трудом вытащил изо всех сил отбивавшегося ребёнка, успокоил, погладил растрёпанные волосы. До сих пор не проронившая звука девчушка мёртвой хваткой вцепилась в шею, пришлось нести её на руках по отсекам мертвого парома. Когда ее увозили санитары, Нил не мог оторвать глаз от малышки. Да и она безотрывно смотрела на своего спасителя, пока их не разделила дверь выходного отсека.

Опомнившись, он занялся делами насущными. Поиски причин катастрофы результатов не дали, память бортового компьютера оказалась стёртой; и никаких следов, только вот эти надписи. Команда и пассажиры парома до сих пор числятся в списках, пропавших без вести. Космос, став доступным, без конца преподносил человечеству новые сюрпризы.

Нил смахнул витавшие в воздухе фигуры на пол. Удивительное дело, едва коснувшись его, те начали растворяться: как натрий на солнце.

А что, если так? Рука замелькала: модель челнока, наполняясь деталями, медленно вылуплялась из стены. Это мало походило на предыдущие пустые формы, это был его корабль, с блестящими дюзами и синей надписью «Межпланетный экспресс» по правому борту. Так, а откуда взялся цвет?

Он тронул сопла, челнок поплыл, кружась по комнате. Нил присел, разглядывая его беззвучное, точно в вакууме, скольжение по эклиптике, вокруг неведомых центров сил. Сколько продолжалось любованье? — он потерял счет времени.

Это не психушка. Нил напрямую общался с медиками все годы спасательской работы и отлично знал, что подобной технологии на Земле нет и в помине. По долгу службы посещал и психиатрическую лечебницу. Там он однажды видел похожую белую комнату, лишённую окон, мебели, всего. Больной лежал неподвижно, уткнувшись лицом в угол. Доктор успокоил Нила, нет, мы не запираем клиентов в камерах. Вернее, запираем, но они не знают этого, выбирают мир, какой им хочется видеть, наиболее комфортный и безопасный для разладившейся психики, биоэлектроника воспроизводит его перед внутренним взором, и изо дня в день постепенно изменяет картинку, приближая больного к реальности.

Реальность, тогда Нила это покорило. Будто речь шла о путешествии туда и обратно на ладье Харона.

Вдруг он не на станции, а на планете, единственной в системе красной звезды, а станция, нелепо сложенная и нигде не указанная, всего лишь портал, открывающий врата в другой мир? Нил осторожно опустил корабль.

В отличие от прежних фигурок, тот не растворился, а лежал на полу, словно ожидая окончательного решения человека. Расставаться с челноком было больно, неужели надсмотрщики поняли это? А если поняли, как восприняли его другое послание — о помощи?

Быть может, надо действительно начать с азов? Нил прислонился к стене и набросал яблоко, желтопузое, с зеленым листочком на черенке. Когда оно оказалось в руке, сделал вид, что хочет съесть. И выжидающе посмотрел по сторонам.

На Мегане, еще задолго до его приезда, шли отчаянные споры о пирамидах, шарах и конусах на квадратных постаментах, которым отмерили не меньше двухсот тысяч лет первооткрыватели планеты, первоначально

предположившие, что они искусственного происхождения. Долгие исследования подвели черту — природный феномен. Шутка пустынных ветров, выдувших эти странные образования в пористой породе песчаника. Фигуры образовались как раз после того, как спутник Меганы, прежде находившийся на расстоянии двухсот пятидесяти тысяч километров, потерпел страшное потрясение. В бок сателлита впечатался громадный астероид, отбросивший Мегану-2 на вдвое большее прежнего расстояние. Словно давая шанс вендской фауне воспрянуть после бесконечных потрясений, связанных с близким присутствием массивного собрата, треплющего планету бешеной сейсмической активностью.

Многим колонистам хотелось верить, что все эти события рукотворны. Доку в особенности, ведь именно он заметил, что первые заражённые сиренью, — так он прозвал болячку, — прибыли на планету раньше остальных. Последующие случаи лишь подтверждали догадку. К тому времени кожа первой группы больных приобрела зеленоватый оттенок. Фотосинтез, выяснил Док, организм перерождается. Они и сами отдалились: покинули посёлок, обустроившись на такыре, поблизости от скопления странных фигур, и продолжили рисовать, теперь уже все вместе, усевшись в круг, старательно покрывали землю затейливой вязью знаков.

Число зараженных уже превысило пятьдесят. И это на четыре с половиной тысячи населения! Получив данные, Земля долго молчала, а потом затребовала борт со всеми возможными данными и образцами.

Тем временем среди колонистов пошли нездоровые шепотки о проклятии древней расы инопланетян, порождая самые странные и нелепые суеверия, связанные с рисовальщиками. Ничего удивительного, что одни, обнаружив в своем зеркальном отражении первые пятнышки, с кулаками бросались на врачей, громко требуя избавления, иные приходили молча, тяжёлой походкой обречённых, двое повесились. Страх охватил поселения, люди боялись встреч, любых контактов, старались отсиживаться по домам, носили респираторы. Но и это не спасало от разгулявшейся заразы. Один из пилотов устроил перестрелку, пытался захватить корабль и покинуть проклятую планету. Люди дичали на глазах. Друзья и родственники несчастных испарились из коридоров клиники, ведь они — другие, только кажутся близкими, впрочем, как и его корабль, достижение человечества, бессильно лежащее на брюхе среди окружающей безответной белизны. Может и он — другой для этой заброшенной станции? От этой внезапной мысли он больно куснул губу и нарисовал набедренную повязку. Белая полоска ткани неощутимо обвилась вокруг бёдер.

Другие. Как быстро привязываются прозвища. Уже через месяц иначе как другими, поражённых сиренью никто не называл. Другие пили воду из бочки... другие прошли по улице.... Другие с лужайки у клиники, едва позеленев, безошибочно находили собратьев.

— Созрели яблочки, — горько шутил Ян, систематизируя данные перед тем, как отправить Нила в дорогу. Странно, он не помнит, как улетал, возможно, от полученной организмом встряски память стала эпизодической, рвалась лоскутами, но это сейчас не главное, главное — выбраться.

Нил вдруг почувствовал себя эдаким псоглавцем, которого добрые хри-

стиане заперли в клеть, дабы постичь, что за существо: зверь это или создание, наделенное разумом, и возможно ли его обратить в истинную веру. И теперь он старательно доказывал, удостоверял свою сущность. Плохо понимая, как именно можно доказать это существам, которых не видел и не слышал, но которые, как ему казалось, прятались за волшебной стеной, покуда не кончится испытание.

За этими раздумьями в кубе появился стул, он не провалился под тяжестью человека. Немного посидев на мягком сидении, пилот продолжил трудиться: изобразил стол, на нем чашу с фруктами, всё выглядело настоящим, он с детства хорошо рисовал. Второй стул, напротив, будто ожидая собеседника к чаю. Кольнуло, Лидия любила фруктовый чай.

И очень не любила, когда он уходил в очередной рейс, всякий раз говоря с Нилом о космосе на повышенных тонах, точно ревновала. Ведь космосу он посвящал куда больше времени, нежели той, что оставалась на Земле. И всякий раз прерывала его рассказы о полётах. Заставляла молчать самым простым, самым женским из всех способов — и он замолкал.

Кажется, она боялась, что однажды космос отнимет Нила. Он сколько мог, отшучивался: да, работа опасная, но он обязательно вернётся, ведь на Земле его ожидает самая прекрасная из женщин — Лидию было не переубедить. Позже он часто ловил себя на мысли: если бы не ее настойчивость, быть может, всё сложилось иначе. Хотя нет, ведь не в ней причина распада, она и так продержалась слишком долго...

Взгляд упёрся в стул, словно в утренние часы поджидавший ее. Лидия любила понежиться в постели, он же вставал, не различая выходных и будней, строго в семь, готовил завтрак и ждал ее пробуждения. Войдя, она улыбалась и целовала в щеку. Это прикосновение губ, едва различимое, всегда действовало одинаково, он вспыхивал и привлекал ее к себе.

Кроме тех дней, когда дожидаться бывшую возлюбленную приходилось в кафе. Тогда он, проснувшись, долго сидел перед пустым стулом. И только потом спохватывался, всегда опаздывая на их последние встречи.

Казалось, в далеком мире Меганы станет легче.

К чаше с фруктами прибавилась ваза с цветами. Сиреневые и белые полевые колокольчики. Нил попытался изобразить на стене нечто феерическое Чюрлёниса. Пока не понял, что среди ярких сполохов трепещущего мироздания старательно рисует Ивана, Ваньку-балагура с хитрыми искринками в прищуре чуть раскосых глаз, широкими скулами, открытой улыбкой и ямочкой на подбородке.

Стоило им познакомиться на подготовительных курсах к лётному училищу, так и срослись всей кожей: вместе учились, вместе служили сначала на одном корабле, после каждый получил свой, стал капитаном. Ванькиного присутствия не хватало, хоть и перекидывались задиристыми сообщениями при каждом удобном случае, делились всем при встречах, но уже тогда что-то сломалось внутри, будто предвещающая беду. Или это сам Нил, пережив уготованное обоим будущее, пытается связывать не имеющие отношения друг к другу факты, ищет смыслы и знаки там, где их не может быть, пытается заглушить мерзкое чувство вины, изнутри разъедающее душу. Он знает, на его месте Ванька поступил бы так же, знает, что не мог помочь, а если бы

попытался, погубил себя и своих людей. Всё знает, а боль не уходит. Никуда не уходит.

После трагедии его хватило ещё на два рейса. Потом он чуть не спился. Точнее спился, чего уж врать самому себе, потому и утратил еще одну зацепку в этой жизни — Лидию, не ожидавшую, что придется делить дом с запойным алкоголиком. Он пытался ей всё объяснить, но разговор по душам подшофе всякий раз не удавался. Лидии надоело выслушивать его нытьё, она требовала прекратить жалеть себя. Нил давал сотни обещаний лечь на лечение. И не мог. Записался, лишь, когда Лидия ушла, оставив его одного в пустом доме.

Полугодичное пребывание на больничной койке навсегда избавило от порочной зависимости. В службе спасения его не восстановили, хорошо квалификацию не заблокировали, вот и пришлось двигать на Мегану — единственное место, где приняли к рассмотрению его подпорченное резюме.

А таков ли он псоглавец, чтобы показать свой мир и быть готовым причаститься? Да хоть удостоиться выхода из куба? Ему доводилось встречать разных существ, столь отличных от тварей земных, что постичь их природу немислимо без сложной техники.

А если куб единственное место, поддерживающее его существование в ином мире, столь непохожем на тот, что он оставил на подлете к станции, что дверь для него не может открыться. Да и существует ли на самом деле, эта дверь? Возможно, выбравшись из куба, он погибнет, так и не постигнув смысла своего заточения. Тогда что же, как дать понять, что он разумен? Если сами тюремщики разумны, если их разум хоть в какой-то мере можно соотнести с земной логикой. Быть может, все, что он делает, напоминает им хаотичные передвижения потерявшегося муравья. Как для него те, другие, вечно рисующие абстрактные картинки.

Док пытался, сканируя их знаки, вычленив хоть какой-то код. Но многочисленных вариаций анализатора не хватило, так что файлы с рисунками, процессом их изготовления и предварительными выкладками заняли свое место на кристалле памяти вместе с результатами тестов и анализов.

А вдруг посадившие его в клетку инопланетяне не собираются знакомиться с ним, а подготавливают для иного. Если они вообще существуют, конечно. Если не являются вымыслом замкнутого в кубе пилота. Человеку легче предположить, что рядом кто-то есть, пусть даже чуждый, чем принять полное одиночество.

Он вздрогнул. За столом с широкой улыбкой на неподвижном лице сидел Иван. Мёртвой объёмной куклой, только что отлепившейся от стены. Смотреть на бездвижного друга было тяжело, но и глаз отвести нельзя. Ведь он хотел, пусть тщетно, спасти друга. Спасать — его ежедневная работа, то, чему учился много лет, для чего тренировался до исступления, а судьба всё равно обманула, в один миг, разрушив веру в собственные силы.

Исследовательский корабль подвергся нападению космических призраков, тогда ещё не известных науке тварей, пожиравших энергию, в том числе живых существ. Иван первым поймал сигнал и бросился на помощь. Кто мог знать, что защитные комбинезоны — ничто для всепроникающего

кошмара? Когда Нил подоспел на зов товарища, на спасательном корабле остался в живых только друг, ровным голосом сообщивший о гибели экипажа исследователей и своего отряда. Он успел передать видеозаписи с нашлемных камер, когда связь прервалась отчаянным призывом использовать плазменную пушку и убираться прочь.

— Стреляй, дурак, своих погубишь! — Резкий возглас перешел в дикий вскрик. Нил нацелил пушку, уничтожая сцепившиеся в прощальной агонии корабли... тогда он ничего не почувствовал, автоматически исполнив необходимый порядок действий. Боль догнала потом, на Земле, едва начал сознавать, что больше никогда не увидит Ваньку.

Это сейчас даже дети знают, что с космическими призраками легко справиться с помощью асинхронных электромагнитов. А прежде...

Он поставил на стол бокалы и бутылку коньяка. Вдруг захотелось вновь ощутить приятное расслабляющее тепло, успокаивающе расходящееся по жилам. Ничего не получится, после лечения организм не примет и капли спиртного. Вот если бы кто-то мог так же исправить душу? Он поднял свой бокал, кивнул безучастному Ваньке. Кукла улыбалась. Его передернуло. Для кого он разыгрывает комедию?

Лида права, лучше бы Ваньке не видеть его таким. Да разве это Ванька? — бесчувственный отгиск мёртвого друга, вызванного из мрака небытия никак не успокоившимся товарищем. Нил встал, одним движением смахнув Ивана со стула, тот послушно завалился в угол, не изменив сидячего положения.

— Уходи! Растворись, пожалуйста, — взмолился Нил. Друг безмолвствовал.

Вот и доигрался в живописца. Нил бережно поднял лишённую массы куклу на руки, вздрогнул, столкнувшись с Ванькиной улыбкой, его застылыми глазами, поднял друга над головой и что было мочи, бросил вниз.

Манекен, будто в насмешку утонул в полу не весь. Взирать на торчащую из белизны половину лица и застывшую в мимолётном жесте руку было ещё ужаснее. Сам не понимая, что делает, Нил подполз к Ваньке и принялся топить его в полу, но тот всплывал, точно поплавок. Тогда он прыгнул сверху и давил, пока под его весом не исчез последний палец.

Облокотился о стену, усмиряя срывающееся дыхание, давясь и утирая слёзы, вдруг хлынувшие из глаз, горячим потоком. Пусть смотрят, если есть за стенами кто-то, пусть анализируют и оценивают. Ему всё равно.

Когда взгляд прояснился, на душе стало пусто и непривычно легко. Нил застыл в оцепенении, однако дышать стало легче, будто исчезли невидимые тиски, сжимавшие горло с момента гибели друга. Ужели отпустило? И Ваня ушел, ушел совсем, теперь, а не тогда.

А тогда, после долгих мытарств, тестов, проверок и обивания порогов, наконец-то нашлась работа: колония на Мегане росла с каждым днем, людей не хватало. Что техника, поначалу всегда нужны человеческие руки и упорство. Это потом, когда все устаканится, войдет в колею, как у соседей в пяти парсеках, где он познакомился с Анной, которая... Да нет, это фантазия. Оба изо всех сил старались быть милыми, и оба не могли отпустить призраков прошлого, ради невозможного счастья вдвоём, оборвать волочившееся через полгалактики корни. Кажется, и не пытались. Отношений

хватило только на то, чтобы поделиться друг с другом своей болью, понять и пожалеть.

Был у него на эту тему серьёзный разговор с Доком. Разве что спинами склеить, вынес вердикт Ян, все равно головы назад повернуты:

— Аня хорошая девушка, симпатичная, только какая-то замерзшая, её бы отогреть, а ты... сам-то ведь не любишь. Иначе б не сомневался.

Нил присмотрелся к своей версии Чюрлениса: что-то в ней, незаконченной, казалось чуждым, вроде как не он рисовал. Слово за проведённое в кубе время угол зрения изменился.

А ведь, правда. Сколько он здесь, не меньше десяти, а то и двенадцати часов, а будто полчаса. Ни усталости, ни голода, ничего. Сейчас бы Дока сюда, вот где умелец соорудить невероятные теории. Примчался же к нему рано утром, в день отлёта возбуждённый до крайности с раскрасневшимися щеками. Над полем, где другие рисовали картину, появились яркие сполохи, напоминающие северное сияние, хотелось поскорей поделиться догадками и предположениями. Но едва вставив кристалл записи в приемник, Док замер, тревожно всматриваясь ему в глаза.

Не было этого! Что за фокусы иногда выкидывает память. Надо нарисовать Лидию, её присутствие всегда успокаивало, пусть даже безразличной куклой, ведь, сколько лет не виделись. По дурусти, из-за того, что не пришла прощаться, он стёр все её снимки. Думал, так избавится от боли? Не тут-то было! Лидия словно впечаталась в него намертво. Нил пробовал изжить её Анной. Смешно.

— Привет, Нил, — слышался бархатный с чуть заметной хрипотцой голос Анны. Поначалу ему так нравилось вслушиваться в его мягкое вкрадчивое звучание.

Он поднял взгляд, за столом в уютном банном халате, разбросав по плечам ещё мокрые после душа бронзовые завитки волос, сидела Лидия, встретившая его взгляд озорной улыбкой. Да что это с ним? Ведь он только собирался нарисовать её...

— Ты меня не узнаёшь? — удивилась Лидия, или Анна, если закрыть глаза.

— Узнал, конечно, что за вопрос. Как ты... поживаешь? — ком застрял в горле, он с трудом подбирал слова. Она зевнула, прикрыв губы рукой, и продолжила говорить сквозь пальцы:

— Я, хорошо. А вот ты какой-то взъерошенный. Опять началось?

Нил вздрогнул, подвижное лицо Лидии показалось одновременно знакомым и чужим, совсем чужим, впрочем, чужим был и голос.

— Ничего не началось, я вылечился, ты же знаешь, — утверждение вышло грубым.

— Да, конечно, конечно, — мелко закивала Анна, или всё же Лидия, кто тут разберёт, — но ты какой-то странный.

— Ты оглядись вокруг и поймёшь, в чём странность.

Лидия послушно осмотрелась, пожала плечами:

— В комнате нет дверей?

— Точно! — пальцы нервно забарабанили по столу, — и это не комната, а куб, пустой, совсем пустой, а всё что ты здесь видишь, нарисовал я.

— Всё нарисовал, а дверь забыл? — Лидия улыбнулась, затем рассмеялась, волосы упали на лицо, она убрала их со лба одним движением и откинулась на стуле, продолжив наблюдать за ним из-под пушистых ресниц.

Она права, нужно изобразить дверь, пусть даже с иллюзией выхода. Нил вскочил на ноги, бросился к стене и замер на полувдохе...

Док сверлил его глазами, в лице друга произошла мгновенная перемена, между бровей залегла горестная морщинка. Нил застыл, не в силах двинуться:

— Что? — вырвалось у него.

Ян опустил голову, снова поднял взгляд, будто хотел проверить, не приделось ли, затем медленно покачал головой и произнес:

— Нил, ты только не волнуйся, у тебя тоже... сирень.

Сирень? Док правда сказал это? Оглохнув от ужаса, он бросился в ванную, отражение в зеркале предательски поплыло перед глазами.

— Не-е-ет!

Дверь светлого дерева с круглой ручкой, его детской. Возбуждённые голоса родителей за стеной, чем старше он становился, тем чаще они ругались.

Он обернулся, заметил в глазах Лидии сиреневые пятнышки, или глаза были его, отраженные в зеркале и слова, тихие и беспомощные слова друга:

— Сам понимаешь, дружище, пилота придётся заменить.

Комната качнулась, очертания окружающих предметов задрожали и искривились, отдалились, словно он смотрел на всё сквозь плотный туман. Он понял, что падает. На миг сверху, точно сорвавшаяся с орбиты планета, нависло искаженное страхом лицо друга. Док что-то кричал. Нил не мог ни шелохнуться, ни ответить. А после картинка взорвалась изнутри и пролилась в широко распахнутые глаза столбом ослепительного света.

Не было никакой станции!

Дверь медленно отворилась, Нил попытался отпрыгнуть — кто знает, что там за белой стеной, но в то же мгновение куб за его спиной распался и схлынул, открыв показавшееся необозримым пространство. Точно пелена спала. Перед глазами, прежде чем он разглядел, что сидит на земле в плотном кругу других, долго мелькали цветные пятна. Круг был огромен, гораздо больше того, что он помнил, перед тем, как... как, что? И само поле изменилось разительно, в его центре высился лес каменных стволов с разнообразными навершиями: конусами, кубами, шарами — мерцавшими изнутри. Между стволами обрывками молний мелькали сполохи. Он мотнул головой. Наваждение не уходило, напротив, невероятный пейзаж проявился чётче.

Он поднялся, бросив неоконченный знак, чем-то напоминающий ромб воздушного змея, шагнул в сторону. Круг работавших без усталости и передышки бывших людей мгновенно сомкнулся. Никто из рисовальщиков не повернул головы. Нил замер, растерянно озираясь по сторонам. Что он тут делает? Почему? Ах да, Док... сирень... но ведь он... что он? Излечился?

— Эй, Кушаков! Беги сюда. Быстро, сейчас рванет, — окликнул чей-то голос.

Нил оглянулся, заметил за спиной крупный валун, из-за которого на

миг выглянула чья-то жилистая ладонь, и одним прыжком добрался до камня. Миг, и его сбили с ног, уткнув носом в рыхлую землю. Когда дыхание немного утишилось, он смог разглядеть рядом улыбающуюся во весь рот физиономию Клугера:

— Лежи не высовывайся, сейчас будет весело, — добавил старик, подмигивая лиловым глазом. Нил сверлил его взглядом. Клугер же первый, кто ушел в рисовальщики, и теперь он...

Додумать не успел. Услышал резкий, въедливый писк, быстро перешедший в громкое гудение, так, будто рядом заработала огромная установка силового поля. Гудение усиливалось, переходя в неистовый рев проснувшегося левиафана. Нил инстинктивно зажал уши ладонями, когда всё вокруг взорвалось, поднялось в воздух, полыхнуло разноцветьем огней. Земля содрогнулась, его перевернуло на спину, швырнуло вниз, — множество огненных стрел с оглушительным треском вспороли потемневшее небо. Над полем зыбилась туча чёрной пыли. Огни, стремительно уносящиеся ввысь, какое-то время еще полосовали темноту, а после всё исчезло, будто и не было.

— С приземлением, пилот! — откашливаясь в зеленоватый кулак, пробурчал Клугер. — Добро пожаловать в дивный новый мир.

— А-и-бо, — просипел Нил, сам заходясь надсадным кашлем, земля набилась в ноздри, засыпала глаза. — А что..., что это было?

— Грибки созрели, — усмехнулся старик. — А тут ты очухиваться начал. Я уж думал, каюк тебе, не успею предупредить. Мы так полгода назад Гибсона потеряли, он из своего куба вышел, аккуратно под извержение. — Нил вздрогнул, откуда Клугеру известно про кубик? И почему он, другой, говорит?

— Не понимаешь ничего, а? — скороговоркой продолжил старик. — Мы тоже поначалу не понимали, зато теперь кой-чего уразуметь смогли.

Он встал и принялся отряхивать свой комбинезон. Нил тупо последовал его примеру, и тут только увидел свои руки, отдававшие молодой зеленью чужие ладони, несуразно торчавшие из рукавов лётного комбинезона. Голова загудела, мысли метались, что недавно виденные сполохи, они ударялись о стенки черепа, сбивались в кучу. Ветер сдул дым к речке, открыв выжженную землю и бездвижные тела других, лежащие на спинах в идеально ровном кругу, пилот во все глаза разглядывал жуткую картину разрушения.

— Нечего на них тарашиться, поднимутся, часа не пройдёт. Дрожь пробивает, как подумаю, что сам сидел в этом кругу, — панибратски хлопнул по плечу Клугер, его манера говорить немного раздражала. Откуда взялись эти ужимки придворного шута? В бытность начальником меганского порта, Клугер помнился иным, мрачным и нелюдимым, слова лишнего не скажет. Ужели цвет кожи так сильно его изменил?

— Не стой столбом, двигать надо, — размахивая перед носом осоловевшего пилота неизвестно откуда взявшейся пустой канистрой, перебил его мысли Клугер и двинулся к развороченному кругу. Нил поплелся следом, земля в кругу была взрытой, точно по ней, стерев столь старательно нанесённые другими знаки, прошелся огромный плуг. Под ногами одни ворон-

ки и чернеющие осколки песчаника, разбросанные окрест, словно семена будущих всходов.

— Грибочки в небо полетят, амброзией нас напоят, к нам Нил пилот вернулся, и старый Клугер рад, — мощным басом оглашая окрестности, вдруг заголосил старик, заставив пилота вздрогнуть. Бывший начпорта бродил с канистрой по пашне, поочерёдно заглядывая в ямы, будто что-то искал. Нил устал удивляться, шел за стариком, вдыхая лёгкий, приятный ветерок, обдувавший щеки ароматом плодородной земли. Говорили, он полезен для здоровья, из-за высокого содержания масляных кислот в приземных слоях, выделяющихся как побочный продукт жизнедеятельности микроорганизмов на такырах. Из-за этого особенного воздуха, пьянящего, успокаивающего, немного кружащего голову, меганцы обожали свою планету, до эпидемии здесь собирались строить курорт, лечить тревоги жителей окрестных колоний.

Местное солнце тянулось к закату, позолотив прозрачный горизонт. Пройдя метров триста, старик с изборожденного временем лица, которого не сходила идиотская ухмылка, остановился, внимательно осмотрелся и тронул мочку уха:

— Шелковский, а ну проверь место? Три шага говоришь? Тут? Ага, до связи, — и, обернувшись к Нилу, добавил, — я ему не скажу, что ты здесь. Сюрприз будет.

— Значит, Ян тоже? — осторожно поинтересовался Нил. В том, что старик тронулся умом, сомнений почти не осталось.

— Ага, зелёный, как мы с тобой, — Нил смущенно пожал плечами. — Да ты не дергайся, все мы здесь увечные, — вдруг посерьёзнев, добавил старик, выуживая из-за спины складную лопату, и начал копать, распевая на все лады частушки о живительной амброзии, попеременно называя её, то пищей богов, то грибным навозом. Нил, молча, сидел на земле. Кажется куб и всё, что там происходило, всего лишь преддверие, а настоящая психушка вот она. Немного погодя на поверхности появилась вторая канистра, полная да краёв, он понял это по усилию, с которым старик, вытаскивал её наружу:

— Чего смотришь, помогай, — буркнул Клугер.

Вместе они поставили тяжёлую канистру, полную приятно пахнувшей жидкости, рядом с пустой. Клугер завинтил крышку, а пустой сосуд утопил в яме, засунув в горлышко торчавший из земли шланг, и забросал землей:

— Теперь руки в ноги, если они замкнут круг раньше, чем мы выйдем, нам крышка, — с этими словами старик поднял канистру и, перескакивая с кочки на кочку, помчался по полю. Нил тоже сорвался с места, приблизившись к усеянной телами границе, заметил, что другие зашевелились. Они дёргались в конвульсиях и открывали рты, точно выброшенная на берег рыба, но старик предостерегающим окликом не дал остановиться и заговорил вновь, только когда они оказались вне круга:

— Обед готов, возвращаюсь, — коротко отрапортовал Клугер, закрепляя канистру верёвками на гравитационной тележке. Нил многое бы отдал за то, чтобы услышать ответ Яна.

— Твой Шелковский шельма гениальная, до всего докопался, — стоило

им выйти на дорогу, продолжил разговор старикан. — Помнишь, изваяния, о которых все наперебой ещё до эпидемии спорили? Хм, изваяния, это грибница, она людей в зелёных зомби превращает и заставляет себя возделывать. Использует, точно насекомых. Привыкли думать, что мы — венец творения, не тут то было, — из его горла вырвался гортанный смешок, — как миленькие рисуем знаки, грибы растут и выстреливают споры, это ты видел, то ещё зрелище, правда? А взамен нам, убогим, грибница дает сок. Мы прозвали его амброзией, потому как без этого сока болеем и умираем. Зомби его в ночь перед извержением пьют, а мы, возвращенцы, воруем, пока они еще в отключке, иначе в круг не проникнуть: сполохи облепят, один головёшки останутся. Так что приходится на старости лет кроссы давать.

— А долго я пробыл... там? — тревожно поинтересовался Нил. Старик посмотрел на него пристально. Ответил:

— Год, чуть поменьше. Точнее Док скажет. Он вторым вернулся, сразу после меня, — и усмехнулся непонятно чему.

— Год... — новость буквально оглушила. Он хотел спросить еще что-то, но передумав, задал другой вопрос: — Сколько всего вернулось?

— Кроме тебя: я, Док и Ванька.

— Кто? — по сердцу будто рашпилем прошлись.

— Ивонна. Девочка одна, санитарка, она дикая немного, да чего толковать, познакомишься.

— А остальные люди?

— Люди? — он сделал выразительную паузу, — все там уже. Грибницу культивируют. Она, зараза, какой-то газ вырабатывает, после которого к ней магнитом тянет.

— Основания масляных кислот, — начал объяснять Ян, после того, как Нил немного пришел в себя. — Вроде бы обычные, ноотропные, но когда ими дышишь долгое время, происходит перераспределение синоптических связей, а следом и электромагнитная активность нейронов. Грибница посылает сигнал чуть не на полпланеты, упаковывая в длинные волны микроволновую метку. Она-то нам крышу и сносит, замыкает полушария, оставляя в работе лишь те зоны головного мозга, которые позволяют нам дойти до грибницы и трудиться ей во благо.

Отстранившись, он еще долго рассказывал о том, как нашел причину появления сирени и выяснил, каким образом грибница воздействует на сознание, и почему человек оказывается заключённым в белом кубе. Нил слушал, заметив, как сильно переменялся Ян за прошедшие месяцы. Погрустнел и осунулся. Куда подевалось прежнее самодовольство.

Встреча вышла комканой. Пилот, не помня себя от радости, помчался навстречу, едва увидев за воротами бывшей клиники знакомую фигуру, закружился в объятиях друга. Док хлопал по спине, кричал, поднимал его в воздух. А затем вдруг разъял руки, начпорта напомнил о его исследованиях, Ян немедленно переключился на них, словно в этот момент не оказалось ничего более важного. С ним была хрупкая девушка, совсем ещё юная. Она стояла в сторонке и смущённо поглядывала на вновь прибывшего пилота огромными, на пол-лица сиреневыми глазами. Нил не помнил, чтобы

раньше видел её, хоть и было в тонком, немного вытянутом лице нечто смутно знакомое.

— Это Ивонна, или наша Ваня, — просто представил Клугер, они с Доком за время отсутствия Нила, будто местами поменялись.

Нил приветливо кивнул девушке. Та вдруг втянула голову в плечи, отвернулась и побрела прочь. Пилот замер в недоумении.

— Не обращай внимания, ей нужно время, да и непросто всё с ней. Ну что, амброзию вы добыли, так что закатим пир горой, — произнес Ян и как-то сразу сник. Будто у него кончился запас энергии.

Оставшиеся метры до бывшего госпиталя, где временно обосновались возвращенцы, все трое преодолевали молча. Солнце стремительно уходило на покой, тонуло в фиолетовой дымке далёкого горизонта. Воздух посвежел. Выраставший впереди посёлок накрыли сумерки. В ослепших окнах — ни огонька, ни звука. Их встретила ватная тишь и покалеченные строения, кое-где затянутые сеткой ремонтных работ.

Странно чувствовать себя человеком, заметил Клугер, прервав молчание, дни и ночи маешься в безделье, вот и начнешь не своим делом заниматься. Восстанавливать то, что было разбито и уничтожено, не зная, понадобится ли кому. В меня стреляли, когда вернулся. Люди стреляли! Вторая поправка, чтоб ее, — сказал он, тяжело выдыхая. — Вон там последние, оставшиеся засели, отгородились колючкой и отстреливались не пойми от кого.

Его тогда спас Док, спрятал в медблоке, ведь по поселку уже рыскали жаждающие суда Линча над Клугером люди. В нем видели главный источник заразы, Док пытался откупиться, чем можно, от озверевшей толпы, куда там, пришлось уносить ноги через подвал. Конец цивилизации был страшен, Клугер, проводив и оплакав Яна, вернулся в поселок, где занялся похоронами. Тридцать восемь могил, целое кладбище.

— Райский уголок, место, где успокаиваются сердца, — нараспев произнес Клугер. Он посмотрел на свои ладони, словно и сейчас мог найти на них следы мозолей от лопаты.

— Всё будет хорошо, не пугай его раньше времени, — вдруг вставила свое слово Ивонна.

Нил всмотрелся в странно знакомое лицо, но спросить, так и не решился. А ведь их всего лишь четверо, маленькая горстка преодолевших заточение в пустой белизне куба. Будут ли ещё?

Этот вопрос Нил задал Яну уже за столом, наскоро накрытым в пустой операционной: пластиковый кувшин с бурой жидкостью и четыремя прозрачными стаканами. Отныне и, возможно, до конца дней, эта вязкая, сладковатая на вкус амброзия единственное, что им нужно для поддержания жизни в изменившихся телах.

— Надеемся, — уклончиво ответил друг, после бурной встречи погрузившийся в тягостные раздумья. Канистра быстро пустела, от напитка невозможно было оторваться. Сок согревал и заставлял блаженно улыбаться, сродни алкогольному дурману. Клугер без усталости складывал частушки, оказавшаяся за столом напротив Нила юная Ивонна усердно прятала взгляд.

— Кто знает, сколько это может продолжаться, ведь грибница ждала тысячи лет. Спала или копила силы. Год, слишком малый срок, для того, чтобы понять, что будет дальше.

В окне полыхнуло, там, откуда вернулся Нил, небо озарилось багровым мерцанием: рисовальщики вернулись к своей кропотливой работе.

— Вот так мы теперь и живём, — продолжил Ян, выведя товарища на улицу, подальше от раскатисто храпевшего, уснувшего прямо за столом Клугера, — другие другие. Скажи мне кто-то, еще год назад, что гриб, нечто пусть и немыслимо древнее, но на столько порядков более примитивное, вдруг окажется повелителем людей, не поверил бы. Я все искал инопланетян, великих покорителей пространства. А когда понял, кто они такие... истерика была та еще.

— Ты изменился, — тихо сказал Нил.

— Знаю, друже. Поживешь тут, и не таким станешь. Самое смешное во всем этом, что миазмы, испускаемые грибницей, тем скорее отключают мозги, чем выше в них электрохимическая активность. То есть, крысы разные, да хоть кошки-собаки, они просто не успеют за свою жизнь получить нужной дозы, а вот человеку хватит и десяти лет. Сейчас, когда грибница активна, гораздо меньше, — и, не останавливаясь, продолжил: — Земля, а я всё время на связи оставался, выслала военный беспилотник, в случае чего пронести тут всё. До сих пор на орбите болтается.

Нил поежился. И все же спросил:

— А как же метаморфозы? Ведь не могли же...

— Нет, не могли. Это бактериофаги, они тут повсюду, даже в воздухе. Тоже продукт жизнедеятельности грибницы, неотличимы от наших под микроскопом, организм как чужаки не воспринимаются, посему понять механизм воздействия до крайности сложно. Вот и живем теперь, аки ангелы: амброзия, солнечный свет, свежий воздух, — последние слова казались неотличимыми от тех, что говорил всего час или меньше назад Клугер. Нил посмотрел на друга, Док отвёл глаза, взгляды в сполохи у холмов.

— Мы от грибницы в полной зависимости, — продолжил он. — Я пытался синтезировать амброзию, но лабораторию разгромили, из того, что осталось, сварить даже что-то похожее не получается. Клугер как вернулся, через неделю заболел, все тело в коричневых пятнах было, точно побитое яблоко, хорошо я сообразил дать ему сок. Канистры нам хватает от извержения до извержения. Но сколько их ещё будет, а ну как грибница выдохнется? А если завтра все вернутся... Сам понимаешь.

— Все настолько плохо?

— Пока трудно сказать. А знаешь, что с нами делает амброзия. Это не просто зависимость... она заставляет клетки делиться, — Нил все же нашел его взгляд. Глаза Дока вспыхнули прежним огнем, будто искорка пробежала. — Сок снимает ограничение, заложенное в нас геномом, на конечное число делений клеток. Так что, — он усмехнулся, но как-то недобро, — пока грибница активна, мы бессмертны. Побочный продукт подчинения, так сказать. Земля, едва узнала, выслала на планету тучу зондов, может, видел по дороге, нет, так насмотришься еще. Пообещала в ближайшее время

наладить выпуск амброзии. Как же, ведь это научный прорыв. Надеюсь, они не собираются всех превращать в зеленых человечков...

И оборвал разговор на полуслове, наскоро извинившись за то, что сваливает на голову друга все свои треволнени, и ушел. В дверях едва размигнувшись с Ивонной.

Нил намеревался пойти за Доком, но как на стену наткнулся, увидел девушку. И та на пороге замерла. Пауза продлилась несколько мгновений; Ваня очнулась первой.

— Вы меня не помните? — робко поинтересовалась она. Нил мотнул головой, — Ивонна Марченко, — и поскольку завеса памяти не шелохнулась, добавила всего два слова: — Паром «Одиссей».

Теперь он вспомнил. Кивнул. Перед глазами, вынырнув из тьмы забвения, возникло испуганное девичье личико, единственной выжившей на том пароме. Нил отыскал ее на нижней палубе, у самого входа в трюм, спрятавшейся от неизвестного противника под разбитой эвакуационной капсулой.

— Немоту мою вылечили, но то, что происходило на пароме, несмотря на все старания врачей, я так и не вспомнила, даже под гипнозом, чёрная дыра в памяти, — прервала нахлынувшие воспоминания девушка. — После реабилитации меня определили в интернат, и... все, что осталось в голове после той катастрофы, ваше лицо, ваш голос, просивший меня не бояться и довериться вам, — голос дрожал от волнения. Он молчал, неотрывно глядя на ее руки, нервно мнущие пальцы; совсем как тогда.

— Моя семья: мама, папа и старший брат — остались на пароме. Я искала вас. Как узнала, что вы на Мегане, устроилась в сестринскую школу: в колониях, всегда требуются медицинские работники. Три года назад прилетела сюда, работала у Яна на подхвате, — теперь он вспомнил, что мельком видел её в госпитале. Глаза, украдкой следившие за ним, когда он приходил к Доку, прятаящиеся, стоило только ему проявить малейшую заинтересованность и только теперь решившиеся открыть потайную шкатулку с секретом. Если бы не грибница, может статься, он так и не узнал...

— Я помню, — тихо произнес он, отвечая на единственный вопрос, который от него и ждали эти глаза, и задал свой, неуклюжий и примитивный, — как ты... теперь?

— Рада, что вы вернулись, теперь рядом будете, — открыто улыбнулась она. И вдруг испугалась, — вы не подумайте, я... мне от вас ничего не нужно. Только видеть вас, хоть иногда.

— Девочка, милая, ты хоть понимаешь, во что превратилась из-за меня? Ведь... — взгляд не дал ему продолжить. Как она не поймёт, там, на пароме, её мог обнаружить любой из его отряда. Любой! Он ведь даже навестить её в клинику ни разу не пришел, поначалу собирался, а потом...

— Не надо, — тихо, почти шепотом сказала она, — я всё понимаю. Но вы тоже поймите, мне без вас никуда. И потом, разве мы перестали быть людьми? Разве не чувствуем, как все остальные, только потому, что позеленели и перестали есть? Простите меня, Нил, я признаваться вам не хотела, обрадовалась, что вы пришли, вот и...

— Не надо.

Оба замолчали, долго, будто впервые разглядывая друг друга:

— Я надеюсь, другие тоже вернутся, — вдруг сказала она.

— Если все вернутся, некому будет выращивать грибы, а тогда и амброзии не останется. Все погибнут, — повторил он умозаключения Дока.

— Мы что-нибудь придумаем, — твердо ответила она.

Вспышка осветила ее лицо. Сполохи учащались, становились ярче, входили в силу. Так удивительно, подумалось Нилу. Так просто и удивительно. Он остался в прошлом, доверив кубу свои надежды и чаяния, боли и радости, все свое. А она, она... пережившая две катастрофы, верит грядущему, неизвестному, темному, неясному, всю жизнь прожила им, и теперь продолжает смотреть вперед, не сомневаясь и не оглядываясь. Будто каждый прожитый день уходит в черную бездну, поглотившую паром «Одиссей». И надо только дожидаться следующего, и верить, что он придет. Просто верить в наступление неизбежного завтра.

Оба смотрели на запад, где над угольно чёрным горизонтом ширилось и росло багровое зарево пробудившейся грибницы.

Об авторах

Кирилл Николаевич Берендеев родился 17 августа 1974 года. Окончив среднюю школу, поступил в МИРЭА.

Литературой увлекся давно, до настоящего времени написал большое число коротких и длинных произведений, больше коротких, чем длинных. Написаны они в разных стилях: от аллегорических и лирико-сентиментальных до фантастических и мистических.

Публиковаться начал с 1998 года в украинском журнале «Порог». До настоящего времени печатался в журналах: «Континент», «Слово», «Московский вестник», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Искатель», «Бурда-Мини», «Мир фантастики», «Человек и закон», «Машины и механизмы», «Север». «Альфа-книга» выпустило рассказы, а сборник «Галилеи-2007» с участием Берендеева вышел в украинском издательстве Либуркина. В декабре 2009 года в издательском доме «Флюид» вышла книга автора, содержащая фантастический роман «Осколки». В №1 и №2 за 2013 г. «Знание-сила: Фантастика» напечатаны рассказы «Наказание» и «Мы остаемся здесь».

Анна Райнова родилась в 1976 г. в Барнауле. Далее проживала на Украине в городе Николаеве. После средней школы поступила в НГУК, режиссер культурно-массовых мероприятий. С 1994 года артистка балета Николаевского академического театра драмы и музыкальной комедии.

Писать начала сравнительно недавно, первая фантастическая повесть «Неправильный танец снежинок» появилась на свет в 2002 году, к тому времени Анна уже переехала на постоянное место жительства в Израиль.

Первая бумажная публикация была в 2009 году в сборнике «Десятка» Харьковского издательства «Умная книга». Рассказ «Глазунья» опубликован в №10/2011 журнала «Люблю читать», мистический рассказ «Лиза» в №5/2012 журнала «Искатель Украины». В сетевом журнале Павла Амнуэля «Млечный путь» опубликованы НФ рассказы: «Садовник», «Перст указующий» и «Бессмертие отменить», а так же фантастическая повесть «Корабль в море Спокойствия», написанная в соавторстве с Кириллом Берендеевым.

Андрей Анисимов

Абориген

— Здесь, — сказал Николаев.

Бучнев выполз из бетонной трубы, по которой они ползли последние десять минут, и огляделся. Помещение, где он очутился, оказалось значительно просторней перехода, но это отнюдь не означало, что здесь было просторно. Нечто вроде распределительного узла — широкая, цилиндрической формы, камера, достаточно большая, однако настолько плотно заполненная соединительными муфтами кабельных трасс, коммутационными щитами и вентилями, что среди этого многообразия различных коммуникаций с трудом можно было найти пяточок свободного пространства, где могли свободно встать два человека, не касаясь при этом ничего вокруг и друг друга. Тусклый дежурный свет единственной крошечной панели освещал богатый набор свисающих с кабелей и трубопроводов разноцветных пластиковых бирок с непонятными Бучневу обозначениями, покрытый ржавым налётом металлический потолок с наглухо закрытым люком и спускающейся от него лестницей, и такой же пол, сплошь состоящий из массы меньших по размеру лючков.

— Здесь, — повторил Николаев, указывая на один из них.

Он достал из сумки гаечный ключ и принялся раскручивать тронутые ржой болты, держащие крышку. Из полустёртой надписи на ней явствовало, что под крышкой находится нечто именуемое ВВ-36.

— Что это?

— Заглушка вентиляционной системы... Той самой, что ведёт в нужное место. Единственная неопломбированная.

— Странно, что её пропустили.

— Ничего странного. В первоначальном проекте было полно разных недоработок, так что при строительстве приходилось вносить уйму изменений и дополнений, мелких, как правило, и не фиксируемых документально. Поэтому упоминания об этой заглушке ты не найдёшь нигде, и поэтому-то её пропустили. Из obsługi о ней знаю я, да ещё два-три сторожила. «Крысам» она, скорее всего, тоже известна, но те помалкивают. Им и так достаётся от координатора.

— Мне они тоже ничего не сказали, — заметил Бучнев.

Николаев хмыкнул.

— А ты думал, они будут изливать душу первому встречному. Тем более новичку. Эти парни себе на уме.

— А сюда они лазали? — поинтересовался Бучнев. — Как думаешь.

Николаев с сомнением покачал головой.

— Если и лазали, то давно. Эту заглушку не трогали месяцев шесть или семь, точно.

Николаев открутил последний болт, поддел отвёрткой крышку и отложил её в сторону. Под ней открылась короткая труба колодца, с приваренными ёлочкой прутьями, соединяющаяся с Г-образной железной глоткой воздуховода. Один конец его уходил куда-то в сторону, другой — вертикально вниз, теряясь в беспросветном чернильном мраке, дохнувшем на людей спёртым воздухом изолированных от остального Лабиринта тоннелей. Николаев посветил вниз фонариком и удовлетворённо хмыкнул.

— Тебе вниз. Спустишься до вентиляционных коробов, а там смотри по меткам. Красные идут к резервному контуру, белые — как раз в сторону штолен. Заслонка будет метров через десять. Снимешь решётку — и ты на месте.

— Я помню.

— Тогда порядок. — Николаев собрал инструменты в сумку и забросил её за плечо. — В общем, как договорились. Я возвращаюсь ровно через два часа. Ни минутой позже. Если тебя тут не будет, я вызываю спасателей. Что им сказать, я, надеюсь, тоже помнишь.

Бучнев кивнул.

— И учти, это может начаться везде. Не только во второй. Был случай, когда двоих накрыло в радиальном коридоре. Так что, как спустишься, будь начеку.

— Понял.

— И не забывай про метки. Первую оставь прямо здесь.

— Здесь? — удивился Бучнев. — Зачем?

— Мало ли что случится... Панель погаснет, фонарь откажет, я задержусь... Тут надо быть готовым ко всему. Так что меть каждый поворот, спуск или подъём, и каждый десятый шаг.

— Всё так серьёзно?

— Вот поплутаешь в этом лабиринте, да ещё впотьмах, тогда поймешь насколько это серьёзно.

— А «крысы» не метят... — заметил Бучнев.

— На то они и «крысы» — лаконично ответил Николаев.

— Кстати, ты ведь тоже не метил... Кажется.

Николаев снова хмыкнул.

— Я знаю этот район не хуже «крыс». И всё равно мечу... И пока шёл, тоже метил, просто ты не заметил этого, — сказав это, Николаев провёл ладонью по ближайшей трубе. Казалось, он только прикоснулся к ней, но когда убрал руку, на трубе, к удивлению Бучнева оказался замысловатый трёхцветный крючок — его личная метка. Даже не просто метка, а целое шифрованное послание для того, кто знал, как её прочесть. Бучнев пока не очень хорошо разбирался во всех тонкостях такого письма, но ловкость, с которой зрители ставили эти метки, не переставала поражать его.

Сконфуженно крикнув, Бучнев «выбил» из напульсного пенала маркер и, стараясь подражать ловким движениям профессиональных зрителей, быстро обвёл горловину колодца прерывистой красно-жёлтой линией по

всей окружности, завершив её «поросячьим хвостиком» указывающим в ту сторону, с которой они вошли в камеру. Получилось не очень чётко и ровно, но Бучнев остался доволен. Первые метки, которые он ставил три месяца назад, вызывали у него только чувство неловкости.

— Порядок, — констатировал Николаев, протягивая Бучневу руку. — Удачи тебе. И помни — два часа.

Бучнев пожал протянутую руку, подхватил рюкзак и начал спускаться, пробуя прочность ступеней, прежде чем перенести на них весь свой вес. Он насчитал их одиннадцать, когда импровизированная лестница сменилась скобами приваренными к стенам воздуховода, и ещё сорок две, когда кончились и они. Уцепившись за самые нижние ступени, Бучнев спустил в темноту ноги и почти сразу коснулся ими глухо гроыхнувшего под ним дна: вентиляционный короб оказался не таким уж и высоким. Встав в него, Бучнев зажёл фонарь и первым делом поставил вторую метку, точно такую же, как и первая — так называемую «полную» метку, а не те скупые короткие штришки, которыми метят спуски, подъёмы и повороты профессиональные лабиринтоходцы. Ярко фосфоресцирующее кольцо отныне можно будет безошибочно найти даже в глубокой мгле, покуда состав маркера не утратит активность и не потускнеет. После этого краска ещё какое-то время будет видна как просто рубиново-жёлтая полоса, затем пропадёт и она. Делалось это специально для того, чтобы не путать старые метки с новыми, и не загромождать подземные переходы ненужными уже знаками. Даже в эпоху точных электронных карт и планов, здесь, зачастую, это был единственный способ сориентироваться. Подземелье диктовало свои законы, что создавало особый ореол романтичности вокруг него, и что в конечном итоге неудержимо влекло сюда разного рода искателей приключений.

Убрав маркер, Бучнев взглянул вверх, в колодец по которому только что спустился.

Николаева там уже не было; тускло горела панель и хорошо заметная даже с такого расстояния верхняя метка. Теперь каждому было видно, что в колодец спустился человек, но спускаться без метки действительно было бы грубейшим нарушением элементарных правил безопасности. «Крысы», правда, постоянно игнорировали их, за что справедливо преследовались администрацией. Коммуникации города имели огромную протяжённость, и блуждать в них, ориентируясь исключительно по памяти, было крайне рискованным делом. «Крысы» находили в этом риске особое наслаждение, а сеть шахт, туннелей и переходов каждый год взимала свою дань: кто-нибудь да пропадал.

Иных так и не находили. И их бранные останки по-прежнему лежали где-то здесь, в этом невероятном лабиринте штолен, шахт и переходов. А может, и не только останки.

Бучневу вдруг стало не по себе. Он невольно замер, прислушиваясь к мёртвой тишине подземелий, чувствуя, как по коже бежит неприятный холодок. Странно, он не слышал ни одной истории или байки о призраках, обитающих в старых выработках и брошенных транспортных магистралях. Любое подземелье просто обязано быть пристанищем разного рода поту-

стороннего. Чем хуже подземелье лунного города? А вообще, кто-нибудь видел на Луне хоть одно приведение?

Привидений не видели, но полтергейст был. Именно поэтому он и здесь. И это место совсем рядом.

Пригнувшись, Бучнев обвёл вокруг себя фонариком. Первая метка, которую он обнаружил, оказалась белой — просто галочка, нарисованная обычной масляной краской. Повернувшись к ней спиной, он пошарил фонариком по рыжим стенкам короба, покуда не наткнулся на красную. Его путь лежал в эту сторону.

Расстояние до заслонки он отметил двумя своими метками. Добравшись до неё, Бучнев обернулся, с удовлетворением отметив, что метки видны прекрасно и складываются в чёткую цепочку. За ним оставался своеобразный световой след, по которому можно было уверенно двигаться даже в кромешной тьме, и даже такому неопытному человеку, как он. С другой стороны, по нему же мог пойти и кто-нибудь другой, в том числе и спасатели, которые постоянно проверяли Лабиринт, отыскивая в нём заплутавших туристов и «крыс», и тогда дело могло кончиться скандалом, и опечатаванием последнего доступа на столь вожаденный уровень. Этого Бучневу никак не хотелось. В то же время, наверняка существовали и другие не опечатанные, бесконтрольные лазейки, по которым можно было добраться сюда. Николаев явно кое-что утаил.

Заслонка представляла собой обычную стальную плиту,двигающуюся в пазах, и регулирующая количество втягиваемого вентсистемой воздуха. Механизм заслонки давно был сломан, и её пришлось толкать руками, сдвигая скрежещущее от ржи железо сильными, резкими рывками. Сдвинув-таки её, Бучнев обнаружил под заслонкой решётку.

Следуя инструкциям Николаева, Бучнев нашёл фиксирующие защёлки, освободил решётку, после чего та просто откинулась вниз на жутко скрипучих петлях. Посветив в открывшееся отверстие, Бучнев увидел метрах в трёх под собой бетонный пол 16-го вспомогательного уровня. Если верить схеме, отсюда до штольни №2 было рукой подать.

Покопавшись в рюкзаке, Бучнев достал верёвочную лестницу. Закрепив её специальными фиксаторами за край кожуха, он сбросил лестницу вниз, надел рюкзак, включил анализатор, пометил маркёром прямоугольный проём решётки и только после этого начал спускаться. Через несколько секунд он уже стоял внизу.

16-й вспомогательный уровень планировался как погрузо-разгрузочный терминал на одной из многочисленных транспортных магистралей, связывающих в единое целое Селенобург, Электрическую Долину, Ильменитовые Копи и Плавильни. По проекту здесь должны были располагаться складские помещения, ремонтные мастерские, отстойники для транспортных модулей, погрузо-разгрузочные системы и многое другое, необходимое для нормального функционирования данной транспортной артерии. Уровень должен был быть одним из бесчисленных узлов в постоянно расширяющейся сети, охватывающей собой едва ли не четверть всей Луны, но ему так и суждено было остаться лишь в проекте. Строители успели построить только основной ствол, и крошечную часть того, что проектировалось вокруг, когда при про-

ходческих работах в штольне №2 долженствующей соединить два радиальных коридора, начала происходить разная чертовщина.

Сначала появился звук — дикий высокочастотный пульсирующий визг, который точно бурав вонзался в мозг работающий в штольне людей, доводя за считанные минуты самых стойких из них до полубоморочного состояния. Вне штольни всё исчезало, и ретировавшиеся поначалу строители, попытались было вернуться обратно, тут же снова попав под пресс звуковых пульсаций. Впрочем, как выяснилось, данное явление к звукам не имело вообще никакого отношения. Установленные в штольне системы контроля окружающей среды не зафиксировали никаких посторонних шумов, кроме тех, что издавали сами люди и работающие механизмы. Микрофоны остались глухи к загадочным пульсациям, из чего можно было сделать некоторые выводы, ничего, правда, конкретно не объясняющие.

Собранная наспех группа специалистов разных направлений ещё спорила относительно природы данного явления, когда в штольне начали самопроизвольно перемещаться предметы. Утихшие ненадолго пульсации дали возможность учёным беспрепятственно проникнуть в штольню, но вместо звуков их встретили там плавающие в воздухе части крепежа, со страшным скрежетом ползающие по полу контейнеры с оборудованием и преследующие их по пятам совершенно спятившие роботы. Затем снова вернулась пульсация.

Во избежание непредвиденных осложнений, работы на всём уровне прекратили, а специально созданная комиссия принялась за изучение феномена. К каким результатам она пришла, так и осталось тайной за семью печатями, но работы на 16-м уровне больше не возобновлялись. «Нехорошее» место изолировали, стройку перенесли, решив, что проще построить терминал где-нибудь в другой части магистрали, чем дожидаться объяснения загадки здесь. Официально закрытие строительства мотивировали обнаружением опасных пустот в породе, но, как известно, шила в мешке не утаишь. По всей Луне и за её пределами поползли самые разнообразные слухи, будоражащие воображение даже самых неверующих и скептических. К заброшенному уровню потянулись охотники за аномалиями и просто любопытные, что вынудило администрацию Центрального Промышленного Района опечатать все входы-выходы с уровня, снабдив их к тому же датчиками доступа. Однако особо настойчивые всё же находили путь...

Как-то так получилось, что о 16-м уровне начали забывать, и к тому времени, когда в Селенобурге появился Бучнев, от него не осталось даже упоминания ни на одной из схем. Вся информация о 16-м вспомогательном уровне района 36-12 была тщательнейшим образом вымарана, только Бучнев точно знал, что уровень есть и где примерно — тоже. Оставалось только найти дорогу к нему. Знакомство с Николаевым решило и эту проблему.

И вот он здесь.

Стоя возле лестницы, Бучнев увеличил силу светового потока фонаря и не спеша огляделся. Яркое голубое пятно скользнуло по глухой бетонной стене, выхватив их мрака змеящиеся по ней кабели, переползло на пол,

пробежало по сложенным в штабеля стальным балкам и зловещего вида механизмам и бесследно утонуло в глубине изгибающегося огромной дугой прохода. Проход уходил влево и вправо, окружая собой центральную площадку, где среди хаоса ферм и арматурных прутьев угадывались очертания подъёмников центрального ствола.

Последнее обстоятельство немало удивило Бучнева. Он ожидал, что в давным-давно покинутом уровне царит беспросветный мрак, а тут, оказывается, ещё остались работающие панели, дающие хоть и очень слабый, но всё же свет. Видимо, кое-какие питающие фидеры просто забыли обесточить, либо же кто-то специально подал питание на панели, уже позже, после закрытия уровня, в обход основных энергосетей. В любом случае свет был, причём радиальные коридоры оказались освещёнными значительно лучше, нежели центральная площадка, — вполне достаточно для того, чтобы можно было что-то рассмотреть там без помощи фонаря. Миновав два из них — №4 и №5 — Бучнев очутился перед входом в тот, от которого ответвлялась штольня №2.

Здесь тоже было полно разного добра и механики: лежали приготовленные к сборке части тюбингов, громоздились штабеля узких прямоугольных ящиков, поставленные как попало грузовые платформы, а всю центральную часть коридора занимал похожий на огромную многоножку, самонаращивающийся звенчатый транспортёр. По всему было видно, что строители бросили своё дело в самый разгар работ: часть платформ так и остались неразгруженными, а транспортёр и вовсе был брошен в активном режиме, с заполненными выбранной проходческими щитами породой ковшами, и впускными вентилями гидрораспределителей, оставленными в верхнем, открытом положении. Под транспортёром широкой полосой тянулись лужицы масла, натёкшие там, где оно сумело просочиться сквозь потерявшие за долгие годы эластичность уплотнители. Среди них валялись брошенная сумка с инструментами, каска и даже чей-то ботинок. Шагах в двадцати от входа Бучнев нашёл электронный планшет старой конструкции, оброненный не то кем-то из инженеров-строителей, не то теми, кто побывал здесь позже. Батареи его давно разрядились, однако кристаллы памяти могли избежать разрушительного воздействия времени и содержать в себе немало интересного.

Подсвечивая фонариком, Бучнев медленно, и как можно бесшумней прошёл среди этих груд безмолвного железа, совершенно позабыв и о метках, которые нужно ставить, и обо всё остальном на свете. Крепления свода и стен делали и сам коридор похожим на часть какой-то машины, или гофрированную глотку чудовища поистине невероятных размеров. Коридор казался бесконечным; его дальний край терялся где-то в голубовато-сером сумраке, но в пятидесяти метрах от входа влево вело ответвление. Это и было штольней №2.

Внезапно у Бучнева возникло странное чувство, будто за ним кто-то наблюдает. Возможно, это было просто игрой воображения, вызванной этим мрачноватым местом и теми загадочными обстоятельствами, которые привели его сюда, но как бы то ни было, ощущение, что он попал под наблюдение, не проходило. Наоборот — оно усиливалось с каждым прой-

денным шагом, и к тому времени, когда он, наконец, достиг входа в штольню, из чисто подсознательного чувства оно превратилось в почти физически осязаемое. В этом районе уровня явно было что-то не так, и это что-то по-прежнему находилось здесь, прячась где-то в самых тёмных закоулках тоннеля и напряженно наблюдая за человеком. Бучнев каждой частицей своего тела чувствовал этот взгляд, и тот, кто наблюдал за ним, был совсем рядом. Можно сказать, дышал на него.

— Кто здесь? — громко произнёс Бучнев, сознавая всю бессмысленность этой попытки. Гулкое туннельное эхо подхватило брошенные в пустоту слова и рокоча понесло их вглубь огромных лунных нор, оставляя человеку только стихающее уханье реверберации. А впрочем...

Бучнев чуть повернул голову и, нахмутив брови, замер, прислушиваясь. В рокочущих вздохах умирающего эха появился какой-то новый звук. Он был настолько тихим, что скорее угадывался, нежели слышался. Что-то вроде далёкого-предалёкого звона серебряного колокольчика или позвякивания сыплющихся на стальную плиту тонких, почти невесомых иголочек. Несколько секунд звук балансировал на самой грани слышимости, а потом неожиданно начал усиливаться, нарастая с такой быстротой, словно то, что его излучало, вдруг сорвалось с места и понеслось к человеку с громадной скоростью, издавая при этом уже не звон серебряного колокольчика, а высокочастотный пульсирующий визг, от которого сразу заныли зубы. Бучнев инстинктивно попятился, вертя головой, пытаясь определить, где находится источник этого дикого визга. Он шёл отовсюду и ниоткуда, и при этом звучал как-то очень странно. В чём именно заключалась эта странность, понять Бучнев не успел. Осознавая, что в нём что-то не так, он взглянул на дисплей своего карманного анализатора, но в тот же миг его накрыла пульсирующая лавина звука.

Страшная боль пронзила его мозг, точно на гребне звуковой волны неслось огромное количество металлических колючек, которые тут же вонзились ему под череп. Бучнев выронил анализатор и, согнувшись под напором этой неистовой лавины, сжал голову руками, стараясь как можно плотнее закрыть уши. Однако это не помогло. Пульсирующий визг проникал прямо в его мыслящую плоть, минуя барабанные перепонки, и с каждым мгновением удары пульсаций становились всё сильнее и болезненней, разрывая на части отчаянно сопротивляющийся мозг. Ничего уже не видя и не соображая от слепящей боли, Бучнев попытался бежать, но ударился обо что-то плечом и повалился на пол. Он попробовал подняться и тут же снова упал, придавленный прессом всё усиливающейся бешеной пульсации.

Внезапно характер звука изменился. Терзающий мозг визг ослаб, в нём появилась целая гамма других звуков: смесь шипения, шелеста и какого-то нечленораздельного бормотания. «С-с-зан, — явственно послышалось в этой какофонии. — Сж-ж-ж-ш-ш-шв-в-вы слышите меня?» — раздался вдруг чей-то вкрадчивый шёпот.

Слова прозвучали очень отчётливо — прямо в голове. Даже не слова, а какое-то сложное сочетание звенящих и шипящих звуков, образующих в совокупности нечто весьма отдалённо напоминающее человеческую речь. Тем не менее, смысл сказанного, как ни странно, Бучнев понял прекрасно.

Он отнял руки от головы, с трудом, сопя и кряхтя, как столетний старик, встал на четвереньки и растерянно обвёл взглядом серые трубы штольни и радиального коридора. Ни там, ни там по-прежнему никого не было.

— Я правильно передаю? — снова послышался чей-то звенящий шёпот. — Очень трудно найти правильный ритм...

— Кто это говорит? — пробормотал Бучнев.

— Я, — тихо ответил его невидимый собеседник.

— Кто это — я? — Бучнев завертел головой, но увидел не больше, чем до этого.

— Я, Концентратика.

— Концентратика? — переспросил Бучнев и скрипнул зубами; боль, оставшаяся от дикого пульсирующего визга, всё ещё давала о себе знать. — Какая ещё концентратика?

— Концентратика — это я, — ответил бесплотный голос. — Я есть сообщество индивидуумов, выступающих как единое целое, объединённых единым эго-полем, и единым направлением существования. Степень сосредоточённости составляющих меня членов очень велика, поэтому я — Концентратика. Такова моя сущность.

— С ума сойти... — испуганно выдохнул Бучнев.

Он медленно поднялся на ноги и, держась за железное ребро тьюбинга, в который уже раз оглядел погружённые в вечные сумерки тоннели. Серые бетонные стены, кабели, трубы, разная механика... Нигде никаких Концентратик. Вообще никого нет — только он и мёртвая материя. Откуда этот голос?

Это всё влияние данного места, догадался Бучнев. Лунная геопатогенная зона — вот на что наткнулись здесь проходчики. И воздействие её на мозг вызывает галлюцинации. Сначала это подобно удару, оно оглушает, дезорганизует, превращая твоё сознание в кисель, а тебя самого — в сжавшийся от животного страха комок биомассы, инстинктивно пытающийся убежать. Такова первая стадия воздействия. А потом что-то перестраивается в голове, адаптируется, а может наоборот — разрушается, и тогда наступает вторая стадия: появляются голоса. Не исключено, что за ней наступит и третья — разные видения: левитирующие предметы и прочее. Опасное место! Неудивительно, что доступ на уровень закрыли.

— Я не... — свистящие и шипящие звуки образовали архисложную комбинацию, которую Бучнев расшифровал как «кажусь». — Я на самом деле, я реальна. Я большая и достаточно сильно излучаю, меня невозможно не заметить. Это очень странно, что вы не видите меня.

— А что я должен видеть? — автоматически спросил Бучнев. — Здесь никого нет.

— Здесь есть я.

Бучнев потёр виски и потрянул головой. Боль почти утихла, и теперь ему слышалось пение десятков голосов, сливающихся в тихую, успокаивающую мелодию. Сотканная из самых разнообразных по характеру и тону звуков, она, как и предшествующий ей визг, тоже пульсировала, то утихая, то усиливаясь.

— Мне всегда казалось, что люди галлюцинируют как-то иначе, — про-

говорил он, прислушиваясь к этим звукам. — Никогда не думал, что можно вести диалог с собственной больной головой.

— Я не иллюзия, — мягко повторил голос. — Вы не видите меня — это очень странно. Я не могу понять, почему.. Члены Концентратики — они повсюду. Я вокруг вас, вы внутри меня.

— Наверное, потому, что я ещё не «дозрел», — предположил Бучнев. — Но скоро должен увидеть.

— Как странно устроено ваше восприятие, — удивлённо заметила Концентратика.

— Ага, — уронил Бучнев, нагибаясь за анализатором. Воспроизведя запись рекордера, он, как и предполагалось, услышал только собственные слова, и ничего кроме них. Никаких пульсаций и голоса загадочной Концентратики. Стало быть, всё это — галлюцинация и есть.

— Поскольку вы продолжаете настаивать на мнимости моего существования, я могу проявить себя иным способом, — заявила между тем Концентратика. — Например, активировать силовую составляющую своей жизненной энергии.

— Это что такое?

— То, чем можно воздействовать на предметы.

— Ага, третья стадия, — кивнул Бучнев. — Ну, понятно. Так и должно быть.

— Вы сомневаетесь в её действенности? Напрасно. Это очень значительная сила, и она чрезвычайно яркая и так пахнет!

— Пахнет? — Сложное переплетение шипящих и трескучих звуков, почему-то, ассоциировалось у него именно с этим словом. — Я правильно понял — пахнет?

— Да, она очень ощутима.

Бучнев на всякий случай потянул носом воздух, но учуял только привычные запахи подземелья: запах пыли, масла и заброшенности.

— Ничего не чувствую. Пахнет как обычно.

— Не ощущать силу! А её воздействие — вот! — с этими словами увесистая железная балка, лежащая в штабеле вместе с остальными у стены, вдруг подпрыгнула в воздух, и зависла в двух метрах от пола, медленно поворачиваясь вокруг поперечной оси.

— Вот она — сила!

Да, третья стадия, подумал Бучнев, инстинктивно пятясь назад. Те, кто работал здесь в тот день, уже видели такое. Всё идёт как по писанному, правда строители ни с кем не разговаривали. А что его ждёт дальше? Сам начнёт порхать, как бабочка? Не пора ли делать отсюда ноги, пока его мозги окончательно не слетели с катушек?

Конец балки проплыл совсем недалеко от его головы, и Бучнев ощутил кожей лица слабое дуновение воздуха, возмущённого этим движением. Он поднял фонарь, чтобы лучше разглядеть висящий в воздухе предмет, с немалым удивлением обнаружив, что луч действительно высветил висящую и вращающуюся балку, которая, к тому же, дала вполне чёткую тень. Странно. Может ли бред быть столь реалистичным? Может, а почему бы и нет. И всё же... Кто может подтвердить или опровергнуть, что виденное

им — галлюцинация. Нужен свидетель, беспристрастный, на который не распространяется то воздействие, что рождает сейчас грёзы в его воспалённом сознании. Где его такого найти... Стоп! Камера анализатора!

Бучнев выбрал нужную опцию и, стараясь не глядеть на маленький экранчик, навёл чёрный глазок объектива на балку. Затем, внезапно задрожавшими руками включил воспроизведение.

Электроника не подвержена галлюцинациям. А если и подвержена в какой-то мере, то они никак не могут быть схожими с человеческими. Если перед объективом что-то есть, он непременно отобразит это на матрице, та так же исправно превратит изображение в сигналы разного потенциала, которые обработает процессор, трансформируя их в последовательность нулей и единиц, и которые затем «осядут» где-то в глубинах электронной памяти. Если из этой памяти на экран выводится изображение висящей в воздухе балки, значит...

— Значит... — пробормотал Бучнев и вытер рукавом покрывшийся обильной испариной лоб. — Уф!

Значит, эта чёртова балка существует на самом деле. И голос — тоже. Значит, всё это не галлюцинация, и здесь действительно КТО-ТО есть, и это также означает, что он — первый, кто вступил с этим кто-то в контакт. А это значит, что... Господи, ну и попал он в историю!

— Уф! — снова выдохнул Бучнев.

— Как резко изменился характер вашего излучения, — заметила Концентратика, опуская балку на прежнее место. — Удивительно, насколько сильно повлияла на вас демонстрация силы.

— Ну, ещё бы! — с чувством произнёс Бучнев, постепенно приходя в себя.

— Очень сложная форма, — добавила Концентратика с интонацией человека, пробующего на вкус незнакомый напиток. — Сколько составляющих и как причудливо переплетено!

— О чём это ты? — настороженно поинтересовался Бучнев, начиная пятиться и готовясь при первых же признаках агрессивности дать стрекоча.

— О испускаемых вами волнах, разумеется. Какими они стали... жёсткими.

— Жёсткими? — Бучнев остановился и огляделся. До выхода из коридора — считанные десятки метров. В случае чего, он успеет выскользнуть отсюда. Или нет?

— Именно так, — подтвердила Концентратика. — Словно сила, направленная на защиту и удержание. Вы, кажется, собираетесь уходить?

— Я? — быстро отозвался Бучнев, буквально пригвожденный к полу этим вопросом. — Я — нет. Что ты... Я просто хотел спросить...

— Да?

— Слушай, как тебя, э...э...э... Концентрация...

— Концентратика.

— Ну да... Твой голос... Он звучит прямо внутри меня. Это что — телепатия?

— Мне не знакомо это понятие. Такая форма общения — совершенно обычная для существ, испускающих коммуникативные сигналы. Только у вас иной ритм. Мне стоило немало труда, чтобы найти его.

— Значит, я и впрямь первый...

— Да, — подтвердила Концентратика. — Вы первый из тех, кто приходил сюда, с кем я смогла общаться.

— Ну и дела!

Бучнев озадаченно крикнул и задумчиво потёр шею. Эта Концентратика, стало быть, без всякого труда улавливает его мысли, эмоции, и чтобы он ни задумал, всё сразу становится ей известным. В весёлое он попал положение! Попробуй-ка тут улизнуть незаметно, если ты весь — как открытая книга.

— Почему вы всё время порываетесь уйти?

— Потому что я не знаю, кто ты, и чего от тебя ждать, — ответил Бучнев, решив играть в открытую. — А то, что незнакомо, может выкинуть любой фортель. Вдруг ты захочешь изучить мою анатомию, и начнёшь меня потрошить. Так что то, что я тебя б... гм... опасуюсь, вполне естественно.

— Я — Концентратика, — произнёс голос, и в нём послышались нотки обиды. — Я ассоциация разумных членов, и не понимаю, как могу вызывать подобные чувства. Разве разум, встретив среди пустоты и бесконечности иной разум, не должен испытывать только радость от такой встречи?

— Не всегда. Не знаю, как у тебя, а у нас бывает по-всякому.

— Удивительно! — прозвенела Концентратика. — И непонятно.

— Что верно, то верно, — подхватил Бучнев. — Я тоже много чего не понимаю. То есть, откровенно говоря, я вообще ничего не понимаю. Ты — Концентратика, сообщество индивидуумов, ладно. А какие они, эти индивидуумы, что они из себя представляют, и почему ни одного из них я не вижу? Откуда они взялись, сколько их, ну и всё такое... Потом это эгополе... А жизненная энергия? А сила? Ты можешь рассказать о себе э...э...э... поподробней?

Концентратика ничего не ответила. Бучнев какое-то время прислушивался к тихим мелодичным звукам — остаткам прежнего убийственного визга, потом негромко позвал:

— Эй, Концентратика! Почему ты молчишь?

«С-с-с-зан» — прозвенело в голове, и Бучнев озадаченно заморгал: на мгновение всё, что было в коридоре, дрогнуло, потеряв чёткость, и расплылось радужными пятнами, которые, впрочем, тут же появились снова. Бучнев зажмурился, тряхнул головой, затем снова открыл глаза. Пятна пропали, однако предметы по-прежнему выглядели как-то странно, нечётко.

— Что происходит... — пробормотал он, протирая глаза, и замер, настолько поражённый новизной внезапно нахлынувших на него чувств, что даже не заметил, как пропал, растворившись в не имеющей названия субстанции и мрачный, серый мир лунных тоннелей и даже он сам. Переход был краток и совершенно неощутим. Неуловимый миг — и его словно вытолкнули на край обрывистого берега, под которым медленно вздымал свои волны бездонный океан чьих-то мыслей, ощущений и неясных образов. Ещё миг — и этот океан поглотил его. Только очутившись в нём, он понял, что оказался в сознании какого-то совершенно невероятного существа. В самой глубине его памяти.

Любая память имеет начало. Момент, с которого начинается осознание самого себя, своего существования в этом мире. Так начинают все живущие

в этой вселенной, или, в любом случае, должны начинать, и так же начиналось и здесь. Только здесь было не одно начало, а великое множество начал. И каждое было началом его. Он появился сразу в сотнях разных мест, и память его была подобна собранному мозаичному рисунку, где каждая часть, каждая составляющая была самостоятельной главой этой объёмистой книги прошлого, которые начинались все одинаково — пустотой и одиночеством. Что было до этого, не помнил никто. Просто однажды они все, кто раньше, кто позже, начали быть. И с момента самого раннего начала существования и брало начало его самого, как общего.

Крошечные частицы чего-то полуразумного, брошенные щедрой рукой Создателя в беспредельность окружающего их мира, медленно пробивающие себе дорогу в гудящем и дрожащем мире — вот кем они были изначально. Пищей им служил непрерывный ток энергии, пронизывающий всё и вся вокруг, а о возможности существования себе подобных никто из них и не помышлял. Каждый был центром своей крошечной вселенной, сферы туманного света, за которым начинался мрак и небытие. Всё, что было необходимо для жизни было в них самих, и не испытывая ни в чем надобности, они какое-то время просто находились в состоянии бессмысленного, бесцельного блуждания, ничего не ища, ничего не желая, и ничего не понимая в окружающем их мире.

Итак, они начали существовать и двигаться, кто позже, кто раньше. Медленно, чудовищно медленно, продвигались они вперёд. Они не двигались в привычном понимании этого слова, а переносили себя, своё сознание, на выбранный участок, в нужном направлении, трансформируя определённым образом структуру материи, которая должна была стать на время носителем их разума, и оставляя за собой длинный след видоизменённой, но «пустой», мёртвой уже породы. Не ощущая времени и не зная, как его измерять, они мерили свою жизнь отрезками от одного события до другого, разделяя ими бесконечную однообразность бытия на неопределённой продолжительности промежутки. Сотни, тысячи таких промежутков спустя кто-то уходил так далеко, что едва мог двигаться из-за слишком «возбуждённого» состояния материи, кто-то выходил на самый край её, туда, где нет совершенно ничего, кроме бушующей энергии, и в смятении поворачивал обратно. Кто-то, однажды, наткнулся на себе подобного...

Уловив трепетное биение мыслительной энергии, они устремились навстречу друг другу, влекомые не то инстинктом, не то любопытством, положив конец извечному одиночеству и начало новой фазе своей жизни. Отныне не порознь, но и не слившись в единое целое, вместе, рядом, соединившись своими слабыми, зачаточными полями сознания, эго-полями, они продолжили движение, уже как единый организм, притягивающий к себе всё новые и новые частицы. Чем больше их становилось, тем осмысленнее и полнее каждый из них воспринимал и то, что их окружало, и самих себя. Они начали путь познания и не только познания. У них появилась конкретная цель. Разум оказался самым удивительным, что каждый из них встречал на своём бесконечном пути, поэтому отныне Поиск и Объединение стали основными задачами их существования.

Поиск и Объединение. Их становилось всё больше, и как ни мала веро-

ятность таких встреч, мыслящий рой продолжал расти, вбирая в себя всё новых и новых членов. Я — часть всех, и каждый — часть меня, — руководствуясь этим организующим принципом, они выступали уже как единое целое, нераздельное. Как сообщество, обращающееся ко всем новым членам не «мы», а «я». Я, Концентратика.

Более сплочённая, чем любая армия, более организованная, чем любое иное сообщество, она продолжала странствовать, просачиваясь сквозь голубые, серые, чёрно-жёлтые и зелёные слои дрожащей материи, устремляясь то к очагам непонятных возмущений этой материи, то навстречу редким приливам радужных волн, впитывая их ласковое излучение, ища и собирая в этом гудящем, трескучем и трепещущем мире рассеянные крупинцы разума, когда в один из моментов её бесконечно длинной жизни, повстречала нечто удивительное и ни на что не похожее.

Первым появилось ощущение близости разума, особый запах мысли, который невозможно спутать ни с каким другим. Только на сей раз он нёс в себе какое-то неуловимое отличие, придававшее ему особый, своеобразный оттенок. Обрадованная и заинтригованная такой находкой, она повернула на далёкий зов, и постепенно впереди, из серой мглы, начали проступать очертания чего-то...

Ровные прямые линии, дуги, строгие геометрические формы. Движущиеся диковинные образования внутри. Резкий аромат электричества. И носители разума... Десятки носителей! Всё это невероятное место просто кишело ими. Они тоже двигались, беспорядочно перемещаясь туда-сюда среди цветной мешанины пятен и линий, совершенно не обращая внимания на приближающуюся Концентратику. Немало удивлённая такой реакцией, или, вернее, отсутствием оной, она направила к ним всю мощь своего эго-поля, и тогда произошло нечто странное. Вместо того, чтобы ответить, носители разом ретировались. Совершенно сбита с толку, Концентратика успела ещё немного продвинуться вперёд, когда они появились снова.

Она не единожды пыталась вступить с ними в разговор, и всегда неудачно. Их ответные сигналы были путанны, ритм передачи сбивчивым, и они всегда уходили, стоило ей только начать. Она попыталась изменить характер сигналов, но каждый раз безрезультатно. Так продолжалось какое-то время, потом визиты стали всё реже, покуда не прекратились совсем. Раздосадованная, она потянулась следом, туда, куда исчезали загадочные существа, обтекая собой их прежнее вместилище. Она достигла самого большого его места, когда внутри её появился ещё один носитель...

Так вот, как она попала сюда, догадался Бучнев, с удивлением уловив собственные мысли, идущие к нему откуда-то извне. Пошарив взглядом, он заметил среди пёстрой мешанины, наполняющей коридор... себя!

В этот миг узнавания, его буквально ошарашило новое чувство — чувство двойственности. Задавленное, оттеснённое куда-то на задворки сознания не принадлежащими ему воспоминаниями, оно вдруг проявилось с небывалой силой, захватив его всего, полностью. Это был шок; шок от нахлынувших на него широчайшей и невероятнейшей гаммы ощущений и от осознания самого этого факта. Он, оказывается, был сразу в двух местах

и двух телах одновременно! С него, с его мозга, со всем его содержимым, словно сняли копию, оставив один экземпляр в его привычном человеческом теле, а второй поместив в тело какого-то экзотического существа, вроде каракатицы. Человек и каракатица одновременно. Каким-то образом эти две части, два носителя его «я» были неразрывно связаны друг с другом, рождая немислимую мешанину мировосприятия, с которой его, обескураженное, загнанное в тупик, неподготовленное к таким сюрпризам сознание, сумело-таки как-то справиться. Правда, весьма своеобразно: усеча, усреднив всё это до уровня полувосприятия, полузрения, полупонимания... Но и эта половинчатость поражала и завораживала.

Он снова взглянул на себя. Одна его половина не увидела ничего, другая — бесформенный сгусток, источающий слабый ток мыслительной энергии. Неужели это действительно я? — удивился Бучнев, и нелепый сгусток затрепетал, испустив такой же трепетный поток мыслей-импульсов. «Неужели это действительно я», — прозвучало в них. Сомнений не было: там действительно стоял он, собственной персоной. А коли так, то его вторая, невидимая половина, должна находиться где-то совсем рядом. Как раз, за этой вот трубой. Во-он там...

Бучнев вытянул руку, проверяя правильность определённого направления, и одновременно с этим его второе тело также вытянуло «руку». Но какую! Он почувствовал исходящую из себя энергию — слабое золотистое свечение, которое на некотором удалении сливалось с излучениями других членов Концентрастики, собираясь там в лимонного цвета пятно, источающее запах, которому у Бучнева не нашлось никакого сравнения. В самом центре пятна горела яркая точка, — своеобразный фокус, вытянутый и чуть подрагивающий, как язычок пламени. Он почти касался, решетчатой оболочки коридора, но стоило Бучневу чуть потянуться вперёд, как золотистое остриё излучения тут же проткнула эту оболочку, пройдя сквозь неё совершенно свободно, точно та состояла из тумана, и замерла рядом с его человеческим телом. Теперь его руки — «рука» из золотистого света и рука из плоти — почти касались друг друга. Ещё немного, считанные сантиметры, и они соприкоснулись.

Слабый импульс, пробежавший от нервных окончаний, сигнализирующий о том, что пальцы коснулись чего-то, слился с нахлынувшей из энергетического фокуса волной тепла. Обе его руки, такие разные, почувствовали это.

Как замороженный стоял Бучнев, вытянув руку, наслаждаясь необыкновенным чувством прикосновения к неведомому, пускай это неведомое было его второй половиной. По сути, он просто коснулся самого себя, но сколько чудесного было в этом прикосновении! Он водил рукой по воздуху и всюду чувствовал касание протянутого к нему пучка живой энергии; он был гладким и податливо упругим, однако стоило чуть поднапрячься, и становился совсем иным — твёрдым, как камень и неукротимо сильным. Такой «рукой» можно было делать что угодно: и аккуратно поставить хрустальную вазу, и согнуть в дугу рельс. Сила... Воистину Сила.

«Надеюсь, вы получили ответы на ваши вопросы?» — беззвучно спросил кто-то.

«Да, — так же беззвучно ответил Бучнев. — Теперь да».

Внезапно всё исчезло; диковинный пёстрый мир погас так же внезапно, как и появился. Пару минут Бучнев непонимающе озирался по сторонам, пока не сообразил, что смотрит вокруг обычными человеческими глазами, воспринимая окружающее как человек, и только как человек. Он снова стал самим собой: с одним телом и разумом в единственном экземпляре.

Такая резкая перемена снова привела Бучнева в замешательство. На короткое мгновение у него даже возникло чувство неполноценности, словно от него отсекали некую важную часть. Словно он стал инвалидом: подслеповатым, глуховатым и одноруким придачу. Даже тоннели показались ему ещё более мрачными, нежели прежде.

В тихом многоголосом пении, по-прежнему звучащем у него в голове, снова послышался голос Концентратики:

— Вы удовлетворены?

— Да, — ответил Бучнев. — Это было самое удивительное, что я когда-либо видел.

— О вас я могу сказать то же самое.

— Почему?

— Вы самое удивительное и необычное, что я когда-либо встречала. Но в вас хранятся вещи не менее удивительные.

— Это ты про что? — снова насторожился Бучнев.

— Про всё. Всю вашу жизнь. И весь ваш мир.

— Ах, вон оно что! — протянул Бучнев. — Ты права, наш родной мир действительно удивительное место. И, кстати, он значительно больше, чем тот, в котором обитаешь ты.

— Теперь расскажите вы, — попросила Концентратика.

— Хм. — Бучнев озадаченно нахмурил брови и дёрнул плечом. — Даже не знаю... Боюсь, из этой затеи ничего не выйдет. Слишком всё сложно.

Даже не сложно, а просто невозможно, добавил он про себя. Как рассказать, как объяснить этой куче мыслящей породы, живущей в глубинах безвоздушной, мёртвой Луны, что такое, например, голубое небо, ветер, играющий молодой листвой зелень лугов, искрящийся под ярким зимним солнцем снег, или тёплый летний дождь. Как рассказать ей о полном жизни, бесконечно разнообразном мире, в котором нет ничего похожего на то, что видел он здесь. Каким образом ей, существу, отличному от человека настолько, насколько это только возможно представить, объяснить, что такое благоухание цветущих садов, или музыка, или радость близости с любимым человеком, или счастливый детский смех, или тысячи и тысячи других вещей, явлений, ощущений, чувств и эмоций, словом всё то, что мы, люди, считаем обыденным и привычным, и на что порой даже не обращаем внимания. И каждая такая составляющая нашего мировосприятия, обыденная для нас, для Концентратики — нечто совершенно непонятное, чуждое и далёкое, как сама Земля. Нет, невыполнимая задача.

— Но почему? — В голосе Концентратики послышалось явное недоумение. — Я не понимаю.

— Я не смогу объяснить тебе всё так, чтобы ты поняла... хотя бы приблизительно, суть вещей. Я не умею как ты.

— Тогда я буду познавать ваш мир сама. Так, как смогу. Или через ваше восприятие.

— Но для этого тебе нужно быть на Земле! — воскликнул Бучнев. — А уж это абсолютно невозможно. Ты огромная, да ещё сидишь в лунной породе...

— Я Концентратика, — тихо, но твёрдо прозвенело в ответ. — «Я» большое — это множество «я» маленьких. Каждая часть составляющая меня — самостоятельное существо. Я могу отделить любого из них.

— Вот как... — задумчиво проговорил Бучнев. — Даже и не знаю, что сказать.

Конечно, вернуться с таким трофеем было бы здорово, только стоит об этом узнать кому-нибудь — всё, пиши пропало. Первыми, понятное дело, в него вцепятся карантйщики, ну а следом — военные. Дальнейшая судьба его будет крайне неопределённой, судьба Концентратики — ещё неопределённое. И всё же рискнуть можно. Потихоньку вынести, потихоньку протащить через контроль... У тебя будет настоящий, «живой» инопланетянин. Неужто упустишь такой шанс?

Резкая трель таймера оборвала его размышления. Два часа, отведённые на разведку, почти закончились. Времени осталось только на возвращение.

— А большой она будет, эта часть? — спросил Бучнев, всё ещё колеблясь. — Желательно бы поменьше...

— Очень небольшой. Значительно меньше вас.

— Ну, ладно, — решил Бучнев. — Если обещаешь не выставлять себя напоказ, тогда согласен. Давай, отделяй...

Концентратика ответила слабым всплеском мелодичного звона и страшным ударом в стену. Метрах в трёх от Бучнева стена лопнула, и тут же что-то начало расширять трещину, протискиваясь наружу, кроша бетон и выворачивая стальные жилы арматуры. За считанные секунды трещина превратилась в ровную круглую дыру около полуметра в поперечнике, из которой лавиной хлынул грунт. Сыплющаяся порода как-то странно пылила, но то оказалось не обычной пылью. В отличие от породы, пыль была очень тёмной, почти чёрной; выскакивая из пролома, она, медленно кружась, поднималась вверх, и вскоре рядом с дырой уже висело плотное чернильное облако. Оно вращалось всё быстрее и быстрее, потом вдруг резко бесшумно сжалось, и в воздухе повисла идеально ровная сфера, величиной с футбольный мяч. Приобретая такую форму, пылевой ком медленно поплыл к человеку.

— Вы можете взять её.

Бучнев нерешительно кашлянул, осторожно потрогал шар пальцем, и только после этого обхватил ладонями отторгнутую часть Концентратики. Сила, поддерживающая её в воздухе, немедленно исчезла, и он почувствовал её тяжесть, совсем незначительную, здесь, на Луне.

Таймер снова напомнил о себе режущим слух сигналом. Времени отведённого на обратный путь стало ещё на пять минут меньше.

— Придётся поспешить, — заметил Бучнев. — Не знаю, сколько времени пройдёт, но я постараюсь вернуться сюда побыстрее. Так что мы расстаёмся ненадолго.

— А разве мы расстаёмся? — удивилась Концентратика. — Я с вами.

— Ах да, — Бучнев улыбнулся и слегка качнул свою ношу. — Упустил из виду... Ну, тогда пошли. Первая остановка — Селенобург.

С этими словами он сунул сферу в рюкзак, настроил свет фонаря и, бросив прощальный взгляд на коридор, заспешил к вентиляционной шахте. Так, со своей необычной ношей в одной руке и фонарём в другой он и покинул вспомогательный уровень №16.

Об авторе

Родился в 1972 году в городе Тамбове, где проживает по сей день. Закончил Тамбовский техникум железнодорожного транспорта по специальности «Проводная связь на транспорте». Работает на заводе в метрологическом отделе, ремонтником измерительной аппаратуры. Пишет с 1997 года, хотя публикаций пока всего шесть: в «Юном технике», «Технике-молодёжи», «Мире фантастики» (на диске), и «Шалтай-болтае».

Юлия Аметова

Что написано пером

Пора! Ник выключил свет в каюте и приоткрыл дверь в коридор пассажирского отсека. Мерцающее облачко нанопыли не спеша плыло под потолком в сторону его каюты. Опять наблюдение, все коридоры просматриваются! Все из-за этих экспонатов! Тратят огромные деньги, возят музейный хлам с Земли на Регдонд и обратно и называют это культурным обменом! Впрочем, если бы не хлам и не обмен, на этом гравилете Нику было бы нечего делать.

Нанопыль уплыла за поворот. Отлично! Теперь скорее за дело, пока не проснулись музейные девицы. Ник выскользнул в коридор и остановился перед соседней дверью, на которой красовалась надпись светящейся краской: «Экспонаты». Ник приложил руку к сенсору, рядом с дверью облачком всплыл маленький голубой мираж с надписью: «Богаткин Николай, охрана, вход 5.00 бортового времени». Дверь бесшумно отошла в сторону, Ник скользнул внутрь и вытащил из кармана черную коробочку служебного компьютера. Так, вот аварийная программа-ключ для контейнера, Смарагдов сам вписал ее в компьютер Ника перед полетом на Регдонд. А где сам контейнер? А, вот он — плоская пластиковая коробка с ручкой, зажатая между допотопной ручной прялкой и потрескавшимся деревянным сундуком. Скорее, скорее, пока музейные девицы досматривают последние сны!

Подхватив контейнер, Ник уселся на сундук. Так. Соединиться, активировать программу, нажать кнопку. Готово! Контейнер открылся, и между коричневых стенок показалась лохматая стопка бумажных листков. Неровные ярко-синие строчки ползли по страницам вкривь и вкось. Ну и ну! За этот мусор — двести тысяч? Грязные листки, исписанные невесть сколько лет назад — что здесь хорошего, за что такие деньги? Какой-то дурак, еще в те времена, когда писали от руки чернилами, измарал кучу бумаги, забросил подальше, чтоб не мешали, а теперь другие дураки нашли и начали крик. Ах, двести лет! Ох, написано во времена полета Гагарина! Талантливо, бессмертно, настоящая рукопись, написанная чернилами! И берут этот хлам в музей, и кладут в кондиционированную витрину — как бы не выцвела, как бы не усохла, как бы не отсырела! А денег на это сколько уходит — Ник столько не видел даже в те времена, когда его еще не выперли из военного космофлота.

И ладно бы ахали над бумажками восторженные девицы вроде Татьяны Аргасовой, которая нашла эту рукопись в каком-то архиве в Светлогорске!

Но ведь и Смарагдов — серьезный, денежный мужик, председатель спонсорского совета музея — тоже трясется над этим мусором! Зачем ему понадобилась рукопись, да еще за такие деньги? Дома ее держать, смотреть на нее каждый день что ли? Он ее даже показать никому не сможет, а если не показывать, то зачем вообще хорошие вещи иметь? Ну, Смарагдов, конечно, известный коллекционер, председатель спонсорского совета музея, ему виднее.

Ник расстегнул комбинезон, достал из кармана, пришитого с изнанки на груди, плоский сверток в темном пластиковом пакете и вынул еще одну растрепанную пачку исписанной бумаги. Ну-ка, посмотрим, как там сработали художники, которых нанял Смарагдов. Ого! Да их не отличить! Те же поднимающиеся к правому краю кривые синие строчки, те же круглые буквы, на первой странице даже размазанная клякса в углу точь-в-точь такая же. Ник зашуршал страницами — и дальше все один к одному! Да, Смарагдов недаром платил художнику за эту подделку!

Но разглядывать некогда! Надо быстрее шевелиться! Ник положил рукопись из контейнера в пакет и, расстегнув комбинезон, положил пакет в большой карман, пришитый с изнанки на груди. От рукописи пахло старьем и кислыми женскими духами. С двадцатого века сохранились, что ли? Ну да, девчонки в те времена были такие же, как теперь — поливают духами что попало. Ник застегнул карман на липучку и положил в контейнер поддельную рукопись. Ну вот и все. Двести тысяч, можно сказать, в кармане. Через неделю, когда гравилет сядет на Земле, а рукопись окажется у Смарагдова, Нику больше не понадобится ни работать в охране, ни служить в космофлоте.

А теперь — скорее к себе! Ник выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь. Голубой мираж выскользнул из замка. «Богаткин Николай, выход, 5.05 бортового времени». Ах, черт, как он не сообразил! Замок же записал время входа и выхода! Как теперь объяснить, зачем он ни с того ни с сего явился в каюту с экспонатами? Сказать, что сигнализация на его компьютере сработала? А где запись о срабатывании? Или притвориться, что почудился запах дыма? А кто в это поверит? Стоп! Дым можно устроить прямо сейчас. А когда сработает пожарная сигнализация, и музейные девчонки бросятся спасать свой любимый хлам, никто не обратит внимания на то, что Ник Богаткин открывал дверь на пять минут раньше. Вот это мысль!

Отбежав от двери с надписью «Экспонаты», Ник оглянулся. Нанопыли поблизости не было. Выдернув из поясного кармана лучевик, он приставил дуло к бледно светящейся обшивке стены. Кнопка спуска ушла в рукоять пистолета, дымок завился вокруг почерневшего, пузырящегося пластика. Эх, слабоват лучевик! Когда он служил в космофлоте, пистолет у него был вдвое мощнее, но разве музейному охраннику приличное оружие дадут?

Черная дырка увеличилась, расплылась по стене, как клякса, в глубине блеснул пучок световодов и кабелей. Отлично, еще немного! Световоды замигали, в коридоре стало темно и запахло горелой изоляцией. Готово! Ник помахал включенным лучевиком, и луч заплясал, делая края отверстия

рваными. Пусть думают, что само загорелось, изнутри! Темный вонючий дым пополз по коридору, зазвенела пожарная сигнализация, и Ник взлетел под потолок, едва не ударившись об него головой.

— Внимание, внимание! Экипажу и пассажирам спецрейса «Культура-101», Регдонд — Земля! — загремел синтетический голос пожарного извещателя. — Просьба соблюдать спокойствие! Пассажирам правого борта немедленно начать эвакуацию согласно схеме, находящейся на стене коридора! Работает автоматическое пожаротушение, искусственная гравитация отключена!

Скорее к себе! Черный едкий дым за клубился возле стены, струи остро пахнувшей желтой пены ударили вдоль коридора. Ник едва успел нырнуть в каюту и запереть за собой дверь, как в нее заколотили чьи-то руки и ноги.

— Николай! Ник! Просыпайтесь! Пожар! — закричал пронзительный голос в коридоре.

Протирая глаза и зевая, Ник открыл дверь, и увидел, как взъерошенная тощая девица, размахивая в невесомости длинными руками и ногами, подлетает к каюте с экспонатами. Она с размаху хлопнула ладонью по сенсору и нырнула в открывшуюся дверь. «Аргасова Татьяна, сотрудник музея. Вход 5.11 бортового времени», — сообщил мираж. С другой стороны коридора, кашляя и отмахиваясь от дыма, появились еще две девчонки, влетели следом и закричали так, что даже мираж замигал.

— Куда нести? Где схема эвакуации?

— Да вот она, но это же для людей!

— А экспонаты куда? У меня восемнадцатый век!

Отлично! Через минуту здесь будет такая неразбериха, что можно будет угнать гравилет вместе с командиром. Татьяна высунулась в коридор, держа в руках коричневый контейнер и пытаясь увернуться от очередной желтой пенистой струи.

— Николай! Вы охрана, вы все знаете, скажите, куда при пожаре эвакуировать экспонаты? Они же горючие, особенно рукопись! Придумайте что-нибудь, Ник!

Ну, уж нет! Как раз придумывать он ничего не будет!

— Спокойно, девушки, спокойно... — проговорил Ник. — Я, конечно, за охрану отвечаю, но здесь не музей, а гравилет. Тут командир главный, спросите у него...

— Сейчас! — Татьяна рванулась вперед, прижимая к себе контейнер, но тут же врезалась в стену. Дым закрутился вихрем у нее над головой. — Девочки, оставайтесь здесь, а я к командиру!

Торопливо подгребая одной рукой, она улетела за поворот. Остальные повисли перед дверью, держа в руках свои бесценные экспонаты.

Минуты шли одна за другой, Татьяна не возвращалась. Дым рассеялся, пенные струи пропали. Два робота-ремонтника выползли на присосках из технического отсека и двинулись по стене, ища повреждения. Где же Татьяна с контейнером? Поддельную рукопись нельзя упускать из виду, мало ли что может случиться!

Ник оттолкнулся от стены, чтобы лететь в пульттовую, и всей тяжестью обрушился на пол. Рядом завопили девицы и загрохотали экспонаты. Что

такое? Почему без предупреждения включили гравитацию? Ник попытался вскочить на ноги, но к ним будто привязали гири. Откуда такая гравитация? Не нормативные восемьдесят процентов земной, а все двести процентов! Он с трудом поднялся, держась за стену. Должно быть, это от гравидвигателя, на военных кораблях такое бывает. Но на пассажирском должен быть гравикомпенсатор, почему его не включили? Ник двинулся по коридору. Дверь в пультовую была открыта, и оттуда слышался пронзительный голос Татьяны.

— Господин командир! А нам обязательно садиться на Вивант? Экспонатам это не повредит?

Ник заглянул внутрь. Над пультом висел зеленоватый мираж грависвязи, в котором виднелись какие-то заросли, а Татьяна вертелась в свободном кресле рядом с командиром и двумя пилотами, держа на коленях коричневый контейнер.

— На Вивант в любом случае будем садиться для ремонта, — мрачно объявил командир. — Повреждена проводка автоматики гравикомпенсатора, а по технике безопасности везти вас с неисправным компенсатором я не имею права!

Вот это да! Ну кто же мог знать, что эта проводка именно там! И что за планета — Вивант? Ник слышал, что закрытая, посадок гражданских кораблей на ней не бывает. Кто его знает, что там происходит? Впрочем, может быть, остановка пойдет Нику на пользу. Если возникнут вопросы насчет подделки, всегда можно будет сказать, что настоящую рукопись украл кто-то на этом паршивом Виванте.

В мираже появилось загорелое до черноты усатое и бородатое лицо. А это кто такой? Татьяна воодушевленно подпрыгнула в кресле.

— Ой, господин Ларионов! Скажите пожалуйста, как быть с нашими экспонатами? — зачастила она. — Они же все из растительной органики, а некоторые даже из животной! Тканевые платья девятнадцатого века, да еще с вышивкой! Парча восемнадцатого века, кожаная сбруя — тоже восемнадцатого! Все это когда-то было живыми организмами, а вы говорите — в биополе вивантов все оживает и растет! Так что же, из платьев лен вырастет, а из ремней — корова?

Биополе вивантов? Но Вивант — это же планета! Какая корова? Что за глупости? Вот и толстый тип в мираже хрипло смеется, топорща выгоревшие усы.

— Ну не так уж все страшно, Татьяна! Целая корова вряд ли вырастет, разве что шерсть на ремне прорастет или он форму поменяет, новые клетки нарастут. Со льном хуже, конечно, тут могут целые волокна вырасти, стебли, цветы — расцветет платье, как поле. Эти виванты даром, что невидимы — они и сами растут, и любую жизнь заставляют расцвести, и на любое биополе действуют. Да на самом деле они и сами — биополе. Потому так и зовутся — виванты, живые!

— Живые? Заставляют расцвести? Но это же недопустимо, это музейные экспонаты, подлинники! Им по триста, а некоторым по четыреста лет! — не унималась Татьяна.

Тип в мираже снова заулыбался. Вот тоже смешливый нашелся!

— Но если они такие старые, то они совсем не вырастут! — сказал он. — Мы когда только начинали терраформирование Виванта, проделывали разные опыты с биополем вивантов. Виванты могут оживить только ту органику, которая моложе пятидесяти земных лет, вот та будет расти, и очень быстро. За полчаса хлопок не только вырастает из нитки, но и зацветает, и лен тоже. Но старые нитки — ни под каким видом! И синтезированная органика, из которой современные комбинезоны делают, тоже будет в порядке. Это я вам говорю как научный руководитель терраформирования Виванта.

— Ой! — взвизгнула Татьяна, вцепившись в контейнер обеими руками. — Ой, господин Ларионов, а бумага? Бумага на Виванте не прорастает?

Ее голос задрезжал от слез, как будто она готова была закатить истерику. Бумага? А если рукопись действительно прорастет на этом их паршивом Виванте? Смарагдов ничего не заплатит, и прощайте тогда двести тысяч!

— Это вы о Светлогорской рукописи беспокоитесь? — воодушевился научный руководитель в мираже. — Знаю, знаю, вы только что возили ее на Регдонд! Но волноваться не надо! Целлюлоза ожить в принципе не может, а древесная масса, которую в двадцатом веке добавляли в бумагу, могла бы прорасти, только если бы ее сделали недавно. Светлогорской рукописи двести лет, с ней все будет в порядке. Как говорится, что написано пером, не вырубить топором! И может быть, вы ее нам покажете, пока будет идти ремонт? Расскажите что-нибудь, как на Регдонде, в порядке культурного обмена!

Ага, значит, настоящая рукопись, которой двести лет, не прорастет, но тогда надо срочно вернуть ее в контейнер! Если во время этих показов и рассказов кто-нибудь увидит проросшую подделку, начнется такой скандал, что из музея попрут не только Ника, но и Смарагдова. Ни двухсот тысяч, ни приличной работы, хоть на завод иди! Но как бы забрать у Татьяны контейнер, чтобы никто не обратил внимания? Она вон и так шмыгает носом, вот-вот разревется или устроит крик! Что это ее так проняло? Ведь не за рукопись же эту дурацкую переживает? Вроде этот толстый в мираже ничего особенного не говорит...

— Я большой поклонник «Высоких звезд», с тех самых пор, как вы нашли в прошлом году ее рукопись на старом комбинате в Светлогорске! — заливался научный руководитель. — Как хорошо, что ее успели опубликовать к двухсотлетию юбилею полета Гагарина! Прекрасная книга — умная, романтическая, веселая! Талантливые люди были наши предки россияне! А какие отличные миражные фильмы сделали по «Высоким звездам» в этом году, я их все пять видел! Особенно последний — мюзикл в духе двадцать первого века, прекрасная стилизация!

— Прошу прощения, господин Ларионов, — прервал его восторги командир. — Разговор вы закончите на Виванте, а сейчас я прошу всех разойтись по местам. Начинается торможение!

Ага, сейчас Татьяна пойдет к себе, и Ник перехватит ее и контейнер с подделкой в коридоре!

— А вы, Татьяна, можете не уходить. Положите ваш контейнер в ящик, и закрепите фиксатор, — сказал командир, включая внутреннюю связь. —

Внимание, внимание! Начинается торможение! Всем по местам! Кто там еще стоит у дверей! Быстро в каюту! — крикнул он, обернувшись к Нику.

Паршиво, но придется уйти, чтобы не вызывать подозрений. В конце концов, за время торможения ни Татьяна, ни подделка никуда не денутся, а после посадки Ник перехватит девчонку в коридоре или в шлюзе. Главное, чтобы она не успела вытащить подделку из гравилета. А настоящая рукопись пусть пока остается в кармане. Не хватает, чтобы кто-нибудь во время ремонта на нее случайно наткнулся.

— Внимание, всем приготовиться! — загремел голос командира по внутренней связи. — Начинается переход из скоростного коридора десять световых в пространство неподвижных объектов. Всем пассажирам и членам экипажа в течение двадцати пяти минут оставаться на местах и активизировать фиксаторы. Просьба не вставать с мест до следующего сообщения.

Ник проверил обе широкие лапы фиксатора и расслабился в кресле. В иллюминаторе не было видно ничего, кроме глухой черноты засветового коридора. Теперь главное — дожидаться посадки, и скорее в шлюз. А до тех пор отдохнуть. Подумаешь — с десяти световых до неподвижности за двадцать пять минут! В военном космофлоте он еще и не такое видал! Голова слегка закружилась, как всегда при переходах из коридора в коридор, в глазах побежали желтоватые вспышки, но у Ника даже не участилось дыхание — хоть сейчас в драку.

В иллюминаторе мелькнуло мутное пятно света, сгустилось, налилось яркостью и рассыпалось остро блестящими звездами. Готово! Вышли из засвета! Скорее в шлюз, чтобы быть там первым! Ник отключил фиксатор и вскочил. Кресло возмущенно зазвенело.

— Покидать места запрещено до окончания торможения! Ждите сигнала! Ждите сигнала! Просьба соблюдать правила поведения во время полета!

Что за глупости? Не обращая внимания на звон и ворчание синтетического голоса, Ник рванул дверь. Что такое? Дверь не отодвигалась. Черт бы взял эту их технику безопасности для чайников! Возят всяких уродов, из-за них нормальный человек выйти вовремя из каюты не может! Высадить эту дверь, что ли? Ник с размаху пнул дверь, на ней загорелся красный огонек.

— Внимание, внимание! Автоматический центр ремонта сообщает о неисправности замка двери! Просьба пассажиров каюты сохранять спокойствие! Ремонт будет проведен после окончания торможения!

Безобразия! Что тут чинить, когда он только пнул? Надо отключить эту сумасшедшую автоматику! Где программа взлома? Ник потянул из кармана компьютер, но в этот же момент лапы фиксатора обхватили его поперек туловища и решительно потащили в кресло. Это еще что такое? Ник рванулся, но фиксаторы держали его так крепко, что даже рукопись на груди зашуршала. Неужели разорвалась? Нет, вроде цела. А Татьяна с подделкой уходит! Может, конечно, подделка не сразу прорастет? Древесина-то в бумаге наверняка химически обработана! Но выхода нет, придется ждать.

В иллюминаторе мелькнуло что-то золотистое с ярко-синим, а потом сгустилась яркая зелень, как будто Ник смотрел не сквозь стекло, а через зеленый древесный лист. Движение закончилось. За дверью зашуршали колеса ремонтного робота и заскреблились какие-то инструменты. По кори-

дору, возбужденно хихикая, пробежали музейные девчонки, но голоса Татьяны слышно не было. Ну, когда этот идиотский робот закончит? Татьяна, должно быть, уже снаружи! Но может быть, там ее перехватить будет легче? Судя по зелени, здесь есть какой-то лес, значит, можно будет завести ее за деревья и отобрать контейнер с подделкой, будто для того, чтобы помочь нести. Ник же охранник и должен охранять контейнер!

Наконец, дверь открылась, и Ник пулей вылетел в коридор. В дверях пультавой уже толкались какие-то люди. Толстые, грузные молодцы с лохматыми бородами громыхали жуткими басами, загораживая собой вход. Один из них держал в руке анализатор, рядом с другим поскрипывал колесами грязноватый, обшарпанный ремонтный робот. Это еще кто такие, здешние ремонтники, что ли? Стоят согнувшись, будто пройти в двери не могут! Ник подбежал ближе. Да они же действительно не могут! Ник всегда считал свой рост завидным, но самый низкорослый из ремонтников был на целую голову выше него. Решительно растолкав неповоротливых толстяков, Ник заглянул в пультавую. Ни Татьяны, ни контейнера там не было.

Скорее наружу! Ник промчался через шлюз, спрыгнул на ровную площадку и остолбенел. Зеленые листья размером с него самого потянулись к нему, словно огромные ладони и зашевелились, будто пытались схватить. Приторно пахнувший теплый ветер ударил в лицо, ярко-зеленая лиана толщиной в руку медленно свернулась петлей у самых его ног. Что за чертовщина?

Ник перепрыгнул через лиану — притяжение на Виванте оказалось явно меньше земного — и тут же наткнулся на пару резных листьев. В каждый из них можно было завернуть не только Ника, но и гиганта Ларионова, а глубоко вырезанные края шевелились будто огромные пальцы. Другие листья, все в буграх и складках, как слоновья кожа, изгибались и сворачивались трубками метра в трех от земли. На ползущих по земле гибких стволах спиралью завивались тонкие зеленые усы. Красные бутоны длиной в руку шевелили раскрывающимися лепестками. В нескольких шагах виднелись непроходимые заросли, перевитые лианами и осыпанные цветами величиной с голову Ника. Листья переливались всеми оттенками зеленого цвета, из чаши остро пахло сырой землей и гнилью. Заходить в этот лес даже ради контейнера с подделкой не хотелось.

Но где же Татьяна? Ник огляделся. Посреди площадки стоял странный прозрачный купол, приподнятый на металлических ногах метра на три от земли. Под куполом уже бродила одна из музейных девчонок, развешивая вышитые рубахи, а другая вынимала из ящика прялку. Татьяна стояла рядом с куполом, плаксиво кривя губы и заглядывая в открытый контейнер с подделкой. Опять с ней истерика! Неужели подделка проросла?

— Татьяна, вы не грустите так, не волнуйтесь! С вашей рукописью ничего не случится! — из зарослей появился толстяк Ларионов. — Сейчас мы вами отнесем ее под навес, это у нас вроде клуба на свежем воздухе. Вот там вы нам и расскажете о Светлогорской рукописи, когда все соберутся. Только надо всех дождаться — когда еще наши ребята попадут в настоящий музей на Земле? А когда попадут, так там другие посетители спокойно посмотреть не дадут, больше на них самих глазеть будут!

А на что они еще годятся, уроды здоровенные? Вот и сейчас этот мешок сала только мешает Нику. Схватился за контейнер, будто за свою собственность и разглядывает во все глаза! Как теперь заменить подделку на настоящую рукопись? Ну ладно, она вроде бы еще не растет, может, попозже удастся что-то сделать?

— Простите меня, пожалуйста, господин Ларионов! Можно я спрошу, вы не обидитесь? — нерешительно проговорила Татьяна. — Скажите пожалуйста, а вы и ваши сотрудники — это вы здесь на Виванте так выросли? Только если вы обиделись, не говорите ничего, ладно?

Ник замер, боясь спугнуть ответ — надо же знать, от чего такое уродство получается! А вдруг и он сам тут превратится в такую же гору, как научный руководитель Ларионов и его бородатые работяги?

— Нет, я не обиделся! — проговорил научный руководитель, по-прежнему держа контейнер в руках. — Да и на что обижаться, дело-то и в самом деле необычное — чтобы человек был два тридцать ростом! И выросли мы все, конечно, здесь. Взрослые люди были, а начали расти, как дошколята, по пять сантиметров в месяц. А бриться так вообще невозможно было — через полчаса чуть не до пояса борода! Пока разобрались во всем, пока ингибиторы нам на Земле разработали, мы уже вон какие вымахали, да и растолстели.

— Ой, и я тоже вырасту? Или мне тоже надо ингибиторы пить? Понимаете, во мне же и так метр восемьдесят, а если я еще вырасту? — зачастила Татьяна. Куда она смотрит? То психовала из-за рукописи чуть не до слез, а теперь позволяет постороннему уроду брать ее в руки!

Но о чем они оба говорят? Здесь можно растолстеть? И он, Ник, тоже может? Ник почувствовал, как его кожа начала растягиваться под комбинезоном. Кажется, он уже толстеет! Как он теперь будет жить? Надо скорее попросить у Ларионова эти самые ингибиторы! А заодно и попытаться забрать контейнер — Ник же должен его охранять!

Ник сделал несколько шагов к навесу. Огромные кожистые листья зашуршали рядом с ним, гигантские лианы поползли следом. Цветок в метр диаметром свесился над его головой, шевеля лепестками и тычинками.

— Ну, ингибиторы мы для всех ваших устроим, у нас специальный синтезатор их прямо на месте делает, — пообещал Ларионов, по-прежнему разглядывая поддельную рукопись. — А вообще-то вы не особенно пугайтесь. Сложных организмов здесь до нас не было, поэтому вивантам на наши биополя действовать трудно. Зато мох на Виванте всегда был, виванты привыкли к растениям, да и растения на них быстро реагируют. И вот, пожалуйста!

— Но почему это так получилось? Ведь это же земные растения, а они выросли в сто раз больше, чем бывают на Земле! — не унималась Татьяна. — Я, конечно, мало разбираюсь в биологии, но расскажите, как это могло получиться? И где сами виванты?

— Да везде! Вот они, вокруг вас, — взмахнул контейнером Ларионов. Рукопись в контейнере зашевелилась, но ничего растительного между листками Ник не увидел. — Их невозможно увидеть глазом, это биополевые скопления, которые питаются биополями живых растений. Когда здесь

были только местные мхи ростом в сантиметр, корм для вивантов был скудный, они были мелкие и только немного помогали мхам расти.

— А почему же теперь все так разрослось? — вставила Татьяна. Ларионов как будто ждал очередного вопроса.

— Когда мы прилетели сюда, здесь и кислорода было маловато, и парникового эффекта никакого. Десять земных лет назад мы здесь ходили в скафандрах с электроподогревом да под куполами ночевали — вот этот навес сделан из последнего купола. Зато когда взялись за терраформирование, создали атмосферу, высадили тропические растения, чтобы почва скорее образовывалась, вот тогда все и началось! У тропических растений биополе хорошее, виванты налетели на них, как на горячие пироги. И сразу сами начали расти — мы замеряли, теперешние виванты раза в три крупнее и сильнее прежних. Вон, глядите, до того уже дошли — даже листья и лианы двигают! Правда, терраформирование пришлось ограничить, теперь мы тут только вивантов изучаем.

Какая гадость! Ник передернулся. Эти самые виванты летают тут со всех сторон, все двигают, ко всему прикасаются, и к нему, Нику, тоже? Вот уже и под комбинезоном что-то чешется. Это они по нему ползают, гады невидимые! Наверное, он уже толстеет! Вот уже и молния на комбинезоне как-то странно изогнулась, будто на нее изнутри что-то давит. И воротник тесноват, и руки какие-то пухлые стали за полчаса! Надо просить ингибиторы!

Попросить Ник ничего не успел. Десятка полтора огромных мужиков, которым ингибиторы уже ничем не могли помочь, расставили скамейки под навесом напротив платьев и прялки, расселись и дружно захлопали. Музейные девицы разместились в первом ряду. Белые цветы, похожие на наглые физиономии, просунулись под навес, как будто тоже хотели послушать и посмотреть. Только бы подделка не проросла! Если эта дрянь прорастет до конца лекции, двухсот тысяч Нику не видать, как своих ушей!

Ларионов и Татьяна вошли под навес. Один из бородачей поставил рядом с ними скамейку, Ларионов положил контейнер на нее. Ник сел в дальнем ряду.

— Здравствуйте, друзья! — начала Татьяна, улыбаясь. Что это она так развеселилась? Немногочисленная публика зашумела, лианы рядом с Ником зашевелили усиками, листья приподнялись.

— Ваш научный руководитель, господин Ларионов, попросил меня рассказать о Светлогорской рукописи, хранителем которой я работаю сейчас в музее. Я долго думала, как мне об этом рассказать, и решила сегодня рассказать все так, как оно на самом деле было. А было вот что. Год назад я училась в Институте прикладной химии и попала на практику на комбинат органического синтеза в Светлогорске. В двадцатом веке это был целлюлозно-бумажный комбинат. И вот однажды меня попросили помочь разобрать архив. Архив был такой старый, что в нем были даже бумажные документы — двадцать первого и двадцатого века. А в одной папке я нашла перьевую ручку с высохшими синими чернилами, кто-то ее забыл среди бумаг.

Что она столько болтает, время тянет? Ведь подделка сейчас прорастет! И почему так чешется на животе? Ник потрогал живот через ткань комби-

незона. Может, уже брюхо растет, как у здешних? Щетина на щеках уже определенно колется.

— Я очень люблю книги, — продолжала Татьяна, улыбаясь все шире. — Когда я училась в институте, я даже сочинила повесть о космонавтах, на современном компьютере, со звуками, ощущениями и запахами, но ни один агент не хотел ее брать. И вот я решила им всем доказать, что я умею сочинять повести! На комбинате очень хороший преобразователь органики, почти как медицинский — любые живые клетки может синтезировать, — и мне разрешили на нем поработать. Сосновая древесина на комбинате была, из нее на преобразователе я сделала древесную массу, целлюлозу и бумагу, а потом синтезировала чернила по образцу тех, которые были в старинной ручке. А после всего я переписала от руки одни только слова своей повести и назвала ее «Высокие звезды».

Что она несет? Ник подскочил на своей скамейке. Как может быть, чтобы это она сочинила? Это же гениальное произведение, так все говорят! И если эта рукопись — тоже подделка, то как же быть со Смарагдовым? Нет, все это чушь, никто не поверит! Вот и Ларионов не верит!

— А как же экспертиза? Неужели никто не заметил? — проговорил наконец научный руководитель. Татьяна не задумалась ни на секунду.

— Внешне я состарила рукопись, это можно сделать на том же преобразователе. А кроме того, ее никто особенно и не проверял. Все готовились к двухсотлетию юбилею полета Гагарина, хотелось чего-нибудь интересного из двадцатого века, а тут повесть того времени, написанная от руки — всем сразу понравилось! И фильмы сняли, и мюзикл написали, и меня на работу в музей взяли — как специалиста по хранению, я же химик.

Ник вскочил на ноги. Все пропало! Двести тысяч пропали из-за этой дыры! Вот еще тоже, правдивая нашлась!

— Понимаете, я больше не могу врать, совсем не могу! Меня теперь уволят, господин Смарагдов в суд на меня подаст за подделку, но это лучше, чем каждый день ждать и бояться! Я давно собиралась рассказать правду, вот и рассказала сейчас.

— А ну-ка дайте мне еще посмотреть!

Ларионов снова взял контейнер в руки. Заглянув внутрь, он пошевелил толстым пальцем листки и поднял контейнер над головой, показывая всем. Публика сдавленно охнула. Между коричневыми створками мелькнули растрепанные белые листы, раздвинутые тонкими желто-коричневыми сосновыми ветками с пучками зеленых иголок на концах. Проросла, проклятая! Теперь на него, Ника, Смарагдов тоже подаст в суд, хоть и подделку, а все же украл! Будет теперь суд, будет! Хорошо только, что не над ним одним, Татьяне тоже достанется, будет знать, как строить из себя честную!

— Ну да, когда приперли к стенке, тогда и рассказала про свою подделку! Да еще выставляет напоказ! — крикнул Ник так громко, что даже листья хлопнули у него за плечом, а желтый бутон размером с его голову упал на скамейку. Татьяна быстро повернулась к нему.

— Нет, напоказ сейчас выставлена вовсе не моя подделка, а другая! На мою я случайно опрокинула духи, и она ими до сих пор пахнет. А эта не

пахнет ничем! Но моя тоже прорастет обязательно, и тогда... Да вот же она, уже проросла!

И Татьяна вытянула руку в сторону Ника. Что она там увидела? Ник посмотрел вниз. На животе комбинезона между липучками открылась щель, а из нее лезли пучками сосновые иглы. С треском рванув липучки, он выдернул пакет из кармана и вытряхнул на землю проросшие тонкими веточками листы с синими корявыми строчками. Полупрозрачные иголки на белых, не видевших света, ветках, разгибались и тянулись к зеленым листьям гигантских растений Виванта. Прозрачные корни вращались в почву, иголки отбрасывали в сторону обрывки исписанных листков, а те, сворачиваясь трубкой, превращались в новые ветки. Рыжая кора нарастала на ветках, иголки становились все гуще и зеленее, сосновый лесок рос на глазах. Девчонки из музея хихикали, бородастые вивантские работяги ухмылялись. Командир гравилета и пилоты, закончившие ремонт, хохотали, входя под навес.

— Что вы смеетесь? — крикнул Ник. — Она же всех вас обманула! Вместо хорошей книги подсунула свою самодельную! Люди старались, мюзикл писали, фильмы делали, а оказалось — это ерунда!

Девчонки и работяги загалдели еще громче, листья захлопали, будто от ветра, а голос Ларионова перекрыл весь шум.

— Ну, это вы не правы! «Высокие звезды» — вовсе не ерунда! — громыхнул научный руководитель. — В музее ей, конечно, не место, но если книгу читают и любят, то она всегда настоящая! Сами знаете — что написано пером...

И он торжественно поцеловал Татьяне руку.

Об авторе

Родилась в 1956 году в Москве. По профессии инженер, в 1978 году окончила МИСИ, живет в Москве, работает главным специалистом в проектной организации. Пишет давно, с ранней юности — стихи, пьесы, повести и рассказы, но все это не опубликовано. Сейчас пишет только фантастику — написаны шесть романов и около сорока рассказов, в основном мистика и космические приключения. Двадцать пять рассказов напечатаны в разных изданиях: «Космический век» (с 1996 по 2000 годы), «Чудеса и приключения» (1994 г.), «Тайная сила» (1998-2000 г), «Ступени оракула» (с 1999 по 2014 годы), «Тайны и загадки» (2013 г).

В № 2 (11) «Знание-сила: Фантастика» за 2010 года напечатан рассказ «Наследство Кокорюкиных».

Майк Гелприн

Когда взлетают рыбы

Корабль с Земли прибыл ранним утром, затемно. Лейтенант Дювалье хмуро козырнул троем выбравшимся из него штатским.

— Нам необходимо переговорить с полковником Каллаханом, — сказал, шагнув к Дювалье, один из прибывших. — Дело не терпит отлагательств.

— Полковник на позициях, — лейтенант с трудом подавил раздражение. Не терпит отлагательств, видите ли. — С восходом ожидается атака, — добавил Дювалье. — Не думаю, что вам удастся увидеть полковника, пока она не закончится.

— Хорошо, мы подождём. Куда прикажете?

— Пойдёмте в штаб.

* * *

Рыбы взлетели утром, едва рассвело. Оторвались от мутно-зелёной, тронутой рябью поверхности залива, набрали высоту, выстроились в клин и потянули к берегу.

Здрав голову, полковник Каллахан мрачно смотрел, как стая пересекла береговую линию и прошла над позициями. Раньше, в первые дни после высадки, летучих рыб стреляли. Переводили на них боеприпас, а подраненных тащили в лабораторию. Потом перестали. Устройство этих тварей было примитивно, как разовый фотоаппарат. Даже если перебить весь косяк, сделать моментальный снимок и передать его на глубину рыбы успевали.

Полковник двинулся в тыл. От бессильной ярости у него дёргался кадык, судорожно сжимались в кулаки пальцы. Появление рыб означало неминуемую атаку. Как только на дне обработают поступившую от летучей разведки информацию, она и начнётся.

Началось, едва Каллахан добрался до штаба. Залив вскипел, набух опухлями лопающихся водяных пузырей, вздыбился и вышвырнул на берег первый эшелон атакующих. Ощерившись уродливыми клешнястыми жвалами, сцепившись членистыми суставчатыми конечностями, заплетя в узлы страшные полуметровые щупальца, крабо-спруты образовали вал. На секунду он замер, затем дрогнул и покатился на позиции, а из воды уже лез, карабкался, пёр на берег второй эшелон.

Каллахан поднёс к глазам бинокль. Из окон угнездившегося на вершине холма штаба атака смотрелась, словно brutальный перформанс с театральной галерки. Вот первая линия обороны огрызнулась лучами врытых в

грунт станковых лазеров. Вал атакующих надломился, окутался розовым маревом и, разрезанный по периметру, рухнул. Распался на пульсирующие клубки хитиновых тел, а на его месте уже набухал, дыбился, щерился клешнями и щупальцами второй.

Через полчаса первую линию обороны смяли. Волны атакующих, вбирая в себя уцелевших особей, покатались вверх по пологому прибрежному склону.

— Гады, сволочи, — вслух бранился полковник, до крови прокусывая губы. Там, в полумиле ниже по склону, похороненные под хитиновым покрывалом, гибли боевые роботы и умирала обслуга — его ребята, космический десант, бригада Каллахана, лучшие из лучших.

Бригадой полковник командовал не первый год. Ему давно уже полагались генеральские звёзды, однако в штабе Верховной Ассамблеи не спешили. И старались держать грубоватого, скорого на гнев вояку на периферии, подальше от земной политики и штабных интриг.

До третьей, последней линии обороны дело не дошло. Вторая линия, пополненная спасшимися из первой, рывкнула огненным залпом и, затопив склон пламенем, выстояла. Атака захлебнулась. Уцелевшие крабо-спруты, на ходу группируясь в клубки и стаи, откатились в море.

— Визитёры с Земли, господин полковник, — отчеканил за спиной лейтенант Дювалье. — Трое, прибыли перед самой атакой. Просят аудиенции. Прикажете впустить?

— Их только здесь не хватало, — пробормотал Каллахан в сердцах. — Инспектора, мать их. Ладно, пускай заходят.

Инспекторов и прочую тыловую перхоть полковник не жаловал. Будь он на месте умников, затеявших экспансию на эту проклятую планету, ни одного рекрута на ней бы давно не осталось. И плевать он хотел на то, что здесь идеальные условия для поселения человеческой расы. Какие они, к чертям, идеальные, когда океан забит этой дрянью, и с каждым днём её только прибывает.

— Здравствуйте, полковник. Я — старший инспектор Родригес. Это доктор Блум, а это — Иван, специалист, фамилии у него нет.

Каллахан оглянулся. Штатские стояли в дверях. Прилизанный сухопарый пижон, очкастый крючконосый толстяк и насупленный мрачный верзила с массивной челюстью и буйной порослью на угрюмой разбойничьей роже.

— Иван посидит пока снаружи, — властно распорядился Родригес. — Ему присутствовать при разговоре ни к чему, — объяснил он полковнику. — Вы позволите?

Каллахан кивнул на кресла. Сейчас начнётся, раздражённо подумал он. Лекции и агитки за храбрость и героизм. Вас бы, красавчиков, туда, на склон, а я бы поглядел, как вы геройствуете.

— Мы кое-что вам покажем, — Родригес протянул полковнику плоский матовый кружляш размером с ноготь. — А потом поговорим. На этом чипе кадры киносъёмки. Будьте любезны, скормите его какой-нибудь электронике.

— Новая инициатива с Земли? — Каллахан, не скрывая сарказма, хмыкнул.

Наверняка очередная блажь, демонстрация работы затейливого подводного шпиона или робота-контактёра. А членистоногие класть хотели на любые контакты. И вообще, какие могут контакты со стадом. Или, скорее, с роем, в котором ценность жизни отдельного индивида равна нулю. Да, конечно, на глубине окопались более развитые особи, которые дистанционно командуют этим пушечным мясом. С батискафов их видели, та же членистоногая сволочь, только размером с танк. Кто, однако, сказал, что они разумные. Скорее, аналоги муравьиных или пчелиных маток.

Полковник погрузил матовый кругляш в гнездо на торце персоналки, бросил небрежный взгляд на экран. В следующий момент он подобрался, тряхнул головой и взгляделся пристальнее. Ошеломлённо посмотрел на Родригеса. Затем впился в экран взглядом.

— Кадры что, подлинные? — сарказма в голосе Каллахана больше не было.

— Разумеется.

Полковник заворожено смотрел на сменяющиеся на экране фрагменты киноленты. На всех был заснят верзила Иван. Стелющийся в намёте во главе волчьей стаи. Нёсущийся, сминая ковыль и чертополох, в конском табуне. С ног до головы облепленный гадюками. Терзающий узкую и длинную серебристую рыбину на пару с трехметровым крокодилем. Пасущийся на скальном склоне в стаде горных козлов.

— Что это значит? — Каллахан пришёл в себя.

— Вы читали древнюю сказку про Маугли? — вопросом на вопрос ответил очкастый доктор Блюм.

— Да. В детстве.

— Иван — современный Маугли. Вскормлен медведицей в тайге, до двадцатилетнего возраста в ней и жил. Он умеет ладить со зверьём. С любым. Хотите посмотреть кадры с акулами? Есть также с гепардами, с тиграми, со стервятниками.

— Не надо. Верю, — полковник поднялся. — Позовите его, я хотел бы задать пару вопросов.

— Иван не поймёт вас. Он не говорит ни на одном из человеческих языков, — Блюм сверкнул очками. — А вы не поймёте его. Я единственный человек, который умеет с ним общаться. Для этого мне пришлось выучить... Знаете, это даже языком назвать трудно. Впрочем, сейчас вы услышите.

Блюм внезапно скривился, оскалился и издал серию резких отрывистых звуков. Каллахан вздрогнул, на человеческую речь звуки походили мало, в них было больше от рычания зверя.

Иван появился на пороге.

— Как именно он ладит с животными? — повернулся полковник к доктору.

Тот произвёл новую череду лающих, взрывающихся и рыкающих звуков. Иван немедленно разразился ответной акустической серией.

— Он не может объяснить, — Блюм перешёл на английский. — И я не могу. Он просто, — доктор щёлкнул пальцами, — становится зверем. Хочет — медведем. Тигром, кабаном, росомехой, дельфином... Хочет — щенком, мальком, птенцом, подсвинком. Хочет — первоярком или зрелой особью. Или секачом, вожаком стаи.

— И он сумеет договориться с этими?..

— Тоже не знаем. Ни он, ни я. Будь это земная фауна, я однозначно сказал бы «да». С местной шансы невелики. Но он попытается.

— Как он попытается? — полковник выругался. — Они его растерзают. Полчища этой дряни топят корабли. Подавляют подводные лодки, крушат батискафы. Его сожрут живьём. К тому же, он что, может дышать под водой?

— Дышать не может, — ответил доктор устало. — Но находиться под водой способен довольно долго. Раз в пять-шесть минут ему необходимо вынырнуть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Давайте не будем терять времени, полковник. Прикажите пропустить Ивана на берег. Дальше он всё сделает сам.

* * *

На берегу Иван сбросил одежду, нагишом шагнул в воду. Вперёд головой нырнул, на поверхности разошлись концентрические круги.

— Знаете, — задумчиво проговорил доктор, — я верю, что у него получится. Я очень не хотел рисковать им, это уникальный человек, второго такого на Земле нет.

— А что, собственно, получится? — полковник скрестил на груди руки. — Допустим, он найдёт с крабо-спрутами общий язык. И что дальше? Попросит их оставить нас в покое? А вот с чего бы им соглашаться на это?

— Он... — доктор, не закончив фразы, замер, оцепенело глядя в сторону берега. — О, господи!

Из воды, вмывая в грунт страшные уродливые конечности и поводя клешнями над опутанной щупальцами головогрудью, вылезало жуткое исполинское чудовище.

На позициях бросились к лучемётам десантники. Полковник выдернул из кобуры импульсный разрядник, обхватил обеими ладонями рукоятку, навёл ствол.

— Вы что творите? — метнулся к нему Родригес. — Не стрелять! — надрываясь, заорал он, обернувшись к позициям. — Вы что же, не видите, что происходит?

— Что происходит? — эхом откликнулся Каллахан.

— Иван сейчас у них. Они в ответ, в знак доброй воли, прислали заложника.

Полковник крикнул. Сказанное походило на правду.

— И что теперь будем делать? — Каллахан упрятал разрядник в кобуру.

— Ждать.

* * *

Ждать пришлось больше суток. Всё это время гигантский крабо-спрут провёл на берегу, изредка охлаждая конечности и щупальца в воде и не обращая внимания на перемещающиеся вдоль туловища красные точки лазерных прицелов.

Иван появился под вечер. Вымахнул на поверхность залива в полусотне ярдов от берега и, грудью раздвигая воду, двинулся на сушу. Заложник встрепенулся, уродливое тело оторвалось от грунта, перебирая конечностями, покатило навстречу.

В десяти ярдах от берега они разминулись. Крабо-спрут, на прощание окатив человека фонтаном брызг, ушёл под воду.

— Пойдёмте в штаб, — быстро проговорил доктор, обменявшись с Иваном чередой лающе-рыкающих звуков. — То, что они предлагают — это, это...

* * *

— Утром мы с доктором улетим, — Родригес возбуждённо мерил шагами помещение штаба. — Иван останется. Аборигены гарантируют, что атак не будет, пока он здесь. Доктор, вы с ним закончили?

— Закончил, — Блюм потёр руки. — То, что он сделал, потрясающе, грандиозно. Это...

— Ну и прекрасно, — прервал Родригес. — Иван может отправляться к нашим новым друзьям. Переведите ему, доктор. А мы пока займёмся делами.

Каллахан проводил Ивана взглядом исподлобья. «К нашим новым друзьям», каково, а?! Другьям, мать их в перекрестье прицела.

— То, что предложили аборигены, — по-прежнему меряя помещение шагами, продолжил Родригес, — небывалая, редкостная удача. Если Верховная Ассамблея пойдёт на это, мы с вами станем миллионерами, господ. Да что там — миллиардерами! Как вам нравится такая перспектива, а, доктор? А вам, полковник?

Каллахан наградил инспектора брезгливым взглядом. Что взять со штатского пижона. Миллиардер, мать его.

Деньги полковника не интересовали. А этот при одном смутном их запахе забыл, что он — должностное лицо. А о том, что «наши новые друзья» уничтожили здесь десяток тысяч человек, наверное, и не помнил.

— Ну, и что они предложили? — не скрывая презрения в голосе, спросил Каллахан.

— Обмен. Они позволят землянам беспрепятственно владеть сушей этой планеты. Материками, континентами, архипелагами, островами — всем. Они готовы помогать и сотрудничать. Взамен...

— Что взамен? — полковник почувствовал, как нечто липкое, вкрадчивое пробралось под грудину и нехорошей мутной волной омыло сердце.

— Взамен они хотят поселиться на Земле. Чтобы мы отдали им море.

Полковник опешил. Липкая мутная волна отхлынула от сердца и плеснула в голову.

— Вы в своём уме? — выпалил он. — Вы, тыловая крыса, вы хоть отдаёте себе отчёт в...

— Вы забываетесь, полковник, — Родригес остановился. — У них перенаселение, так же, как у нас. Эта планета человечеству идеально подходит. Атмосфера, климат, полезные ископаемые... А им прекрасно подойдут зем-

ные океаны, мы ведь их практически не используем. Их раса так же разумна, как и наша, они...

— Вы спятили, Родригес, или как вас там! — полковник вскочил на ноги. — Эта разумная раса без всякой причины истребила половину моих людей.

— Без причины, говорите? А представьте, что не мы без спроса высадились здесь, а они на Земле. И стали бы строить на дне океанов свои города. Как бы мы обошлись с ними?

— Плевать я хотел на ваши доводы. Вы что же, из тщеславия и корысти готовы подставить миллиарды землян? Отдать их на откуп этим тварям? После досужих слов какого-то дикаря.

— Иван не дикарь, он такой же человек, как и мы с вами, ничуть не глупее любого из нас. За сутки он... Вы даже не способны оценить и понять, что удалось ему сделать. Ладно, полковник, сожалею, что пришлось разочароваться в вас. Я рассчитывал иметь вас союзником. Что ж... В любом случае, решать будет Ассамблея. Распорядитесь проводить нас к кораблю. Пойдёмте, доктор.

— Послушайте, инспектор, — чеканя слова, проговорил Каллахан. — Мне страшно даже подумать, что какие-нибудь ловчи́лы в Ассамблее купятся на предложение этой сволочи. Вы хоть чуть-чуть, хоть на йоту понимаете, что вы затеяли? Степень опасности хотя бы немного доходит до ваших забитых жадностью и амбициями мозгов?

— Доходит, доходит. Счастливо оставаться, полковник.

Каллахан рванул из кобуры разрядник. В следующий момент вспышка поглотила инспектора. Пронзительно, истошно завизжал очкастый Блюм. Ещё одна вспышка, и визг прекратился.

— Лейтенант Дювалье! — рявкнул полковник.

— Да, сэр! — адъютант, глядя на Каллахана округлившимися от недоумения и страха глазами, застыл на пороге.

— наших гостей постигло несчастье, лейтенант. Они погибли во время атаки. Моя вина, не углядел. Вы что-то хотите сказать?

— Никак нет, сэр.

— Вот и прекрасно. Распорядитесь убрать отсюда эту падаль, — полковник кивнул на трупы. — По войскам зачитайте приказ. Тот молодчик, который был с ними, он сейчас милуется с этой подводной дрянью. Ему, однако, необходимо дышать, так что раз в пять-шесть минут его голова, возможно, будет появляться на поверхности. Парню, который её снесёт, повышение в звании, трехмесячный оклад и внеочередной отпуск. Всё поняли? Выполняйте!

* * *

День спустя награда нашла героя. Досталась она пожилому капралу, ветерану десанта, снайперу. Каллахан приказал выставить горькую и лично присутствовал на обмывании нашивок новоиспечённого сержанта. Под вечер полковник был изрядно пьян, хотя на ногах держался уверенно.

А на следующее утро с поверхности залива взлетели рыбы. Как обычно — едва рассвело.

На этот раз вторая линия обороны не выдержала, но третья подавила атаку. Наблюдая из окон штаба, как гибнет членистоногая сволочь, полковник Каллахан улыбался.

Об авторе

Родился в СССР. Живет в Нью-Йорке. За две сотни публикаций в периодике России, Украины, США, Германии и др. Рассказы публиковались в журналах («Полдень XXI век», «Реальность фантастики» и др.). В №2 (7) приложения «Знание-сила: Фантастика» за 2008 год напечатан рассказ «Дождаться своих», а в №2 (17) за 2013 год — рассказ «Камикадзе».

Ильти

Сколот

Женское платье, которое я носил уже пять лет, сегодня впилося в моё тело, словно кожаные путы. Мне хотелось содрать его с себя, надеть штаны и латы, взять в руки акинак* и врезаться в гущу персов снося их головы, пронзая сердца. Я не смог усидеть на вершине холма, побежал. Ноги запутались в подоле, я упал, скатываясь к подножью. Никто бы не удивился, если бы увидел меня плачущим, ведь я энарей, немужчина — жрец, оракул и предсказатель судеб. И такие как я могут лить слёзы, пугаться и дрожать, должны носить женскую одежду, делать женскую работу, думать как женщина. Но не сегодня, не сейчас. После долгих лет во мне проснулся мужчина...

В тот день, когда отец объявил меня энареем**, я точно знал, что не желаю женщин, их обвисших грудей, огромного живота, жира, трясущегося под кожей. Если меня и можно было чем испугать, так это видом женщины, снимающей одежды. Только перед последней полной луной я понял, что отец ошибся. И не просто ошибся, а изломал всю мою жизнь, согласившись женить меня на дочери вождя соседнего клана. Родители закрепляли союз детей свадьбой.

К тому времени я уже стал воином, носил остроконечную шапку, стриг волосы и имел свой табун с десятком лошадей. Золото, добытое в последнем набеге, я обменял на кибитку с дорогими коврами — свой личный дом. Женщин я познал. За отцовскими стадами присматривало много рабынь. Но искать радость под их платьем, как мои братья, не хотел.

Весь день, пока наша семья ждала гостей и невесту, я не находил себе места, уносился мечтами к горизонту, а потом туда же галопом летел по ковыльной степи на своём жеребце. Я пережил двадцатую зиму и знал, что завидный жених, так говорили родные и женщины соседних кланов. Они восхищались моими голубыми глазами и светлой кожей — мою мать отец выкрал у далёкого северного племени. Я не спешил обзаводиться семьёй, но уступил родителю, как вождю клана. Невесту я видел в мечтах то рас-

* Акинак — железный, короткий, меч скифов.

** Энареи — (не-муж, безмужественный), племя жрецов, преимущественно выходцев из богатых семей, не способных к продолжению рода. Скифы считали, что болезнь насылается богиней Аргимпасе (Афродитой) за разрушение её святилища в г. Аскалоне. Однако богиня подарила энареям способность предугадывать события и судьбы, лечить людей. Скифы почитали таких жрецов, желая, чтобы болезнь миновала их самих и их род. Племя энареев одевалось в женские одежды, его члены поступали, мыслили и говорили как женщины. Вожди, простые сколоты, обращались к энареям при решении трудных вопросов.

косой хохотушкой, то рыжеволосой скромницей и представлял своих сыновей...

Когда багровое солнце окрасило все в алый цвет и, прячась за мрачные тучи, скрылось в ночи, когда запылали огромные костры и начался свадебный пир, я, наконец, увидел свою жену — и растерялся. Родные подбадривали меня окриками и шутками, а я стоял настолько потрясённый, что не мог ни шага сделать, ни слова сказать. Женщина, предназначенная мне в спутницы, показалась огромной, необъятной, с двумя свисающими подбородками. Отец говорил, что невеста немного старше, но я не догадывался насколько. Моя жена решительно схватила меня за руку и потащила к украшенной кибитке. Стремительность, с которой меня сдернули с места, ошеломила, и я не оказал сопротивления.

Отгородившись от гостей ковром, жена повела себя и вовсе напористо — впилась в мои губы и стала стаскивать с меня одежду. Когда её липкие, толстые пальцы добрались до штанов и сдёрнули их, я запаниковал. Но кошмар ждал меня впереди — она сняла свои одежды. Передо мной заколыхалась липко-белёсая иппака*, которая стала наваливаться на меня тяжестью, одновременно слюнявя рот и хватая за все, что ранее прикрывали штаны. С диким воплем я отпихнул жирное тело и выскочил прочь из кибитки, взлетел на жеребца и под улюлюканье гостей поспешил скрыться в бескрайней степи.

Меня охватывало отвращение и в последующие ночи, хотя жена лежала смиренно, не касаясь моего тела. Не смогли во мне пробудить мужское желание и танцы голых, уставших от тяжёлого дня рабынь, которые плясали вокруг костров. Весь мир для меня слился в сплошную массу обнажённых частей женского тела и мелькал перед глазами, пока всё моё нутро не вывернуло дикими судорогами. Разъярённый отец объявил меня энареем и утром решил отправить навсегда к жрецам.

Полночи я раздумывал над своим позором, жалея себя, и всё больше ненавидя женщину, из-за которой буду изгнан из клана. Образ жизни, одежда, отношение к энареем вызывали во мне такие же чувства, как и у других воинов — ужас и неприязнь. Ещё мальчишками мы ездили в поселения энареев, те не делали тайн из своего повседневного существования, и потрясённые возвращались назад. Почувствовать на себе гнев богини Аргимпасе**, стать женщиной, когда был рождён мужчиной — для меня значило умереть. Поэтому стараясь двигаться бесшумно, я решил уехать подальше, возможно даже, к осёдлым сколотам***. Но мои старшие братья стерегли меня. Зная мои бурный нрав, накинулись все вместе, свалили, скрутили, избили до полусмерти, как только я подошёл к жеребцу. Чуть живого закинули в повозку и, не обращая внимания на мои стоны и просьбы, увезли в поселение предсказателей. Там, бросив меня под ноги старшему энарее, прокляли меня как опозорившего древний род. Мужчины в женских одеждах, с выбритыми лицами развязали меня, пытались напоить

* Иппака — сыр из конского молока, рыхлой консистенции.

** Аргимпасе — богиня, тождественная греческой Афродите Урании или передневносточной змееногой богини Деркетю.

*** Сколоты — самоназвание всех скифов. Греки и другие народы сколотами называли скифов-пахарей, а кочующие племена именно скифами.

каким-то отваром, уверяя, что мне станет легче. Я отбивался от их рук, отталкивал прочь, пытался бежать в степь, но нога не слушалась меня, неестественно выворачивалась и я, сражённый болью, падал, грыз траву, куски земли от досады. Впервые с тех пор, как в пять лет сел на лошадь, я разрыдался. Меня никто не жалел и не тревожил. Я пролежал недалеко от становища энареев до вечера и, наконец, успокоился. Ко мне подошёл старец и заговорил. Я слушал его слова, они стали утешением для меня. Возможно, отец ошибся, и Великая Аргимпаса не пошлёт мне дар предвиденья. Тогда я не смогу быть оракулом, лекарем, провидцем, и мне помогут добраться до поселений у западных рек.

Насильно меня никто не учил, но наука предсказаний далась мне легко. Однажды я осознал, что понимаю смысл необычно сложенных ивовых прутьев, полосок липовой коры и бегущих облаков. Мои сбывшиеся предсказания удивляли только меня. В конце концов, я вынужден был смириться со своим положением, вызывающим страх и отвращение остальных степных людей — дар подтвердил моё предназначение. Через две зимы моя известность как мудрого оракула облетела все племена сколотов. А я притерпелся к женскому платью, выбритому лицу и служению богине Аргимпаса. Но оскопиться и преподнести мужскую часть тела водным богам для рождения новых духов, я всё ещё не решался. Часто, особенно ночами, я вспоминал набеги, сражения. В такие минуты в груди разгоралась тоска и щемила боль...

Весной дикие степи и редкие города заполнили вооружённые до зубов воины персидского царя Дария*. Подойдя к Дунавию**, великий Перс предложил нашему царю Иданфирсу*** в жены свою дочь. Повелитель же степных народов в те дни горевал по рано ушедшей в иной мир любимой жене, посчитал такое предложение оскорблением и грубо отказал персидскому царю. Возмущённый Дарий потребовал у всех племен сколотов немедленно склонить головы перед ним. Но Иданфирс послал в ответ золотой поднос, на котором лежали птица, лягушка, мышь и пять стрел. Гобрий, советник и великий предсказатель Дария, призвал прорицателей, чтобы разгадать, а вернее подтвердить своё разъяснение такому странному подарку. Оракул Великого Перса считал, что сами сколоты должны подтвердить послание царя степных людей. Поэтому от клана энареев прибыл в стан Дария я. Потупив взор, усмехаясь в душе, я слушал глупые утверждения, что «скифы сдаются с землёй (мышью) и водой (лягушкой) на которой живут. И придут на лошадях (птица по воздуху и лошадь по земле движутся одинаково) сложить оружие (стрелы) к ногам великого Перса».

Раньше я был воином и выпил кровь первого убитого в бою врага, в моей кибитке лежал сверток блестящей человеческой кожи — знак моего

* Дарий — Дарий I, Дараявауш, царь Персии (522—486 до н. э.) из династии Ахеменидов. В 522—521г. подавил восстания в Вавилонии, Мидии, Маргиане, Эламе, Египте и Парфии. Около 518г. завоевал северо-западную часть Индии. В 512г. (по Геродоту) совершил неудачный поход против скифов Причерноморья, окончившийся отступлением персидской армии.

** Дунавий (Дунай), Дне-стра (Днестр) — названия рек на скифских языках.

*** Иданфирс — верховный царь скифов, сын Савлия, внук Гнура. Возглавлял Скифское царство в конце VI в. до н. э. в период войны с персидским царём Дарием I около 512 г. до н. э. Эту войну описал Геродот в «Истории» (IV книга)

бесстрашия. Я знал — сколоты скорей все исчезнут с простора степей, но не сдадутся! И правильно расшифровал послание: «Если персы не ускачут в болото, как лягушка, не зароются в землю, как мышь, не улетят в небо, как птица, то будут поражены стрелами и не вернуться назад». Но меня не захотели услышать. Дарий приказал ставить шатры и ожидать Иданфирса. Царь скотов медлил. Перс скучал, его и гостей развлекала танцами любимая наложница Лессия.

Я встретил её раньше, утром. Она шла с другими женщинами и была единственной из гарема Дария, которая не прятала своё лицо под накидкой. Лессия была родом из северных земель, где снег лежит по полгода, где женщины вольные, как птицы. Танцовщица, смеясь, задала мне вопрос о своём будущем и я, разложив ивовые прутья, содрогнулся от того, что привиделось мне — наши жизненные дороги пересекались. Но на повторный вопрос я ответил привычными словами: «Ты встретишь человека, который ради тебя умрёт и воскреснет, который изменит твою судьбу». Она вновь рассмеялась, хотя глаза её грустили и, сняв с головы прикрепленный цветок чертополоха, протянула мне: «Ты подарил мне надежду, энарей. Я не умру от тоски теперь».

И вот на пиру я сидел позади всех, как вызвавший недовольство Великого Перса. Танцуя, Лессия двигалась в темпе моих мыслей, а я рассуждал о том, как же изгнать многотысячное войско Дария из вольных земель скотов. Царя Иданфирса поддерживали не все племена. Только те, что живут севернее, в редких лесах. Те же кланы, что имеют пастбища ближе к морю, выжидают, как обернётся дело у Иданфирса и Дария. Надо заставить эти племена ввязаться в войну. И сделать это можно, только если вынудить Дария наступать по их землям. Значит, степной царь должен отходить через пастбища предателей, выжигая пастбища и засыпая колодцы. Лишённые привычной жизни кланы будут вынуждены примкнуть к Иданфирсу.

Задумавшись, я не сразу понял, что смотрю на грудь Лессии. Два её холмика вздрагивали, подпрыгивали, играли друг с другом, как молодые байбаки на закате. Золотые монеты звенели, касались выпирающих из-под ткани сосков, и я рассердился на себя — энарей не может замечать подобного. Я перевел взгляд на соседа, который запихивал угощение огромными кусками в рот, давился, отрывал и вновь хватал мясо. Зрелище оказалось настолько отталкивающим, что связно мыслить я не смог, и вновь взглянул на танцовщицу, стараясь не смотреть на её грудь. Живот Лессии напомнил мне лепестки водяной лилии на рассвете, когда капельки росы, как капельки пота сейчас, скатываются вниз, оставляя тонкие, извилистые следы. Блестящие дорожки на животе терялись в тёмных волосках. Юбка слегка сползала во время танца то с одного бедра, то с другого, но мой взгляд выхватил почему-то именно курчавые волоски. Я поёрзал на месте, не находя привычного удобного положения, и стал смотреть ещё ниже, на шиколотки, перехваченные поясками с золотыми монетками. Ступни и украшения двигались в такт музыке, и я какое-то время смог опять думать о плане отступления и набегах на войско Перса наших небольших юрких отрядов. Иданфирс не сможет победить в открытом бою, его воинов

намного меньше, они хуже вооружены, имеют меньший опыт в сражениях. Значит, надо отделять отряды персов от основной части и вырезать не жалея. Надо изматывать противника постоянными наскоками и не давать спокойствия ни днём, ни ночью. А главное — нельзя позволить Дарию пополнить запасы воды и еды. Последнего у Великого Перса предостаточно, и он может далеко углубиться в наши земли. Плохо, что его поддерживают эллины. Греков надо отсечь по Дунавию, заставить разобрать мост и не поставлять продовольствие...

Музыка прервалась, а потом зазвенела в новом, быстром темпе, ноги танцовщицы замелькали перед глазами и мысли спутались. Я посмотрел перед собой и увидел огромные синие глаза Лессии. Они призывали, молили о чём-то. Я вновь поёрзал — до чего же неудобные подушки у Дария.

Лессия кружилась в танце, изгибалась, наклонялась, поднимала руки вверх, двигала бедрами. Я не должен был, но не мог не смотреть на её шею, грудь, изгибы талии и рук, мягкую округлость живота, мелькающую в разрезах юбки белизну ног, на скользкий по бёдрам пояс. Я все больше прикипал взглядом к телу Лессии, словно срастался слоями в клинке из дамасской стали под ударами кузнеца. Мне стало душно, под моим женским платьем вспыхнул огонь, разгорающийся всё сильнее с убыстряющимся ритмом музыки. Мужская, неоскопленная часть моего тела напряглась, увеличилась, поднялась и болезненно заныла в давно забытых ощущениях. Я встал и вышел из шатра, опасаясь, что кто-нибудь заметит у энарея неестественно вздёрнутое платье. Моего терпения едва хватило, чтобы отойти в степь, куда не доставали отблески костров и обхватить руками, через ткань платья пульсирующую оудь*. Всего несколько скользких движений и шквал эмоций свалил меня на колени...

Всё утро я просидел на берегу, в скромном одеянии, наблюдая, как над водой летают стрекозы, а у камышей плавает утиное семейство. В реке я увидел свое отражение: бледное, обыкновенное, не отличающееся красотой лицо, грустные серо-голубые, словно выцветшие глаза. Где же тот задор, огонь, радость, играющие в моём облике раньше? Я никак не мог покинуть лагерь Дария, чтобы вернуться к царю Иданфирсу с разработанным военным планом, как не решался выстирать запачканное ночью платье. Я всё ещё держал его смятым в руках. Вспокоившиеся лягушки, громко шлёпая животами, сообщили мне, что за спиной у меня человек, бесшумно подошедший только что. Это оказалась служанка Дария. Её послали за мной сам Перс. Лессия умирала, укушенная степной гадюкой. Ползучая тварь ужалила наложницу ещё вчера вечером, когда женщина, вспотевшая от танцев, решила освежить себя в реке.

Я поспешил в шатёр, где проживали жёны и наложницы Дария. В гарем энареев пропускали без опаски, как евнухов. Великий Перс сидел возле стонущей, пылающей жаром Лессии. Нога в месте укуса распухла. Я понял, что лекарь здесь бессилён.

— Ты поможешь ей? — спросил Дарий, заметив меня. И я, наученный тем, что Великому Персу нельзя говорить правду, утвердительно кивнул:

* Оудь — название мужского полового члена, используемое народами древнего Причерноморья.

— Да. Но позволю забрать её к себе в кибитку, там легче вымолить помощь у Великой Аргимпасае.

Дарий, конечно же, не позволил поместить свою наложницу в жилище призраемого энарея, но приказал поставить небольшой шатёр рядом с кибиткой, куда перенесли Лессию. Выпроводив слуг, я присел рядом с женщиной, не зная, что предпринять. Её ноги местами напрягались и бугрились, это подстегнуло меня к действию. Я достал запас кислого, переигравшего виноградного вина, добытого мною у торговцев с западного берега реки Дне-стра, развёл его в холодной воде, намочил куски ткани этой жидкостью и обмотал тело Лессии. Я вливал в рот почти бесчувственной женщины отвар трав, ослабляющих боли, расслабляющих тело, принуждая глотать. Я вываривал кору ивы, растущую по берегам реки, и поил горьким напитком Лессию.

Луна сменила солнце, и вновь осветила степи, когда я понял, что Великая Аргимпасае сжалилась надо мной — продлила жизнь самой сказочной из женщин на свете. Лессия больше не пылала жаром, не металась в бреду, а впервые спокойно спала. Я тоже прилёг рядом и тут же провалился в сон.

Весь следующий день я готовил напитки из молока кобыл, постепенно добавляя измельчённое мясо и сок степной земляники. К вечеру щёки Лессии порозовели, бледность прошла. Женщина смогла сесть, а потом и вовсе попросила проводить её к реке, искупаться — высохшее перекишшее вино пощипывало тело. Я согласился, отнёс её к реке на руках. Сил у Лессии хватило лишь уйти за камыши и слегка омыть свое тело. Потом она пошатнулась, упала, и я, подхватив, вынес ее на берег.

Солнце в последний раз послало мне свой алеющий луч, когда я вносил Лессию в шатёр. Её кожа покрылась мурашками, и я поспешил промокнуть тело тканью. Я ощущал себя как во сне, касаясь кожи женщины — теплота, зарождаясь внизу живота, охватывала всё тело. Возбуждение пульсировало, как перед боем. Я вспомнил то нетерпение, которое жгло меня, когда я ждал клич вождя. Затаив дыхание коснулся груди Лессии и провел по ней тканью, а потом ещё раз. На другом соске поблёскивала чудом задержавшаяся капля, и я выпил её губами. Женщина вздрогнула, но не отстранилась, не воспротивилась, только удивлённо посмотрела на меня. Я поцеловал другой бугорок, а потом повёл рукой вниз по животу, иссушивая влагу своей горячей рукой. Лессия затихла, слегка подаваясь навстречу ласке. А я касался её тела с трепетной нежностью, на которую был способен в те минуты. Когда рука дотронулась до колен, они раздвинулись, словно приглашая продолжить игру. И я решился на безумный поступок — скинул платье, Лессия увидела моё желание. Мы замерли на короткий миг: я — в ожидании, она — в удивлении, а потом потянулись друг к другу в едином порыве. Когда я познал её влажное цепкое лоно, я поклялся, что никогда не надену больше мерзкое платье энарея. И повторял это снова и снова, когда соединялся с Лесией после жарких объятий...

На рассвете Лессия мирно спала, а я думал над тем, как заставить Иданфирса принять мой способ ведения войны с Дарием. А задуматься было о чём — царь скотов не прислушается к словам неизвестного воина,

но поверит знаменитому энарею. И чем больше я размышлял, тем сильнее меня охватывала печаль — выбор давался всё труднее. Чтобы освободить наши земли от полчищ персов, я должен вновь влезть в женское платье. Но моя сущность протестовала против такого решения. Больше всего я хотел подхватить Лессию, усадить перед собой в седло и увезти подальше на север, к её родным, куда не отважился бы пойти Великий Перс и испугался бы проникнуть опасливый Иданфирс.

Мне хотелось увидеть суровый край и холодное море, но оказалось, что свободный сколот, любящий бескрайние жаркие степи, всё ещё живёт во мне. Он был готов сражаться с недругом, желающим подчинить вольных людей, отомстить за ранее проигранные битвы. И я решился идти к Иданфирсу, чтобы убедить его принять разработанный мною план изгнания Дария из земель кочевых народов. Царь сколотов примет меня и мои предложения, как принял однажды помощь в замерзшей от лютого холода степи. Тогда Иданфирс простудился, и даже наши лекари не могли ему принести облегчение. Я поступил вопреки здравому смыслу — выбора не оставалось. И мой способ принёс выздоровление царю сколотов. Теперь он доверял мне...

Чем ярче становились щели в просветах шатра, тем больше звуков раздавалось в округе. Я надел проклятое женское платье, мужской одежды у меня не было, и вышел из шатра. Костёр догорал, редкие красные всполохи пробегали по углям. Я собрался подкинуть сухой полыни и сделать свежий отвар для Лессии, когда увидел Дария. Он прошёл к своей наложнице, едва кивнув мне. Вскоре я услышал звуки не вызывающие сомнения — хозяин удовлетворял свою похоть с рабыней. Ярость и ревность вскипели во мне, я вскочил, готовый ворваться в шатёр. Но последние отблески разума сдержали порыв, я присел, и в отчаянье положил ладонь на угли. Боль обожгла руку, но, как ни странно, позволила связно мыслить — выдав своим поведением нашу тайную связь с Лессией, я бы уготовил своей единственной женщине страшную смерть. Я знал, что персы искусные мастера «вырезания». Они могли срезать с человека кожу узкими ремешками, кружочками, лоскутами, пластинами. И окровавленные куски падали к ногам кричащего, умирающего осужденного. А непослушным или провинившимся женщинам гарема и вовсе надрезали тело в самых нежных местах и в открытые раны по капле вливали расплавленный свинец.

Минуты показались вечностью, я возненавидел Дария каждой частицей своего разума и тела — Великий Перс не только проиграет теперь сражения, но и будет опозорен. Энарей и воин сплелись воедино. Я готов был к холодной, рассудительной мести.

Наконец довольный Дарий вышел из шатра:

— Ты действительно великий маг, энарей! Она не только выжила, но и впервые с радостью открылась мне навстречу для утех!

Я молчал, не встал и не поклонился Великому Персу. Ненависть всё больше захватывала меня, я хорошо понимал, для кого приготовила свои ласки Лессия. Она ждала меня, не Дария. А Великий Перс не замечал моего состояния — разве у энареев могут быть чувства?! Помолчав, он сказал:

— Я убедился в твоей силе как чародея, значит и твои предсказания

верны — я больше не буду ждать Иданфирса, он не покорится, а будет сражаться. Завтра же выступаю в поход. — И добавил: — О Лессии позаботится мой лекарь. Ты можешь уехать сегодня.

Я вновь промолчал, смотря, как слуги уносили желанную женщину, как сворачивали шатёр. Моя убедительная речь к царю сколотов сложилась в голове, путь к победе над самовлюблённым Персом был найден...

До лагеря Иданфирса осталось немного, я видел костры. Женское платье, которое я носил уже пять лет, сегодня впилось в моё тело, словно кожаные путы. Мне вновь захотелось содрать его с себя, надеть штаны и латы, взять в руки акинак, вернуться к лагерю Великого Дария, врезаться в гущу его воинов снося их головы и пронзая сердца. Я не мог спорить с собой — я желал самую лучшую наложницу Перса, но вновь подавлял свое желание под платьем энарая: немужчины — жреца, оракула и предсказателя судеб. Я тот человек, который может лить слёзы, пугаться и дрожать, должен носить женскую одежду, делать женскую работу, думать как женщина. Но сегодня я уверен, что богиня Аргимпасе не зря заставила меня примерить платье и подарила дар предвиденья. Мне была уготовлена судьба советника царя Иданфирса и победителя Великого Дария.

А потом я принесу самые дорогие подарки Папаю, Апи* и Страшному Акинаку**. Я подарю им головы чужеземцев, добытые мною в бою. Я полью кровью боевой меч, вымолю его помощь и заберу Лессию! После долгих лет во мне проснулся мужчина, воин и господин...

Об авторе

Ильти (Смирнова Марина), проживает на юге России. Замужем, двое детей. Образование высшее техническое. Последние пятнадцать лет работает в сфере дошкольного образования. Преимущественно пишет о реальных событиях. Пробует себя в историческом и фантастическом жанрах. Публикация «Сколота» — дебют в бумажном печатном издании. Раньше рассказы размещались только в сетевых журналах.

* Папай, Апи — главные боги, почитаемые скифами.

** Страшный Акинак — бог войны (аналогичный греческому Аресу), единственный, которому возводились постоянные святилища, огромные сооружения из хвороста. «Постройку» венчал «древний железный акинак» — как раз и служивший изображением и воплощением божества. Ему, в отличие от прочих богов, в жертву приносили людей, одного из сотни пленников, независимо от их численности, а затем лошадей, коз, овец.

Елена Зарецкая

Телепортация с сюрпризом

повесть*

В ЛОВУШКЕ ИЛИ ВО СНЕ?

Но мы совсем забыли про Марию Кузьминичну, которая совершенно неожиданно для самой себя очнулась в чужом автомобиле. Что с ней теперь? Куда забросила её насмешница-судьба?

Обе машины, между тем, неожиданно свернули с шоссе в лес. В сумерках за окошками мелькали тёмные стволы деревьев. Вскоре въехали в какой-то дачный посёлок и, подпрыгнув несколько раз на колдобинах, остановились. Водитель вышел, направился к воротам и начал ковыряться в замке. В сгущавшихся сумерках Мария Кузьминична немного понаблюдала за ним издали, вытянув шею, и снова затаилась и зажмурилась. Открыв ворота, блондин вернулся, уселся за руль, въехал на участок и сразу загнал машину в гараж, пристроенный к дому. Очевидно, это был хозяин дачи. Другая машина въехала следом. Мария Кузьминична, которая для конспирации и для согрева была завернута в плед, снова осталась незамеченной.

Мужчины вытащили из багажников вещи (награбленное, наверно!) и понесли их в дом. Тот, который шёл сзади и был, видимо, гостем, спросил: — Серый, а где лопату взять?

«Серый! Ну, конечно же, бандитская кличка!» Лопата им нужна. Краденое прятать. А может быть даже...о-о-о... — тоскливо заныло сердце пленницы, — может быть, это злодеи... душегубы».

Мария Кузьминична сама удивилась, какие дурацкие мысли лезут ей в голову. Но будучи человеком здравомыслящим, она заключила, что весь этот бред ей, конечно же, снится, а значит, и тревожиться не из-за чего.

Мужчины, между тем, направились за лопатой к сараю, светя себе фонариком, а Мария Кузьминична воспользовалась случаем и выскользнула из машины. Сон это, не сон, но по законам жанра надо бежать, пока они не вернулись. Во сне нам тоже неприятности не нужны. Она прихватила какую-то курточку, висевшую на гвоздике, и ринулась к воротам гаража, но выскочить не успела. Совсем близко раздалась шаги. Мария Кузьминична прижалась к стене и услышала, как лязгнули, закрываясь, ворота гаража. Она оказалась взаперти.

* Окончание. Начало в №2 за 2013 год.

Когда глаза привыкли к полумраку, стала видна узкая маленькая лесенка, ведущая наверх. Хорошо. Пока бандиты с помощью лопаты уничтожают следы своего преступления, она успеет через дом выскочить и убежать подальше от этого страшного места. Она взбежала по ступенькам, больно ударившись наверху головой о какую-то поперечную балку. «Ошибка в планировке» — отметила про себя Мария Кузьминична, привыкшая досконально разбираться в чужих просчётах. Лесенка привела её на террасу, но выбраться из дома не удалось, снова почти рядом, около крыльца, раздalisь шаги. Мария Кузьминична оглянулась в поисках убежища и заметила ещё винтовую лестницу, которая вела в мансарду. Взлетела она по ней стремительно с давно не свойственной ей лёгкостью и ловкостью; уронила по дороге курточку, но не стала поднимать. На верху отдышавшись, она оглядела комнату, в которой оказалась.

Аккуратно отделанная тоненькими дощечками, тонированная в тёмно-коричневый цвет, отлакированная, она чем-то напоминала каюту корабля. На стенах — ряд встроенных шкафчиков.

На Марию Кузьминичну вдруг снова накатила леденящий ужас, как это бывает во сне.

«Бог ты мой, куда же деться?» — она подёрнула дверцы: бар, книжные полки, платяной шкаф. Быстро оглядела содержимое шкафа, по вещам определила, что комната принадлежит холостому мужчине. На плечиках висели свитера, рубашки, аккуратно свешивались брюки. Среди всего этого добра очень кстати озябшая Мария Кузьминична обнаружила единственную женскую вещь: совсем новый, ещё с бирочкой, белый махровый халатик, да ещё под ним мягкие розовые тапочки, тоже новые, ненадёванные, сшитые между собой суровой ниткой. Мария Кузьминична решительно оборвала нитку, обулась и закуталась в халатик.

Согревшись, она немного пришла в себя и стала соображать, что делать дальше. «Господи, хоть бы вернуться отсюда целой и невредимой. Но если я только спасусь (и если это не сон), я не знаю, что сделаю с этими телепортальщиками, с этими изобретателями несчастными!»

А внизу шаги мужчин сотрясали половицы террасы. Они о чём-то заговорили, но тут затарахтел прямо над крышей дачи рейсовый вертолёт и заглушил слова. А разговор шёл вот о чём:

— Ты знаешь, Пашка, — признался хозяин, — я ведь эти выходные собирался с барышней провести. У меня новая пассия появилась. Познакомился тут с одной музыкантшей. В ансамбле выступает. Скрипачка. Ну, мы с ней пока всего один раз вместе были.

— И как?

— Да вот, решил сегодня на дачу пригласить, продолжить знакомство в более тесном общении. А у неё концерт. Но знаешь, оно, пожалуй, и к лучшему. Сколько лет уже мы с тобой собирались на рыбалку съездить, а? И всё дела, дела... — весело закончил Серый, ткнув приятеля в бок.

Тот, которого звали Пашкой, поставил на стол бутылки, и друзья завозились внизу, пихая друг друга от избытка чувств.

— Рыбалка — дело святое, — говорил Пашка, — а музыкантши — это преходящее. Вчера — скрипачка, сегодня — циркачка, завтра дама с

собачкой... У актёрок вечно то концерты, то гастроли, поклонники там разные...

— Да нет, она баба нормальная. Под сорок, правда.

— Дети есть?

— Нет.

— Что так?

— Да я не спрашивал.

— У тебя нет, у неё нет... Кто на старости лет стакан воды подаст? — хохотнул Пашка.

Когда шум вертолётá затих вдали, до Марии Кузьминичны долетел конец разговора:

— Да ну тебя с твоим стаканом. Кстати, стаканы у меня наверху. Сейчас принесу, — и, насвистывая свой любимый марш «Парад планет», хозяин стал подниматься по скрипучей лестнице в мансарду. Тут Мария Кузьминична, наконец, увидела его лицо. О Боже! Сердце её вдруг бешено заколотилось, и оборвалось; у неё закружилась голова и потемнело в глазах. Казалось, что она сейчас потеряет сознание. Вот она, телепортация-то!

И СНОВА ЗАДЕРЖКА

А пока Мария Кузьминична в полном смятении от увиденного стояла на верхней ступеньке лестницы, ожидая очередного поворота судьбы, общительный и весёлый аэротаксист Володя, как мы помним, пытался развлечь заскучавших офориков анекдотом.

— Хорошо быть вертолётчиком, в каждой деревне его ждёт ...

— Эврика! — вдруг воскликнул будущий нобелевский лауреат, и всеобщее внимание переключилось на него.

Володя, так и не успевший закончить, обиженно замолчал.

Офорики вытянули шеи, пытаясь со своих кресел разглядеть происходящее на экране прибора. Там появился знакомый штакетник Марии Кузьминичны!

Только с ним творилось что-то неладное. Словно расшатывал его кто-то. Будто ураган налетел на него. Чье-то чужое сильное биополе накладывалось на весёленькие зубчики биополя Марии Кузьминичны и искажало знакомую картину. Ровненький график вдруг растянулся, всплески амплитуды достигали сумасшедшей величины, острия штакетника выросли в горные пики, а мелкие впадинки превратились в бездонные провалы.

— Наверное, на неё напали, — испуганно прошептала Даша, — может быть, с гнусными намерениями.

— Вряд ли, — неуверенно попытался успокоить её Денис. — Она, как никак, женщина в возрасте. Однако спешить надо. Володя, ну-ка поддай газку.

Володя прибавил скорость, на изображение наслоились помехи, оно исчезло и больше не появлялось. Богдан к величайшей своей досаде не успел даже определить место, где находился источник биополя.

Сделав несколько крутых виражей, Володя сообщил своим пассажирам:

— Минуты через три будем на месте.

Офорики засуетились, готовясь к посадке. Володя, снова оказавшись в центре внимания, повеселел.

— Слушайте, я вам пока другой анекдот расскажу, как раз в тему. Летят, значит, на вертолете русский, немец и француз и у каждого с собой прибор...

Но тут неожиданно раздался тревожный звуковой сигнал, и на табло замигала красная надпись: «Штормовое предупреждение! Всем аэротакси немедленно приземлиться! Пристегнуть ремни. С востока надвигается грозовой фронт».

— Блямс! — выругался вертолётчик, резко развернулся на 180 градусов и пошёл на снижение. Он искал место для посадки, но над каждой подходящей площадкой, как жужжащие пчёлы, уже роились аэротакси, спасавшиеся от грозы. Вертолёт с офориками быстро уходил всё дальше и дальше от своей цели.

— Подожди, куда же ты? — попытался остановить аэротаксиста Денис. — Нам осталось-то всего ничего. Может, дотянем, прорвёмся? А?

— Ты что? Гроза — это серьёзно, тебе жить надоело? И вообще, приказ есть приказ, у нас с этим строго. Я без работы остаться не хочу.

— А делать личные дела в рабочее время ваше строгое начальство разрешает? — поинтересовался Антон скрипучим голосом, глядя куда-то в сторону.

— Как раз нескольких минут нам и не хватило, — сказал Денис, с досадой сжав кулаки. — У тебя шуры-муры, а у нас дело срочное. Человек пропадает!

— Ну и сказали бы сразу, а то weekend, weekend... Кстати, — повернулся он к Богдану, — ты приборчик-то свой выключи, а то как шархнет в него молнией, никому мало не покажется.

Наконец, Володя отыскал полянку в перелеске между двумя посёлками и совершил посадку. Денис сверил координаты. Они оказались в 15-ти километрах от дачи Марии Кузьминичны.

— Доставай флайки, — сказал Денис Антону, сердито поглядывая на аэротаксиста. — Будем добираться своим ходом, — и он сообщил о происшествии в штаб.

— Почему отклонились в сторону, — сурово спросил Гриша, который следил за курсом следования.

Денис объяснил. Гриша выговорил командору за мягкотелость и хотел добавить что-то ещё, но тут небо прорезала ослепительная молния, и раздался удар грома такой силы, как будто Вселенная раскололась надвое, и сразу хлынул ливень. Связь оборвалась. За стёклами не было видно ничего, кроме нескончаемых потоков воды. Спасательная операция снова откладывалась.

Офорики сидели в обтекаемом водой вертолёте и ждали. Всем хотелось спать. Антон клевал носом. Даша временами роняла голову на подголовник. Денис в полудрёме поглядывал то на часы, то на залитые дождём стёкла. Богдан засыпал, обнявшись со своим драгоценным прибором, но удары грома заставляли всех вскидываться и открывать слипающиеся глаза, да и не очень приспособлены были кресла аэротакси для сна.

Вертолётчик Володя, чувствуя некоторую свою вину, сказал, что, несмотря на то, что у него впереди выходные, он останется с группой до самого конца, чтобы в случае чего помочь с транспортом, и тут же отключился и громко захрапел.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

А тем временем хозяин дачи, насвистывая свой любимый марш, поднимался по скрипучей лестнице вверх, и каждый его шаг отдавался в висках Марии Кузьминичны, и сердце её, казалось, стучит уже не в груди, а в горле.

Сначала Серый нагнулся поднять оброненную Марией Кузьминичной курточку и заметил на верхней ступеньке розовые тапочки, потом белый махровый халатик, и, наконец, руку, нервно теребящую воротничок, и тревожные глаза. Насвистывание оборвалось, закончившись удивлённым присвистом, и на лице Серого появилось выражение недоумения. Мария Кузьминична хотела что-то сказать, но горло вдруг перехватило. Оба замерли на некоторое время. Потом он сказал полувопросительно:

— Маша! Ты что ли? Или мне пригрезилось?

Обращённое к ней снизу вверх лицо незнакомца, лицо не слишком молодое, со складочками около губ и на переносице и немного набрякшими веками вызвало хранящийся в глубинах памяти образ симпатичного и весёлого юноши. Оба эти лица совместились друг с другом и слились воедино.

— Здравствуй, Серёжа, — выдохнула она.

Сергей поморгал и потряс головой, словно пытаясь стряхнуть наваждение.

— Маш! Ты как здесь? Откуда?

— Спроси что-нибудь полегче. Долго рассказывать... Похоже, коллеги постарались...

— Какие коллеги? При чём тут коллеги? Ничего не понимаю.

Они опять постояли молча, внимательно разглядывая друг друга. Теперь Маше уже казалось, что он совсем не переменился. И фигура осталась спортивной. — «Хорошо, что я немного сбросила вес», — подумала она и улыбнулась:

— Столько лет не виделись... И ты меня сразу узнал?

— Я тебя узнал по выражению лица, такое, знаешь, по-детски испуганное. У тебя такое часто бывало.

— Я сильно изменилась? — встревожилась Маша.

— Совсем не изменилась, — почти не соврал Сергей.

И она внезапно почувствовала, что не было никаких прожитых лет. Не было! Раскололась, рассыпалась нелепая и чуждая оболочка, сковывающая её все эти годы, и осталась Маша, юная, как в тот далёкий год окончания школы. И впереди у неё была целая жизнь...

Сергей смотрел на неё со всё возрастающим удивлением. Перехватив его взгляд, она наткнулась на своё отражение в темном окне и поразилась. На

какой-то миг ей показалось, что из оконного стекла на неё смотрит семнадцатилетняя девочка. Нет, показалось, конечно... Но во всяком случае душевный подъём так преобразил её, что она сама не узнала себя в этой счастливой и красивой женщине с сияющими глазами.

Внизу хлопнула дверь.

— Серый, ты с кем там разговариваешь? — донеслось с террасы.

Сергей не ответил. Он вдруг начал смеяться. И Маша засмеялась. От смеха у неё на глазах выступили слёзы. Сергей схватил её за руку и потянул за собой вниз по лестнице. Паша поднял голову и увидел приятеля за руку с незнакомой женщиной, невесть откуда взявшейся в запертой даче. Да, с Серым не соскучишься. Паша закашлялся и растерянно произнёс:

— Барышня? А! Понял. Она всё-таки решила отменить свои планы и приехать к тебе?

— Да. Пашка. Она решилась... Она решилась! Не прошло и... — Сергей задумался, разглядывая Машу и что-то вычисляя в уме.

— ...не прошло и двадцати пяти лет, — пришла она ему на помощь.

— Вот и чудненько, — кивнул Павел в ответ на их странную шутку. — Тогда давайте знакомиться.

— Павел, мой лучший друг, — представил его Сергей, а это... это — Маша.

Павел церемонно поклонился, а Сергей снова оживился:

— Слушайте, ребята: я просто чертовски рад, что вы оба сегодня у меня, здесь. Нет, это же просто фантастика какая-то! Надо срочно выпить за встречу! — заторопился он.

— Ты вообще-то как раз и шёл за стаканами.

— Действительно? — рассмеялся Сергей. — Но погодите. Маш, ты так легко одета, а в мае вечера ещё сырые. Замёрзнешь. — И слегка прикоснувшись мягкими пальцами к Машиной шее, он незаметно снял с халатика бирочку.

— Знаешь, у меня просто ничего другого нет, — смущённо призналась Маша.

— Так. Пошли. Возьмёшь в шкафу тёплый свитер, брюки, носки шерстяные, оденешься.

Они снова поднялись наверх. Скоро Сергей спустился, позвякивая стаканами. Через некоторое время появилась и Маша в брюках и толстом мужском свитере до колен.

— Ну, теперь можно и за встречу, — обрадовался Сергей.

— У нас, правда, напиток завезён только для мужчин, согревающий, — предупредил Павел. — Мы же рыбаки. Не ожидали барышню. Такой сюрприз... Маша, вы пьёте водку? — галантно закончил он свою тираду.

— Какая водка? Что ты несёшь? Маша никогда не пила водку. Да, Маша? А у меня наверху в баре есть всё. Ты какие напитки предпочитаешь? — И не дождавшись ответа, он снова взмыл по винтовой лестнице вверх и вернулся с хрустальным бокалом и бутылкой марочного вина. Перед Машей поставили бокал, себе налили в стаканы.

— Давайте, давайте, наконец, за встречу.

Чокнулись. Выпили. Ещё больше повеселели.

— Теперь, Маша, признавайся, каким образом ты здесь? На метле что ли прилетела?

— Не совсем угадал. Ты сам меня привёз. В машине, — и на Машу снова напал безудержный смех. Она вытирала слёзы и никак не могла остановиться. Сергей и Паша смотрели на неё с недоумением. Паша даже подумал, не пьяна ли она. Наконец, Маша с трудом успокоилась.

— Знаете, — сказала она, — поверить в это трудно, но дело было так. Сегодня на работе мы отмечали мой день рождения...

Сергей хлопнул себя по лбу.

— День рождения! Ну конечно! Почему же трудно поверить? Ведь сегодня 14-е мая!

Потом вдруг, осенённый какой-то мыслью, вскочил и метнулся к двери.

— Пашка, займи нашу гостью приятным разговором, — сказал он другу. — Он это умеет, — добавил Сергей, повернувшись к Маше, и выбежал в сад.

После небольшой неловкой паузы Павел начал старательно выполнять просьбу друга. Наполнив себе стакан, а гостье бокал, он сказал несколько витиевато:

— Маша. Я, конечно, не могу похвастаться большой любовью к скрипичной музыке. Да и не разбираюсь в ней так же глубоко, как Сергей, но я сразу заметил, что у Вас, Маша, красивые музыкальные пальцы.

— Впервые слышу, — отозвалась она, с интересом взглянув на свои руки.

— Полагаю, что Вы скромничаете, — сказал Павел. — Хотя в вашей среде такие пальцы, наверно, у всех.

— Ну, конечно, в нашей среде все стучат по клавишам.

— Вы и на фортепьяно играете?

— На фортепиано? Играла когда-то, ещё в школе. Сейчас нет.

— Понятно. А в вашем ансамбле Вы, видимо, первая скрипка?

— Скажете тоже, даже не вторая. Так, скорее, на подтанцовке.

— Опять скромничаете. Но это уже чересчур. Сергей говорил, что Вы...

— Сергей говорил с Вами обо мне?! — изумилась Маша.

— Да, немного...

— И что же он говорил?

Павел замешкался, оценивая границы откровенности, которые он может позволить себе в разговоре. Маша подсадовала на себя, что перебила собеседника и не узнала, что говорил про неё Сергей. Но тут и он сам появился, распахнул дверь веранды и протиснулся в неё с огромным влажным от вечерней росы букетом тюльпанов.

Похоже, — сказал Павел, — что Серж обчистил все близлежащие сады.

— Обижаешь, — сказал Сергей, — такие тюльпаны растут только у меня. — И сорт я вывел сам. Кто-нибудь из вас видел хотя бы раз тюльпаны такой величины и такого насыщенного цвета? Только что я придумал этому сорту название: Мария. Маш, это тебе. С днём рождения! — он взглянул на часы. — Успел. Двенадцати ещё нет. Ребята, нальём скорее. У нас есть время, чтобы произнести тост за именинницу. Маша! — сказал он, и голос его слегка дрогнул. — Маша, я мог бы сказать, что страшно рад нашей такой неожиданной встрече, но этого мало. Я просто бесконечно благодарен судьбе за этот подарок. За тебя, Маша!

От этих слов тепло разлилось в душе Маши. Раскрасневшись, она всё ещё прижимала к себе букет. Из сада доносилась соловьиная симфония.

— Знаете, такого чудного (или чудного) дня рождения, как сегодня, у меня не было никогда! — призналась она.

— И всё-таки, ты обязана рассказать, каким образом ты очутилась в запертой даче, — напомнил Сергей. — Знаешь, сначала я даже принял тебя за привидение.

— Ой! — засмеялась Маша. — А я вас за бандитов приняла. Когда вы за лопатой пошли...

— И всё же, как ты сюда попала? — снова напомнил он.

— В это просто невозможно поверить, но, похоже, что меня телепортировали.

— Как! — воскликнул Павел. — Уже изобрели телепортацию?

— Да. И кажется, мне выпало быть её первым испытателем, — поведала Маша, с опаской подумав, не выдаёт ли она важную государственную тайну.

— Потрясающе! Серж, вот за это просто необходимо выпить! Ребята! Вы просто не понимаете, что произошло! Ведь это — начало новой эры! Мы ещё будем гордиться, что сидели за одним столом с такой женщиной! В общем, за женщин-первопроходцев!

Выпили ещё по одной. И Павел, хрустя солёным огурцом и закусывая зелёным луком очередную порцию спиртного, спросил:

— А почему, собственно, телепортация оказалась изобретённой в музыкальной среде?

Маша и Сергей вопросительно взглянули на него.

— Если я правильно понял, Маша скрипачка.

— Сам ты скрипач, — укоризненно посмотрел на друга Сергей, — и понял ты всё неправильно.

Павел осознал свою жуткую оплошность, но на Машу снова напал смех:

— У нас сегодня просто какой-то вечер водевилей: все друг друга перепутали: привидение, бандиты, скрипачка ...

— Вообще-то, не вечер, а уже скоро утро, — поправил её Паша, — и вообще мне пора.

— Как пора? — воскликнул Сергей и повернулся к Маше:

— Маша, я забыл тебе сказать, мы собирались с Пашкой на рыбалку. У нас тут озеро недалеко. Составишь нам компанию?

— Женщина на рыбалке? Ну, нет! — Павел повернулся к Маше и прижал руку к сердцу. — Маша, Вы меня, конечно, извините, но при всём моём уважении к Вам как к первопроходцу я категорически не согласен.

— В таком случае, мне, видимо, следует телепортироваться обратно, — сказала Маша, чуть-чуть кокетничая.

— Вовсе нет, — ответил Павел, пряча улыбку. — Похоже, что на этот раз телепортироваться должен я. Нравится мне, знаете ли, посидеть на берегу в одиночестве, чтобы никто не мешал, подумать о своём, пофилософствовать. А вы уж оставайтесь на даче.

С этими словами он, поморщившись, выпил полстакана отрезвина,

попрощался и, несмотря на неуверенные возражения Сергея, отъехал на своём автомобиле.

Сергей виновато посмотрел ему вслед. А Павел катил по ночной дороге и размышлял о превратностях судьбы. Если б скрипачка не отклонила приглашение его друга, в интересной ситуации оказался бы он сейчас. Видимо, действительно, что ни делается, всё к лучшему.

После отъезда Паши разговор на террасе смолк, и возникло какое-то напряжение.

— Хороший у тебя друг, очень деликатный, — первая нарушила молчание Маша.

Сергей с радостью схватился за эту тему и начал вовсю расхваливать Пашку. Когда были перечислены все его многочисленные достоинства, и тема была исчерпана, снова замолчали.

— Как ты жил все эти годы? — как бы невзначай спросила Маша.

— По-разному, — уклонился от ответа Сергей. — А ты?

— По большей части одинаково, — подумав, ответила она. — Замужем побывала. Недолго. А ты как? Женился?

— Нет. В постоянном поиске находился. Иногда казалось, что нашёл, а потом присмотрюсь — нет, опять не то.

Снова помолчали. Каждый о своём.

— Ты часто обо мне вспоминал? — решила, наконец, спросить Маша.

— Никогда, — честно ответил Сергей и неожиданно добавил:

— Потому что никогда не забывал.

От этих слов душа Маши вдруг воспарила.

— Я тоже не забывала, — тихо сказала она.

Разговор перешёл на воспоминания. Стали всплывать в памяти какие-то смешные случаи из их школьной жизни. Причём, оказалось, что эпизоды, ярко запомнившиеся одному, совершенно стерлись в памяти другого и наоборот. И только одно событие они обходили стороной — своё расставание. Ту свою глупую роковую ошибку, которую они совершили по молодости, не зная ещё, как надолго судьба разведёт их. Но пусть эта история останется их тайной. Не будем лезть не в своё дело. Да и рассказ наш, вообще-то, совершенно о другом.

— А помнишь, как ты вдруг увлеклась астрономией? — вспоминал Сергей, с улыбкой разглядывая Машу. — Какие-то атласы звёздного неба покупала, в Галактарий ходила после уроков. А что, Машка, сумеешь теперь найти на небе, ну, хотя бы, Большую Медведицу или, скажем, Кассиопею?

— Конечно. Запросто.

— Тогда пошли. Из моей мансарды хорошо видны звёзды.

Они поднялись наверх. Сергей отдёрнул занавески. Эркер, которым заканчивалась комната в мансарде, делал её похожей на капитанский мостик и действительно давал хороший обзор. На бледнеющем небосводе ещё различались созвездия.

— Ну, Медведицу-то каждый дошкольник покажет, — рассудила Маша, — смотри лучше туда. Видишь там, над горизонтом ещё видно созвездие, похожее на дубль V. Это и есть Кассиопея, — закончила она гордо.

— Точно, — подтвердил Сергей. — А вот это что за яркая звезда такая?

— Где?

Сергей обхватил сзади руками голову Маши и, прижимая её к груди, повернулся вместе с ней туда, где на южной стороне неба яркая светящаяся точка над самым горизонтом затмевала все остальные звёзды.

— Так это же не звезда, а планета. Это Венера, — замирая, прошептала Маша, и сердце её снова забило.

— Венера? Не может быть! Впрочем, я так и предполагал.

И Сергей зарылся лицом в её волосы...

Мне кажется, что теперь-то мы здесь тоже лишние. Оставим, в конце концов, их наедине и вернёмся к нашим офорикам.

ВИЗИТ-ЭФФЕКТ

Всё когда-нибудь кончается. Закончилась и гроза. Спасатели выбрались из аэротакси. Лопасты вертолётки повисли, словно набрякшие от дождя. Было раннее утро субботнего дня. То там, то здесь начали подниматься в воздух переживавшие грозу вертолётки.

Вышел на связь Николай Николаевич. Он поинтересовался, как идут дела, предупредил, что в районе поиска бывают частые ураганные ветра и просил быть осторожными, не рисковать напрасно. Кроме того, он сообщил, что, просмотрев специальную научную литературу, выяснил, что, по предположениям учёных, последствия телепортации могут быть непредсказуемы для человека, обладающего не очень крепкой нервной системой. У переместившегося по телепортационному каналу могут возникнуть странные галлюцинации, сны наяву, частичная амнезия, иногда так называемое «дежавю» и другие временные расстройства психики. С очень, правда, малой степенью вероятности возможен даже летаргический сон.

— Имейте это в виду и отнеситесь к Марии Кузьминичне, когда её найдёте, бережно и с пониманием, — закончил он и пожелал успеха.

— Хватит болтаться, по коням! — скомандовал вертолётчик Володя и деловито принялся заводить свой транспорт.

Офорики расселись по местам. Несколько минут полёта — и они приземлились прямо в поле, неподалёку от дачного посёлка «Протон». Прошли, шлёпая по лужам, к участку Марии Кузьминичны. Как и ожидали, ворота были заперты, никаких признаков жизни. Расспросили соседа из дома напротив, который, не смотря на ранний час, одетый в тренировочный костюм и вязаную лыжную шапочку, уже копался в своём огороде. Нет, вчера никто Марию Кузьминичну не видел.

Между тем, стоило подкрепиться. Офорики расположились на лужайке на краю посёлка. Пока Богдан распаковывал Биосканиметр, Даша скорее расстелила на траве непромокаемую скатерть и собрала импровизированный стол, который сумела сервировать с такой изысканностью, что у всех потекли слюнки. По-другому она просто не умела.

— Ух ты! Земляничкой пахнет, — удивлённо повёл носом Денис.

Даша загадочно промолчала.

Перекусив, офорики стали наблюдать за действиями Богдана, который занялся монтажом прибора. Биосканиметр размещался на двухступенной поворотной платформе, вращающейся по азимуту и по высоте. Приёмное устройство его было оснащено лазерным дальномером.

— Сейчас мы просканируем пространство вокруг на разной дальности, — объяснял Богдан, снимая защитную крышку с приёмного устройства. — Если получим искомое изображение максимальной чёткости, определим точное направление и расстояние. И — всё, ваша Мария Кузьминична у нас в руках. Вот так. Всё очень просто. Включаем, — и экспериментатор повернул тумблер.

Все взгляды устремились на экран, но он оставался тёмным и безжизненным. Богдан нахмурился.

— Визит-эффект, — объяснил он свою неудачу и повторил действия с прибором.

Результат был тот же.

— Может ключ разводной дать? — предложил аэротаксист Володя, чтобы что-нибудь сказать.

Антон только хмыкнул и принялся полировать ногти. Богдан открыл технологический лючок на боковой стенке прибора и подсоединил тестер. Лицо будущего нобелевского лауреата вдруг покрылось красными пятнами.

— Богдан, не волнуйся, — попытался подбодрить его командор Денис. — Соберись. Всё должно получиться. Ведь работал он только что.

— Аккумулятор сел из-за грозы, — в отчаянии признался Богдан.

— Так подзаряди его.

Богдан поднял на Дениса печальные виноватые глаза:

— Я зарядное устройство оставил в Институте, в своей комнате, на кофейном столике. Я как раз кофе пил, когда вы ввалились. Думал, оно не пригодится...

— Финита ля комедия, — скучно прокомментировал ситуацию слесарь-интеллектуал, пряча в карман пилочку.

— Володя, у тебя есть зарядка? — спросил Денис. — Сейчас от бортовой сети подзарядимся.

— Конечно, — радостно отозвался вертолётчик, и вытащил откуда-то из-под скамейки зарядку с болтающимся на кабеле разъёмом такой величины, что им можно было запросто убить мамонта.

— Я для своего прибора нестандартное зарядное устройство сделал, — огорчённо сказал Богдан. — Разъёмчик миниатюрный, с секретом. На всякий случай, для защиты.

— А чего, давай сгоняем за ним обратно в Институт, — снова обрадовался Володя, почувствовав, наконец, свою значимость в общем деле. Часа за полтора обернёмся. Мне только заправиться надо по дороге, в Люберцах-3. Там очередей почти никогда не бывает.

— Сразу три часа клади, — мрачно поправил вертолётчика Антон. — Над Люберцами поди тоже виражи над крышами делать будешь. Для приветствия, — добавил он с ехидцей.

— Не, у меня в Люберцах никого нет, — простодушно отозвался аэро-

таксист. — Вот девушка со мной может полететь для компании, — и он с надеждой посмотрел на Дашу

Вообще любвеобильный Володя всё время беспардонно пытался привлечь к себе внимание Даши. Она держалась с ним ровно и вежливо, но было видно, что эти ухаживания не доставляют ей удовольствия. Наконец, Антон не выдержал. Он отозвал Володю в сторонку и настоятельно посоветовал ему держаться от Даши подальше.

Золотые руки Антона в случае необходимости складывались в кулаки довольно внушительных размеров. Оценив это обстоятельство, Володя сразу легко согласился с предложением Антона и незамедлительно принялся поочерёдно названивать по видеосоту то Люсе в Овражки, то какой-то Насте в Кривандино и рассказывать о своём участии в одной секретной спецоперации.

ФУНТИК ВЫЗЫВАЕТ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Денису пришлось выходить на связь со штабом.

— Срочно нужно зарядное устройство. Оно в комнате Богдана на кофейном столике. Пусть кто-нибудь из вас возьмёт его и телепортируется к нам.

Гриша хотел послать Сеню за зарядкой в комнату Богдана, но сделать это оказалось невозможно. Они сделали несколько попыток выйти в коридор, но каждый раз Джильда принимала угрожающую стойку и рычала на братьев.

Помощь пришла, откуда её совсем не ждали. Из коридора по-хозяйски заглянул в комнату любимец отдела Фунтик. Для кота оказалось полной неожиданностью, что на собственной территории он будет встречен грозным рычанием неизвестно откуда взявшейся огромной псины. Шерсть у него мгновенно встала дыбом. Он метнулся обратно в коридор, истошно мяукая, преследуемый Джильдой, которая пришла в такое сильное возбуждение, что решила даже оставить свой пост. Сеня воспользовался суматохой и выскользнул из комнаты.

Гриша принялся подстраивать телепортал. Когда всё было готово, и Сеня вернулся с зарядным устройством, ситуация стабилизировалась. Фунтик укрылся в безопасном месте, а отважная Джильда заняла прежнее место у дверей. Она беспрепятственно пропустила в комнату Сеню, но сразу дала понять, что обратно он не выйдет.

«Хорошо ещё, что собаки пока не научились бегать по телепортационным тоннелям», — подумал Сеня.

Гриша тем временем напутствовал брата:

— Запомни хорошенько широту и долготу и не перепутай их, а то очутишься чёрте где. Потом самого придётся объявлять в розыск.

Сеня уселся перед телепорталом, что-то беззвучно прошептал, видимо, прося поддержки Высших сил, и сосредоточился на координатах. Но дело почему-то не пошло. Высшие силы, похоже, в этот момент были заняты созданием другого, более совершенного мира. Им было не до бесед с

Сеней. Телепортал приглашающе щёлкал, жужжал, но ничего не происходило. Сеня оставался сидеть на месте.

— Боюсь, что твой организм не пригоден для телепортации, — озабоченно предположил Гриша. — Слезай, приехали.

Братья поменялись местами, но установка по-прежнему не работала. Позвонили Николаю Николаевичу, рассказали о проблеме. Он расспросил о подробностях, немного подумал и сказал:

— Ваш телепортал не срабатывает, потому, что вы пытаетесь переместиться, держа в голове координаты. А установка ваша, судя по всему, реагирует на образное мышление, так как оно создаёт более сильное биополе. Ребята, вы ведь любите путешествовать. Посмотрите на карту и вспомните, не бывал ли кто-то из вас в тех местах. Если да, то сосредоточьтесь на той картине, которая осталась у вас в памяти, и телепортируйтесь.

Схватились за карту. И сразу же неслыханно повезло: буквально в двух шагах от дачного посёлка «Протон» находилась деревня Смолево. Они же здесь в детские годы однажды летом жили. Для них пол-избы сняли в деревне, чтобы свежим воздухом дышали и козье молоко пили. Вот ведь удача! Правда, Грише деревня почти не запомнилась, он все каникулы за компьютером просидел, а Сеня с мальчишками в футбол гонял. Значит, Сене и отправляться в путь.

Он сел под телепортал, прижал к груди зарядку и сосредоточился на детских воспоминаниях, которые неожиданно яркой вспышкой пронзили его сознание. Гриша включил тумблер, и Сеня почувствовал лёгкую пустоту под ложечкой, уходящий из-под ног пол, всё вокруг завертелось и потемнело.

ДВОЕ В ЭПИЦЕНТРЕ ГРОЗЫ

Под утро Маша и Сергей проснулись и обнаружили себя лежащими в объятиях друг друга. Это их удивило и растрогало. Но не успели они погрузиться в свою радость, как сверкнула молния в полнеба, страшный удар грома обрушился на их убежище, яростный ветер распахнул окна капитанской каюты и начал рвать занавески. Вскочили, бросились закрывать окна, но тут сплошной стеной хлынул косой дождь, причём, изо всех окон, и справа, и слева, он лил внутрь комнаты: на дощатый пол, на их босые ноги. Створки оконных рам вырывались из рук и хлопали, мокрые занавески хлестали по лицу. Казалось, что дача попала прямо в эпицентр разбушевавшейся стихии. Наконец, справившись с щеколдами и укрывшись от ураганного ветра, который продолжал рваться в их пристанище, Маша и Сергей, довольные, со смехом снова повалились на кровать.

Дождь вовсю лупил по стёклам, и им представлялось, что они и в самом деле плывут на корабле посреди бушующего океана в девятибальный шторм.

— Почему твоя комната похожа на каюту корабля? — спросила Маша.

— Говорят, что кто-то из моих предков был моряком, а может быть, и не был, но мой прадед захотел сделать себе такую каюту на даче. С тех пор дача не раз перестраивалась, но эту комнату никто не трогал. Теперь, когда дом

достался мне, я назвал её капитанским мостиком и тоже решил сохранить всё в первозданном виде. Мне здесь хорошо.

— Мне тоже здесь хорошо, — призналась Маша.

Они то засыпали, то снова просыпались. Гроза понемногу стихала.

Сергей спал чутко, сразу открывая глаза от каждого движения Маши. А ей хотелось смотреть и смотреть на него. Когда-то в юности у неё сложились две стихотворные строчки:

*Мне никогда не понять до конца
Тайну щемящего душу лица.*

Так эта тайна и осталась для неё неразгаданной. Маша не раз пыталась сочинить дальше, чтобы получилось полноценное стихотворение, но ничего не выходило. Всё, что она прибавляла к этим строчкам, было фальшиво. Видимо, ими и было всё сказано. И добавить больше нечего.

Вот и теперь, разглядывая лицо Сергея, она чувствовала то же самое. Какая же она всё-таки счастливая! За то, что у неё есть сейчас, можно заплатить любую цену. Любую! Ей вдруг стало безумно жалко всех, кому не выпало в жизни такого счастья. И себя, прежнюю, стало жалко. А ведь не случилось бы с ней такого удивительного происшествия, так и прожила бы всю оставшуюся жизнь в чёрно-белом цвете, как жила все эти годы.

Милые офорики! Какой подарок они сделали ей ко дню рождения! Нет, пожалуй, это просто подарок судьбы. Но она его заслужила. Она слишком долго ждала. Вернусь, приглашу всех к себе в гости, и Серёжу, конечно, в первую очередь. Угошу всех своим тортом, шампанским... Пусть всем-всем будет хорошо. Пусть все будут счастливы.

С такими обрывками светлых мыслей Маша, улыбаясь, уплыла в сон.

Проснувшись поутру, она, не открывая глаз, принялась снова переживать произошедшее. И вдруг испугалась: а не приснилось ли ей это? — «Но какой хороший сон! Хоть бы он продлился ещё немного», — подумала Маша.

Она зажмурилась и изо всех сил старалась удержать тонкую ускользящую ниточку своего сновидения, приказывая себе: не просыпаться, не просыпаться.

Она и раньше часто видела Сергея во сне, но события минувшей ночи казались настолько яркими и реальными, что она продолжала находиться под впечатлением пережитого, хотя в душе уже поднималась горечь разочарования от того, что всё случившееся может оказаться неким фантомом, последствием перемещения в пространстве?

И тут снизу послышались шаги. Кто-то поднимался по скрипучей лестнице в мансарду. Сердце её снова тревожно и учащённо забилося.

ОПАСНА И ТРУДНА СЛУЖБА БЛЮСТИТЕЛЕЙ ПОРЯДКА

После отбытия Сени в телепортационное путешествие, Гриша решил вскипятить себе чайку, но попить ему не удалось.

Как раз в это время внизу, у входа в Институт, снова возникли фигуры полицейеров. Вахтёр с удивлением узнал в них тех двоих, что уже вошли несколько часов назад, только теперь они были без собаки.

Вахтёр готов был поклясться, что они не выходили. Поискал глазами корешки пропусков. Не нашёл. Значит, задремал и не заметил. Надо же, старею! Как неприятно. Расстроенный этой мыслью, он беспрепятственно пропустил блюстителей правопорядка, даже не спросив у них документы.

Когда сыщики снова вошли в лабораторию, Джильда вскочила на лапы и коротко гавкнула, словно сдавая пост. Гриша заметил, что оба капитана были немного под градусом. Вид у них был чуточку смущённый. Они только что получили нагоняй от шефа, который не мог им дозвониться, так как средства мобильной связи внезапно вышли из строя, но каким-то образом всё же вычислил дислокацию своих подчинённых и самолично встретил их на выходе из «Трёх Толстяков».

Оперативники пытались, конечно, оправдаться тем, что покинули место происшествия под влиянием какого-то внешнего воздействия, но факт оставался фактом: ушли в пивную, не закончив осмотр помещения, не подписав протокол, оставив без присмотра собаку.

Возвратившись в лабораторию, незадачливые полицейеры чувствовали себя немного не в своей тарелке, но, тем не менее, закончили необходимые формальности. Пока Пилипенко нетвёрдой рукой дописывал протокол, а Гриша ставил под ним свою размашистую подпись, Седых потихоньку вынул из кармана дозиметр и осторожно приблизился к лабораторной комнате. Фон был в пределах нормы. Сунул прибор под дегравитатор — то же самое. Затем он по телефону доложил шефу о результатах следственных действий.

Тут же они получили и следующее задание: лететь к чёрту на рога на дачу потерпевшей и продолжить расследование на месте.

Служебный вертолёт приземлился в уже знакомом нам дачном кооперативе «Протон». Утро давно перетекло в день. Возле ворот участка Марии Кузьминичны было натоптано, но сами ворота оказались запертыми на замок, и около дома никого.

Сыщики сняли отпечатки пальцев с замка и сфотографировали следы на мокром после дождя песке.

За их действиями внимательно наблюдал сквозь просветы живой изгороди пожилой седобородый сосед в лыжной шапочке из дачи напротив. Через некоторое время скрипнула калитка, садовод вышел на улицу и сделал заявление, что хочет дать показания.

Из его рассказа следовало, что Мария Кузьминична ни вчера, ни сегодня на дачу не приезжала. Зато сегодня рано утром появилась компания из четырёх человек, тоже очень интересовавшихся ею.

Старикан полез в карман тренировочных штанов и достал вчетверо сложенную бумажку, с какими-то своими заметками. Послюнив пальцы, он развернул её и, многозначительно кашлянув, дал подробнейшее описание внешности утренних гостей:

«Один, высокого роста, молодой. Второй — в очках. Третий, одет не по

дачному: белая рубашка, начищенная обувь. Наконец, четвёртой в команде была стройная миловидная девушка небольшого росточка с огромными серыми глазами, длиннющими ресницами, вьющимися каштановыми волосами, красивыми ножками и приятным нежным голоском».

Сыщики поблагодарили наблюдательного садовода за бдительность, взяли его записи и приобщили к «Делу». Затем Седых дал собаке обнюхать землю около ворот участка, и скомандовал «след». Неутомимая Джильда потащила за собой спотыкающегося кинолога к краю посёлка. Пилипенко последовал за ними.

ВСЁ ПОШЛО НАПЕКОСЯК

Телепортировавшись, Сеня очнулся на асфальтированной дороге перед впечатляющим взор коттеджем, выстроенным в немного уже устаревшем тяжеловесном и монументальном стиле «новорюс». Немного кружилась голова, и чувствовалось слабое покалывание в конечностях. Сеня с трудом поднялся на ноги и осмотрелся.

За четверть века места изменяются до неузнаваемости. Справа от коттеджа стоял покосившейся дом, на заднем дворе которого росла малина. Сеня вспомнил, как мальчишками они тайком паслись в чужом малиннике. Слева зеленела нежными майскими листочками молодая берёзовая роща. Видимо, здесь прежде и было их футбольное поле. Только на месте избы, в которой они тогда провели лето, как раз и стоял чей-то коттедж. Исчезновение футбольного поля огорчило Сеню. У него внезапно возникло острое желание погонять мяч.

— Это деревня Смолево? — обратился Сеня, подняв голову, к очень пожилой женщине лет пятидесяти пяти, осторожно передвигающейся на стареньком обшарпанном флайке в метре от земли. Голос его вдруг неожиданно для него самого прозвучал звонко, по-мальчишески.

— Смолево, — подтвердила она, притормаживая, и опускаясь на землю. — А кто нужен-то, мальчик?

— Мальчик? — удивлённо переспросил Сеня ломким юношеским баском.

Женщина посмотрела на него, близоруко прищурившись, и поправилась:

— Извините, молодой человек.

— Тут рядом дачный посёлок должен быть. «Протон» называется, — уточнил Сеня уже нормальным собственным голосом.

— Нету такого, — озабоченно покачала головой женщина. — Коровино тут есть, Язвищи, Давыдово, а «Протона» нет, не слыхала даже.

Сеня сверил координаты. Что за чёрт! Выходило, что он очутился в сорока километрах от того места, куда намеревался попасть. Да та ли это деревня? Видно, с их установкой что-то неладно. Эх!

Сеня растерялся. Он позвонил по видеосоту Грише, сообщил о задаче. Гриша снова пробежал глазами по карте и схватился за голову. Так и есть. Деревень с названием Смолево оказалось в этом районе две. В одной про-

вели наши изобретатели летние каникулы однажды в счастливую пору детства. Там сейчас и бродит его брат Сеня. А в сорока километрах в стороне, возле другого Смолево терпит бедствие Мария Кузьминична, и напрасно ждут подкрепления офорики, вылетевшие ей на помощь.

И тут Гриша, борец за красоту и чистоту родного языка, замысловато и непристойно выругался. Благо, что в комнате, кроме него, никого не было. Потом он позвонил Денису и распорядился отправить вертолётчика за Сеней.

Володя с энтузиазмом принялся заводить своё аэротакси.

— Так, с вами, господа учёные, всё ясно, — проворчал Антон своим занудным голосом.

Слесарь-интеллектуал заглянул в лючок биосканиметра, потом вскинул на плечо сумку и отправился в сторону большой свалки, видневшейся вдалеке на склоне оврага.

Свалки, свалки... Десятилетия пролетают над планетой, меняется климат, меняется общественный строй, меняются этносы, а свалки как существовали, так и существуют. Но зато человек творческий и любознательный может отыскать там уникальные вещи.

Через некоторое время Антон вернулся с добычей. Из кармана кремовых брюк, ничуть не пострадавших от посещения столь неприглядного места, он достал какую-то штуку. С полчаса приблизительно, отвернувшись от всех, мастер молчаливо колдовал над своей находкой, пока она в его руках не превратилась в миниатюрный разъёмчик. Затем Антон подобно факиру извлёк из другого кармана что-то, похожее на крошечную электронную книжицу. Он ловко развернул её, и все увидели, что это — солнечная батарея.

Антон разложил её на траве, подсоединил через самодельный разъём к Биосканиметру. После ночной грозы весеннее солнце сияло ярко. Под его лучами батарея быстренько стала накапливать энергию и делиться ею с прибором. Всё сразу срослось. Биосканиметр заработал.

Счастливые офорики огласили лес победным боевым кличем и исполнили что-то вроде ритуальной пляски первобытных людей. Затем они уселись полукругом возле прибора и затихли.

Богдан молча крутил ручки поворота по азимуту и настраивал дальномер. На экране Биосканиметра возникали, сменяя друг друга, различные изображения. Это были биополя случайных, ничего не подозревавших прохожих, попавших в поле зрения прибора. Не было только знакомого штакетника Марии Кузьминичны.

Офорики всё с меньшей надеждой поглядывали на экран

— А может быть, Марии Кузьминичны уже нет... — вдруг сказала Даша, и её губы задрожали.

— Есть! — воскликнул Богдан.

Действительно! Вот оно! Появилось-таки то самое пикообразное изображение! Пики и впадины, так напугавшие Дашу при включении прибора по дороге, правда, немного сгладились, смягчились, но это уже не был прежний, мартовский, унылый и скучный забор из штакетника. Что-то неуволимо новое появилось в нём. Значит, жива пропавшая и ожидает помощи.

Поисковая бригада не спала уже больше полутора суток. Но офорики не привыкли бросать товарищей в беде. Мгновенно слетела с них сонливость. Быстро собрались. Денис предложил мужчинам отправиться на поиски, а Даше остаться в аэротакси и подремать там во время полёта за Сеней. Антону эта идея крайне не понравилась, а Даша вообще расценила предложение Дениса как дискриминацию по половому признаку, первой надела на голову защитный шлем и оседлала свой изящный никелированный флайк.

Володя помахал рукой из кабины аэротакси, лопасти начали вращаться, и вскоре тарахтящий вертолёт скрылся за ближайшим леском.

На траве под кустиком осталась спрятанной непромокаемая сумка с остатками еды.

Спасатели взлетели и устремились в направлении, определённом прибором. Благодаря блестящим на солнце шлемам четвёрку флайкеров, летящих над землёй, можно было принять за неопознанные космические объекты.

Через пару минут офорики приземлились в небольшом дачном посёлке перед красивой дачей очень старой постройки. Для проверки включили прибор. Что за напасть? Биополе Марии Кузьминичны исчезло. Начали вращать по азимуту и снова нашли, но только изображение быстро перемещалось куда-то к краю экрана, бледнело, а вскоре и вовсе пропало. Источник поля скрылся в восточном направлении. Именно оттуда и донёлся звук удаляющегося автомобиля.

— Увезли! — ахнула Даша.

К ВОПРОСУ О ПОЛЬЗЕ ТЕЛЕПОРТАЦИИ

Но вернёмся к первому в истории человечества испытателю телепортации на дальние расстояния.

И так, чьи-то шаги послышались на лестнице.

Заскрипели верхние ступеньки, и кто-то взялся за ручку двери. Дверь бесшумно отворилась, пахло свежесваренным кофе, и вошёл Сергей с овальным подносом, на котором стояли две маленькие старинные кофейные чашечки, совершенно удивительные, Ленинградского ещё фарфора, розовая и зелёная, и вовсе уже антикварный молочник с надписью «Крепи колхоз» и изображением женщины в красной косынке.

— Доброе утро, — улыбнулся Сергей и поставил поднос на тумбочку перед кроватью, а сам сел рядом на пол, устланный ковром, и снизу вверх заглянул ей в глаза. — Почему опять такое испуганное лицо? Что-нибудь приснилось?

Над чашечками вился нежный белый дымок испаряющегося кофе.

Сердце Маши снова наполнилось ликованием. Нет, конечно же, это не сон, не фантом, не другая реальность! Всё происходит в действительности!

Не спеша, выпили по чашечке, наслаждаясь чудесным его вкусом и ароматом, и снова потянулись друг к другу, словно навёрстывая упущенные годы. Только к середине дня Сергей вдруг вспомнил, что он ещё не показал Маше свой сад.

Они спустились вниз и распахнули дверь террасы. Солнце стояло уже высоко. Потеплело. От ночной грозы не осталось и следа. На крылечке стояло ведро, в котором плавали полдюжины плотвичек и несколько окуней. Ведро прижимало к земле записку.

«Ребята, к сожалению, я вынужден срочно вернуться в город по неотложным делам. Это мой улов. Распорядитесь им по своему усмотрению. Павел».

— Всё же у тебя необыкновенный друг, — снова восхитилась Маша.

— У меня всё необыкновенное, — подтвердил Сергей, обняв её сзади и поцеловав в макушку. — А сейчас мы будем готовить необыкновенную уху.

— Я не умею, — призналась Маша. — Тебе ничего и не надо уметь, — успокоил её Сергей. — Сегодня я всё сделаю сам. А ты гуляй по саду и наслаждайся жизнью. А потом мы сядем за стол под соснами, и я угощу тебя ухой. — И он начал растапливать маленькую чугунную печку.

Маша с интересом рассматривала дом. Он был настоящий, деревянный, рубленый, увитый ещё не распустившейся виноградной лозой, которая тянулась по стене до самой красной крыши.

— Скажи, а где мы находимся? — спросила она вдруг. — Вчера я так быстро перемещалась в пространстве, что не успела запомнить дорогу.

— Сороковой километр Ново-Егорьевского шоссе. Рядом платформа «Светлая».

— Так не бывает, — покачала головой Маша. — А знаешь, где у меня дача? Ни за что не догадаешься. Совсем рядом: в «Протоне».

— Что я слышу?! Ты живёшь в притоне?! — притворно ужаснулся Сергей. — Я так и думал! Машка! Я же всегда говорил тебе, что надо быть осмотрительнее.

— Нет, ты всё же не исправим, — засмеялась Маша. — Подумай лучше, сколько лет мы жили по соседству, нас разделяла только железная дорога. И мы с тобой ни разу, ну вот совсем ни разу не встретились. И, может быть, никогда бы и не встретились, если бы не телепортация.

— Но встретились же. А я... да, я не исправим. И с этим ничего не поделаешь. Ты даже не пытайся меня исправить. Машка, а почему тебя раньше не телепортировали?

Маша не ответила, погрузившись в свои мысли.

— Мне очень нравится твой дом под красной крышей. Осенью, наверное, тоже красиво, когда краснеют виноградные листья.

— Так в чём дело? Оставайся здесь навсегда, — тихо и просто сказал Сергей.

— Я подумаю, — ответила Маша.

— Подумай, только, пожалуйста, не очень долго.

А потом они ели уху, которая действительно получилась гениально: золотистая и ароматная. И сосны золотились в солнечных лучах. И весь мир вокруг был прозрачным и прекрасным, как в юности. Пахло просыпающейся землей. От искусственного водоёма доносился громкий весенний лягушачий хор. Он казался Маше чарующей музыкой.

После обеда Сергей сказал, что им надо срочно поехать и купить Маше

новую одежду, раз у неё всё пропало при телепортации. И они покатили по извилистой живописной дороге в загородный Дом Моды, где Сергей выбрал для Маши умопомрачительные вещи.

Симпатичные продавщицы все, как одна, пристально разглядывали странную парочку: высокого интересного блондина под руку с немного смущённой женщиной, одетой в мужские спортивные брюки и толстый свитер до колен.

Снимая для неё по требованию мужчины с вешалок всё самое лучшее и дорогое, они улыбались и, заворачивая покупки, желали счастья.

Сначала Маша думала, что добрые пожелания произносятся ими по долгу службы. Но вдруг поняла, что улыбки были искренними. Просто они с Сергеем олицетворяли возможность исполнения несбывшихся желаний.

Вернувшись, Маша и Сергей почувствовали, что ужасно соскучились друг по другу, снова поднялись в капитанскую каюту и пробыли там, пока за окнами не начало смеркаться. Потом, в сумерках они сидели на крыльечке, прислонясь друг к другу, и смотрели, как бегут вдали жёлтые огоньки электричек.

ОФОРИКИ, КАЖЕТСЯ, ДОИГРАЛИСЬ

А пока наши влюблённые, отражаясь в бесчисленных зеркалах, опустошали Дом Моды, бригада спасателей, облетела с приборчиком все окрестности «Протона» и вернулась ни с чем.

Опечаленные сидели они около Биосканиметра и уже не питали никаких надежд на благополучный исход поисков. Только Богдан продолжал упорно крутить ручки своего прибора. Но детище его что-то снова загапризначило, забахлило.

И вдруг на экране начало твориться нечто невообразимое. Богдан впился взглядом в изображение более чем странного биополя. Тревожное чувство охватило и офорики. Они теснее сплотились вокруг Богдана, ожидая, что он скажет. Наконец, будущий нобелевский лауреат оторвал взгляд от экрана, посмотрел на друзей и глухо произнёс:

— Это не человеческое биополе.

— Пришельцы? — ахнула Даша.

— Может быть, может быть... У *Homo sapiens* совершенно другая форма сигнала.

Денис тоже внимательно разглядывал изображение. Потом он задумался вслух:

— Нельзя полностью исключить версию похищения Марии Кузьминичны инопланетянами. О таких случаях в последнее время опять стали много писать. Чёрт его знает, что там творится в этих телепортационных каналах.

— А вдруг это реинкарнация Марии Кузьминичны в какое-нибудь другое существо? — предположила фантазёрка Даша.

Между тем, изображение становилось всё чётче и ярче. На его фоне стали заметны и ещё два биополя. Но эти, похоже, всё-таки принадлежали одному из подвидов *Homo sapiens*. Интересное кино.

Раздался нарастающий шум. Впрочем, донёсся он не из прибора, а со стороны садоводческого товарищества, и ещё через минуту из-за угла крайней дачки стремительно выскочила огромная овчарка. Она увлекала за собой пожилого капитана в синем форменном кителе, крепко держащего поводок. Капитан раскраснелся, по лицу струился пот. Свободной рукой он придерживал на голове фуражку. Следом за ними бежал второй полицейский, помоложе, с папкой документов подмышкой. Мчались они напрямик в сторону компании спасателей. Прибор зашкалило.

Подбежав, оперативники остановились и отдышались. Затем Пилипенко вытащил из папки бумажку с описанием внешности утренних визитёров и протянул её товарищу. Седых внимательно сличил словесные портреты с личностями, расположившимися вокруг костра, особенно долго задержавшись взглядом на Даше, и радостно воскликнул:

— Вот те на! Вся компания в сборе! Приятная неожиданность. Попрошу предъявить документы. Так-так-так. И чем же мы тут занимаемся?

— Пикничок, — лениво отозвался Антон.

Но капитан Седых был не из тех, кого легко провести.

— А с вами, молодой человек, мы отдельно побеседуем, — сказал он с тихой угрозой.

Джилльда отрывисто гавкнула.

Пожилого капитана почему-то раздражала белоснежная рубашка и начищенная обувь наглеца. Сам он изрядно изгваздался, пробежав по мокрой траве и дороге, раскисшей после дождя.

Даша, чтобы разрядить начавшую, было, накаляться обстановку, пригласила блюстителей порядка к столу. Немного помявшись, они приняли приглашение. Когда первый голод был утолён, проницательный Седых сказал, прищурившись:

— Однако на вашем пикничке кое-кого не хватает, — он вынул из кармана фотографию Марии Кузьминичны и с усмешкой показал её офорикам.

Спасателей охватило смятение. Им нечего было сказать дотошному сыщику. Не рассказывать же, в самом деле, про злополучный день рождения, про телепортал и про нечаянное исчезновение именинницы. Всё равно никто не поверит. Попытались ограничиться полуправдой.

— Мы как раз и прилетели сюда, чтобы разыскать Марию Кузьминичну. Это наша сотрудница, — сказал Денис.

— Сотрудница, которая, как я понимаю, уже почти целые сутки едет с работы на дачу, — снова прищурился оперативник.

— На дорогах пробки. Плохо работает автоинспекция, — заметил Антон. Ему почему-то хотелось позлить оперативника.

Седых пропустил замечание Антона мимо ушей и продолжил:

— Итак, она всё едет и едет на дачу, а вы её тут всё ищете и ищете. Пикничок заодно организовали. Молодцы! Ничего не скажешь. Так что, будем продолжать сочинять сказки? Или честно всё расскажем?

Денис старался держаться ровно и миролюбиво:

— Да, она не доехала, и мы беспокоимся. С ней могло что-то случиться.

— А не случилось ли с ней что-нибудь там, на работе? — вкрадчиво поинтересовался капитан Седых, подняв бровь. — А сюда вы приехали,

чтобы, значит, концы в воду? — И он забарабанил пальцами по папке с документами.

Пилипенко восхитился пронизательностью своего коллеги.

— Может быть, осмотрим кусты, — шепнул он.

Седых сделал ему жест рукой, мол, погоди, всему своё время. Он выдержал паузу, наблюдая за реакцией молодёжи.

— Вы нас подозреваете? — спросила Даша дрогнувшим голосом.

Седых не ответил. Он переводил взгляд с одного на другого и выжидающе молчал.

— Ну, это просто чушь какая-то, — воскликнул Денис.

— Чушь не чушь, а алиби-то у вас нет, — усмехнулся капитан.

Офорики растерялись. Один только Богдан, не участвовал в общем разговоре, а продолжал увлечённо крутить ручки Биосканиметра. Полиционеры тихо посоветовались, и Пилипенко отправился осматривать кусты.

— Труп ищет, — громко прокомментировал его уход Антон, шлифуя пилочкой ногти.

«Дешёвый пижон, — мысленно обозвал его Седых. — Ладно, поговори, поговори у меня ещё».

— Кстати, что это у вас за свёрточек? — неожиданно повернулся он к Даше.

— Это одежда Марии Кузьминичны, — ответила прямодушная Даша.

— Вот как? Она что же, извиняюсь, нагишом на дачу уехала? — ехидно спроси сыщик. — Что-то у вас, девушка, концы с концами не сходятся.

Даша растерялась и покраснела.

— Дайте-ка сюда, — потребовал Седых. Он взял из её рук свёрток и обнаружил в нём летний сарафанчик. — Пилипенко! — окликнул он младшего товарища. — Иди сюда. У нас тут вещдок нарисовался.

Кинолог сунул под нос собаке сарафанчик и скомандовал: «след». Умница Джильда рванулась, но не к кустам, а в сторону железной дороги.

— Возьми у подозреваемых подписку о невыезде из страны, — успел крикнуть сыщик своему товарищу.

Увлекаемый Джильдой, он, спотыкаясь и поскользываясь, помчался по мокрому полю. Пилипенко, выполнив поручение, бросился вдогонку.

Уже к вечеру вертолётчик, наконец, доставил Сеню. Наохлившиеся офорики грелись у костерка, разведённого Денисом, подъедали приготовленное Дашей угощение и время от времени уже почти равнодушно поглядывали на экран. Сеня с жадностью посмотрел на остатки еды, и Даша поспешила сделать ему несколько больших аппетитных бутербродов.

— Что так долго? — строго спросил Денис.

Сеня ответил, только прожевав и проглотив последний кусок:

— Вертолёта ждал.

Аэротаксист немного смутился. Он выглядел сытым и умиротворённым:

— Да там до Кривандино рукой подать было. Я ненадолго заглянул. Девушка у меня там знакомая. Настя...

Ну что ты с ним будешь делать?

Но тут случилось такое, что про Володины похождения сразу забыли. Словно возникнув из воздуха, вдруг появился Гриша. Ему удалось перена-

ладить установку и самотелепортироваться. Конечно же он горел желанием скорей подключиться к поискам.

— А нас тут уже в преступники записали, — наперебой начали рассказывать офорики и поведали трагикомическую историю их встречи с блюстителями законности.

Гриша в свою очередь рассказал, как он хулиганским образом телепортировал полицейных, и показал всё это в лицах, чем чрезвычайно развеселил всю приунывшую, было, компанию. Представляя себе эту картину, Даша хохотала до слёз. Денис, тот вообще умел смеяться громко и заразительно. Взрывы смеха снова и снова доносились от угасающего костерка, возле которого коротали время офорики.

Даже вечно брюзжащий Антон и тот криво ухмыльнулся и пошутил:

— То-то я заметил, что у сыщиков с головкой не всё в порядке. Наверно, при телепортации ударились.

После этих слов все вдруг вспомнили про Марию Кузьминичну. Что-то сейчас творится в её голове? Ведь и у неё могли возникнуть серьёзные проблемы, связанные с телепортацией. Веселье быстро сошло на нет.

Между тем, Николай Николаевич снова вышел на связь со своей командой.

— Поставьте Биосканиметр в автоматический режим, и пусть кто-нибудь один дежурит. Всем остальным спать, — распорядился начальник. — А то от вас толку не будет. Первым дежурить взялся вновь прибывший Гриша. Сеня, конечно же, составил ему компанию.

ЭКСПЕРИМЕНТ ЗАКОНЧИЛСЯ НЕУДАЧЕЙ

На следующее утро Маша вдруг заспешила домой.

— Я хочу завтра вечером пригласить тебя в гости. Придёшь? Я испеку твой любимый торт. Ты помнишь торт деда Митяя?

Сергей кивнул и улыбнулся одними глазами.

— И ещё я познакомлю тебя с офориками, — пообещала Маша.

— Кто такие? — строго спросил Сергей.

— О! Это замечательные люди. Сам увидишь.

Час спустя машина Сергея уже увозила Машу в город.

А может быть, всё это ей только снилось.

Капитан Седых и капитан Пилипенко снова опоздали. Всю ночь бегали они зигзагами между двумя дачными посёлками. Собака то теряла след и начинала кружиться на месте, то снова находила его и опять теряла.

Запахавшиеся, оказались они утром следующего дня возле дачи старинной постройки. Видно было, что её только что покинули люди. Джильда обнюхала совсем свежие отпечатки шин, крутым изгибом врезавшиеся в песок. Бросилась, было, догонять уехавших, но уже в конце переулка окончательно потеряла след, и остановилась, виновато и растерянно гавкнув.

В это же самое время, потягиваясь, вышел из аэротакси Богдан. Он увидел, как возле включённого прибора дремлют Сеня и Гриша, прислонив-

шись друг к другу головами. Богдан привычно взглянул на своё детище. На экране Биосканиметра чётко, как никогда, красовалось знакомое пикообразное биополе. Богдан кинулся к прибору, на ходу будя спящих, и принялся крутить рукоятки. Изображение медленно поползло по экрану, бледнея и исчезая, как и в прошлый раз. На этот раз источник биополя перемещался в сторону города, на запад.

В спешке бросились к вертолёту. Володя завёл двигатель. Загрузились. Начали преследование, но на борту прибор работал нестабильно. Изображение сначала появилось несколько раз, но на него наслоилося столько помех, что даже будущий нобелевский лауреат ничего не смог поделывать. И вскоре долгожданный электромагнитный портрет окончательно пропал.

Николай Николаевич, постоянно находящийся на связи, распорядился прекратить эксперимент и всецело положиться на спецслужбы, которые уже вторые сутки занимаются розыском Марии Кузьминичны.

ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕЛЕПОРТАЦИИ

Прошла ровно неделя с тех пор, как начались все эти события. В понедельник утром 17-го мая офорики собрались на работе. Не было только Марии Кузьминичны. Все находились в подавленном настроении. Снова прибыл сотрудник уголовного розыска для очередного снятия показаний. На этот раз им оказался сам шеф, рослый широкоплечий майор с пронизательным взглядом и располагающим к себе лицом.

Пока майор располагался за столом со своими бумагами, Николай Николаевич, протирая очки, беседовал со своим маленьким коллективом.

— Вот такие дела, ребята, — сокрушённо говорил он сидящим перед ним подчинённым. — Мы совершаем поступки, желая сделать доброе дело, но никогда не знаем, какими последствиям обернутся наши с вами действия. А ведь мы — футурологи-практики. В отличие от футурологов-теоретиков не прогнозируем, а моделируем будущее. Казалось бы, обязаны досконально просчитать и учесть все приводящие факторы. А не просчитали. А не додумали. И прокололись. Впрочем, жизнь показывает, что и невозможно всё просчитать.

— Что же, по-вашему лучше вообще ничего не делать? — задиристо спросил Гриша.

— Отнюдь. Ничего не делать — это тоже поступок. Совестьный человек будет мучиться и оттого, что он мог что-то сделать, но не сделал.

— Так как же тогда быть? — спросил Денис.

— И вообще быть или не быть, — тихо пробурчал себе под нос слесарь-интеллектуал.

— Ой! — вскрикнула вдруг Даша, которая сидела лицом к двери.

Все подумали, что её вдруг начали мучить какие-то одной ей ведомые угрызения совести, но потом обернулись и посмотрели по направлению её взгляда.

В дверях стояла женщина. Глаза её сияли молодым блеском. Она улыба-

лась чему-то своему. Она была красива. На ней был новый изящный плащ, который её очень стройнил, и туфли на высоких каблуках. Причёска её удивительно шла ей. Женщина выглядела абсолютно счастливой. Ошеломлённые офорики разглядывали её с немым восхищением.

Маше было приятно восторженное внимание коллег. От улыбки вокруг её глаз разбежались приветливые лучики небольших морщинок. Она с непринуждённой грацией скинула плащик и повесила его в шкаф, а потом лёгкой походкой прошла к своему рабочему месту.

— Всем привет, — сказала она. — С меня причитается.

Офорики повскакивали со своих мест и радостно окружили вошедшую.

— Я вижу, что вы чем-то удивлены, — лукаво заметила Маша. — У нас что-то случилось? Да, кстати, сегодня после работы приглашаю всех в гости. Будет, конечно же, торт деда Митяя и шампанское.

— А повод? — спросил кто-то.

— Есть и повод, — загадочно улыбнулась Маша. — Но об этом вы узнаете вечером, а пока что займёмся своими делами.

Майор уголовного розыска за свою жизнь раскрыл немало преступлений и ещё больше предотвратил. Он сразу понял, что криминала здесь нет, однако разработки, ведущиеся в отделе футурологических опытов, представляют несомненный интерес для ведомства, в котором он служил. Выполнив обязательные формальности, он проверил у вновь прибывшей документы, подписал у Николая Николаевича какой-то протокол и покинул помещение.

Офорикам не терпелось узнать, что же всё-таки произошло с их коллегой после её исчезновения из лабораторной комнаты, но Маша отмалчивалась и на расспросы только отвечала: потом, потом, вечером... Николай Николаевич поручил всем участникам событий сообща написать отчёт об объективных и субъективных аспектах телепортации. Этим все и занялись.

Создатели научной и технической базы эксперимента дали описание устройства и алгоритм программы. Все, кто, так или иначе, подвергся телепортации, поделились своими ощущениями. В конце дня Маша отправилась к начальнику с кратким отчётом, плодом совместного труда их коллектива.

Но дверь из комнаты в коридор почему-то не открывалась. Маша повертела ручку и налегла на дверь: кто-то сильно напирал снаружи. Из коридора доносились взволнованные голоса.

Маша снова налегла на дверь плечом и, сумев, наконец, преодолеть сопротивление, пробилась в коридор, где толпились взбудораженные женщины. В суете на неё не обратили внимания. Она удивилась немного, протиснулась сквозь толпу и прошла к кабинету Николая Николаевича. Начальник с нетерпением ждал отчёта и тут же с головой углубился в него, вникая в хронологию событий. Время от времени он задавал вопросы. Просидели они больше часа. Николай Николаевич попросил уточнить в отчёте кое-какие моменты и вернул его на доработку.

Маша двинулась обратно и с удивлением обнаружила, что толпа женщин около дверей значительно увеличилась. Попыталась снова протис-

нуться между разгорячёнными телами, но не тут-то было. Кто-то преградил ей дорогу и, раскинув в стороны руки, потребовал назвать свой номер.

«Мы с утра стоим, у нас список, а она видите, только подошла и уже хочет вперёд пролезть! Не пускайте её!».

— Да что же здесь происходит, в конце концов? — громко спросила Маша, пытаясь перекричать взволнованные голоса. — Пропустите, я тут работаю!

Женщины обернулись, на мгновение притихли, отступили даже на полшага и стали пристально разглядывать Машу с головы до ног. По толпе прошёл тихий вздох, похожий на стон. Потом все заговорили разом:

— Мы на омоложение, — раздался чей-то хриплый прокуренный голос.

— Кто у вас там занимается телепортацией в молодость? — скороговоркой поинтересовался совсем юный звонкий голосок.

— Вот здесь у нас список, очерёдность, — деловито изрекла солидная дама из профкома.

— Два списка, — протянулась над головами чья-то рука со смятой бумажкой.

Тогда Маша, наконец, всё поняла, дружелюбно улыбнулась собравшимся и сказала:

— Дорогие мои! Оставьте себе ваши списки. К сожалению, никакая машина времени, никакая телепортация не способны вернуть нам наши ушедшие годы. А то, что произошло со мной, скорее всего можно назвать чудом. Конечно же, мы с вами все занимаемся наукой и в чудеса не верим. Но если такое случилось со мной, то в принципе может случиться и с любым. И вообще жизнь показывает, что самые невозможные, казалось бы, вещи происходят чаще, чем их можно было бы ожидать. Это какой-то удивительный, ещё не открытый закон природы. Поэтому не надо падать духом.

И, наконец, я просто уверена, что того, кто любит всем сердцем, чудо не обойдёт стороной.

Вечером все офорики собрались в квартире Маши.

— Знакомьтесь, Сергей, — представила она коллегам высокого блондина с худощавым лицом мягкой бородкой. Он оказался приветливым и дружелюбным. Помог Маше рассадить гостей, быстро со всеми сошёлся и сразу запомнил Машиных друзей по именам, что всегда бывает приятно.

С энтузиазмом принялись за «торт деда Митяя». Потом Сергей играл на гитаре и спел несколько песен собственного сочинения. К концу вечера всем уже казалось, что они знают друг друга всю жизнь.

Маша разливала чай, снова и снова рассказывая друзьям о своих приключениях.

— А вообще-то, милые мои товарищи, — пошутила она, закончив рассказ, — недоработочка у вас опять получилась. Телепортал-то меня только до половины пути подбросил, а дальше снова пришлось на попутке добираться. Никак не получается у нас решить транспортную проблему.

— Друзья, — сказал Сергей, вдруг сделавшись серьёзным, — и у меня к вам тоже есть претензии.

— Какие? — удивились офорики.

— Где же вы раньше-то были? Почему так затянули с изобретением телепортации?

Гриша усмехнулся:

— Я бы сказал, что это вы, мягко говоря, несколько затянули с выяснением своих отношений. А что касается телепортала, то он полностью оправдал наши ожидания, программа работает точно и безошибочно. Однако, обнаружилось, что в процессе телепортации возможно некоторое искривление траектории под воздействием посторонних мыслей в мозгу испытуемого.

Гриша повернулся к «испытуемой».

— Ведь что интересно: в Вашем мозгу видимо постоянно присутствовала мысль о своей первой любви. В момент телепортации она-то и отклонила вектор энцефалополя. Короче говоря, всё наслоилось одно на другое: Ваше желание попасть на дачу, и Ваша мечта всегда быть рядом с Сергеем. Вот и получилось, что его машина, которая как раз в момент телепортации оказалась на Вашем пути, увлекла Вас за собой. Кстати, произойди всё это минутой раньше или минутой позже, вы могли бы снова разминуться во времени и пространстве и, может быть, уже навсегда.

— Ты забыл ещё сказать об одной метаморфозе, которая происходит во время перемещения в пространстве, — добавил Сеня. — На какое-то время внешность испытуемого приобретает черты того, кем он себя представляет в момент телепортации. Строго говоря, испытуемый, временно становится тем, кем он себя ощущает. И чем ярче его фантазия, тем дольше сохраняется перевоплощение. В принципе оно может сохраниться навсегда.

— Это всё — лирика, — пряча улыбку, нравоучительно сказал Николай Николаевич. — Самое главное — то, что дегравитатор заработал, как надо. Придаст ему теперь Дашенька надлежащий вид, и хоть сразу на выставку. И тогда мы будем гладить себя по брюшку, а конкуренты — посыпать голову пеплом.

— Самое главное, что всё хорошо закончилось, — мягко подвела итог Даша.

А Сеня задумался:

— Вот Гриша сейчас всё разложил по полочкам. И вроде бы правильно, логично. Только скучно. А может быть, это просто судьба взяла и вмешалась. Ведь мы никогда не знаем, что она нам преподнесёт. На этот раз она просто взяла и восстановила справедливость.

И с ним все согласились.

И стреляли бутылки с пенным шампанским; и офорики поздравляли Машу и Сергея, желали им счастья, и уплетали восхитительный торт деда Митяя, и никто даже не подозревал, что совсем скоро их неразлучному коллективу предстояло распасться.

ЭПИЛОГ

Спустя всего три месяца Даша вышла замуж, но не за Сеню, и не за Антона и даже не за Богдана из отдела биохимистики, а за Дениса, который, как оказалось, во время своей работы над диссертацией тоже тайно вздыхал по ней.

Вскоре после свадьбы молодые получили предложение, от которого невозможно было отказаться: формировалась новая команда для отправки на Марс. Денис и Даша были приняты в состав экспедиции и на три года покинули Землю.

Транскосмический корабль «Арес-24» доставил их на исследовательскую станцию как раз к началу марсианской весны, когда на поверхности красной планеты «расцветают» гейзеры. Денис и Даша сразу же были мобилизованы вместе со всеми сотрудниками станции на сбор биологического материала гидротермальной системы Марса.

Огромный интерес представляли для биохимиков микроорганизмы группы Archaea, способные существовать в экстремальных условиях. На эти метаногены возлагались большие надежды по синтезу лекарственных препаратов нового поколения в условиях Марсианской гравитации.

Однако при сборе проб в собранном материале обнаружился ещё неизвестный науке вирус, и на Марсианской станции началась эпидемия. Переболел весь состав экспедиции, особенно тяжело перенесли заболевание вновь прибывшие «новички». Жизнь Даши целую неделю висела на волоске. Денис, сам больной, неотлучно сидел у её постели и держал её за руку.

Но что удивительно, переболевшие в особо тяжёлой форме после выздоровления приобрели мощный иммунитет к огромному количеству болезней.

За время работы на Марсе дважды получали Денис и Даша короткий отпуск, и им удалось побывать на Фобосе и Деймосе. После посещения спутников Марса Даша написала ряд научных статей, которые проиллюстрировала собственными уникальными фотографиями кратеров Фобоса и поразительными по красоте картинами восхода и заката на Деймосе. Желающие могут ознакомиться с этими статьями. Они опубликованы в журнале «Вестник Марсианской космотории».

Но часто Марсианскими вечерами, когда всходила над горизонтом голубая звезда, внезапная печаль и тревога охватывала бесстрашных исследователей. Через миллионы и миллионы километров сквозь чёрную пустоту тянулась живая нить, неразрывно связывающая их с этим небесным светилом.

Пока молодожёны ради блага человечества осваивали красную планету и её окрестности, на Земле у них появилась дочь. Зачали они ребёнка перед своей длительной командировкой, а произвела её на свет и вскормила суррогатная кибермама. В духовном же развитии девочки активно участвовали её родные бабушки и дедушки. С родителями малютка общалась через экран монитора. Даша и Денис впервые обняли свою дочку только, когда ей уже шёл третий годик.

Антон после замужества Даши замкнулся в себе. Но золотые его руки не потеряли мастерства, и он всегда был востребован на работе. Только никогда больше не пытался он казаться милым и остроумным. А потом он и вовсе исчез из поля зрения. Говорят, что он всё бросил и неожиданно отбыл в Америку. По слухам его и там очень высоко ценят.

Гриша получил отдел, а вскоре отдел предложили и Сене. Братья впервые в жизни разъехались по разным комнатам и даже этажам, но сложные вопросы продолжали решать вместе.

Маша тоже вышла замуж, и у них с Сергеем родился сын. Маша также воспользовалась услугами кибермамы, как это стало принято в последнее время. Рожать детей естественным способом уже считалось немного неприличным. На некоторое время ей даже пришлось оставить работу, потому что очень хотелось проводить как можно больше времени со своим единственным и поздним ребёнком. Но она была вполне счастлива.

Николай Николаевич, хотя и перевалило ему уже далеко за восемьдесят, на заслуженный отдых не ушёл, так как относился к тому типу людей, которые на пенсию не уходят никогда. Он набрал себе новых сотрудников, молодых, энергичных, увлечённых, поставил перед ними новые задачи, и вместе они принялись за их решение.

А телепортация со временем стала заурядным явлением, сильно облегчающим жизнь, но уже никого не удивляющим. Правда, никому она не вернула ушедшей молодости.

Но и без этого двадцать первый век принёс множество удивительных научных открытий.

И сейчас в преддверии двадцать второго века учёные уже стоят на пороге открытия теории Чуда. Пока это ещё гипотеза, но она уже имеет многочисленные подтверждения на практике. Основной постулат её гласит: «В жизни каждого человека события, вероятность которых ничтожна, происходят на несколько порядков чаще, чем это следует из теории вероятностей, закона больших чисел и математической статистики».

Группа исследователей, изучающих этот феномен, дала ему название «гипотеза МК» без расшифровки аббревиатуры. Чаще всего её называют «гипотеза многофакторной казуальности».

Но у нашего первопроходца телепортационных туннелей Марии Кузьминичны, конечно, есть собственное мнение на этот счёт и собственное, более правильное толкование букв МК, ведь это именно ОНА впервые сформулировала: «*Того, кто любит всем сердцем, чудо не обойдёт стороной*».

Об авторе

Окончила Московский авиационно-технологический институт. Работает в Москве в космической отрасли — в Институте космических исследований РАН, ведущий конструктор. В 2006 году вышла в свет книга «Сказка о названных братьях...».

Ефим Гамаюнов

Поймать молнию

Легкий, но ощутимый толчок в плечо вырвал из уютного сна. Валад открыл глаза, несколько секунд моргал, вырываясь из туманной дымки сновидений, а затем узнал — косматая борода, грива волос: Лев Дмитриевич Иванофский.

— Чего смотришь? — чуть грубовато спросил Лев Дмитриевич. — Вставай.

— Зачем? — спросил Валад.

— На рыбалку, — усмехнулся в бороду разбудивший. — Ты домой вообще-то хочешь?

— Так сказали же до обеда ничего, — начал оправдываться Валад.

— Вставай, давай... до обеда. Тут тебе, товарищ, не аптека, тут тебе реальная действительность. Всего не намеряешь.

Лев Дмитриевич повернулся и отошел, разом освободив место для тусклого света, заставившего, тем не менее, зажмуриться на мгновенье. Здоровый он какой, словно мидведь а не... лев, еще раз удивился Валад и сел на топчане.

Рожа кололась отросшей щетиной. Сколько он уже тут.. два с половиной дня? Надо было вчера спросить бритву, наверняка хоть у кого-то была. Как всегда — думал, с утра успеет. Странно: почему планы так внезапно поменялись?

— Перекусывай и выходи. Только пошустрей, — прервал размышления гулкий голос Льва Дмитриевича. — Ждать не будем, ехать надо, все уже готовы.

Спорить, а тем более опаздывать, не хотелось никак. Поэтому пришлось «по-быстрому» вставать, умыться ледяной водой из-под блестящего тусклой латуни крана. Странно, они везде, наверное, такие... одинаковые.

На столе стояла кастрюля с теплой еще кашей, но адреналин уже так гонял в крови, что действовал чуть не до тошноты. Валад плеснул кипятку из чайника в найденную на полках шкафа пластиковую кружку, бросил пару кусочков сахара, добавил травяной заварки. Отломил булки и, обжигаясь и втихую ругаясь, принялся пить чай.

Стол, стулья, лавочки — все в доме было простым: главное крепко и надежно. К бревенчатым стенам гвоздиками прикреплены непонятные карты и схемы, точками и кружками на них обведены неизвестные области этого... чужого мира. Два шкафа, где можно отыскать, кажется, все что угодно, электроплита... сломанный ноутбук, хрень какая-то со стрелками и

шкалами... В шкафах, кстати, таких малопонятных штук половина полок битком, да еще большая. Пара дверей — в спальню с топчанами и на улицу — все, ничего в комнате другого и не было.

Эй, размечтался! Время не ждет. Дожевывая на ходу, накинув дареную Львом Дмитриевичем синюю непромокаемую, «сосмехом» куртку, Валад выскочил на крыльцо. Порыв холодного, сырого воздуха плеснул в лицо волной, даже дыханье перехватило. Дом ловцов кругом обступали высокие деревья, похожие на сосны, разве что иголки чуть длиннее и цвет странный. А так — один в один. Меж стволами висел серый, плотный туман. У стоящего чуть поодаль грузовика странной конструкции — вроде и знакомой, но непривычной — стояло несколько человек: кого-то Валад знал, кого-то — нет. Среди всех выделялся странно одетый косматый дед. За спиной у деда висел бубен, стоял он, опираясь на высокую клюку, повершьем которой служил белесый череп неведомого зверя. Одет, как ни странно, дед был в линялые джинсы и зеленую вытертую «милитари»-куртку с карманами-клапанами.

— Эй, Вальд! — окликнул Козтян, высокий худой парень; вчера они вместе пили пиво и играли в нирды, которые тот упорно называл по-своему — нерды. — Давай сюда!

Валад спустился, подошел к грузовику.

— Ага, вот и молодой, — обернулся Лев Дмитриевич. — Знакомься, Валад, это Роман Станиславович, можно просто Станиславывывыч. Я тебе говорил.

Кругом рассмеялись. Валад пожал протянутую неширокую, шершавую и удивительно жесткую ладонь. Роман Станиславович, разведчик и лучший ловец, как вчера говорил Козтян. Невысокий, неширокий, лысоватый... Обычный... правда жилистый, чувствуется — крепкий. И улыбается по-настоящему, с морщинками у глаз.

— Надеюсь хорошее хоть? Когда, говоришь, перенесло? — голос у ловца оказался тоже не богатырский.

— Два дня назад, — ответил за него Лев Дмитриевич.

— С Зимли, через и?

Валад кивнул.

— Понятно... А год там у вас какой?

— Две тысячи десятый.

— Даже так? — удивился отчего-то Роман Станиславович. — Ну, хорошо. Нечего тянуть, по местам, давай. Слушай, Валад? Правильно? Если что непонятно, спрашивай. Тут такое дело, сам понимаешь, может, сегодня твоей не будет. А будет моя или вон Митрича. Ты должен знать, чего дальше делать, если нас не будет. Так что спрашивай о чем угодно, лезь везде. Такое дело, тут почти каждый сам за себя. Лады, понял?

— Понял, не дурак, — хотя... какой твоей? Чего твоей?

— Ага, дурак бы не понял. Вот присказка, везде одинаковая... Полезли, что ли и мы, чего стоять-то. Айла, Лукья, дейст.

Станный косматый дед чуть склонил голову и взмахнул перед собой своей странной клюкой.

— Айла, Роман. Дейст и тур.

В небольшой кузов под тентом, с прикрепленными вдоль бортов лавками, набилось шесть человек. Валад оказался зажатым между громадным «Митричем» и молчаливым усатым дядькой, которого все звали дядей Колей. Места в самом деле оказалось мало: кроме людей в кузове стояли фанерные коробки, лежали зачехленные продолговатые свертки, а на них громоздились набросанные кое-как рюкзаки. Роман Станиславович заглянул через задний борт, осмотрел всех и все, кивнул и скрылся, словно нырнув. Хлопнула дверца кабины, грузовик вздрогнул, взревнул, затарахтел: мелкая дрожь отозвалась по всему кузову. Хрипнула коробка, все дружно наклонились набок — поехали.

Под тентом висело молчание, разговаривать не хотелось: шумел грузовичок изрядно. Да и дорога — сплошь колдобины и ямы. Валад вместе со всеми послушно наклонялся, подпрыгивал и дергался, подчиняясь необъяснимой воле железного чародея, везущего его на встречу с... А чем, собственно? Так никто ничего толком и не объяснил: в первый день он вообще только обвыкал, осматривался и прислушивался. Весь второй отходил от свалившихся сведений.

Понял он немного: только, что, скорее всего, умер. Для своего, тамошнего мира, здесь-то чувствовал себя... паршиво, конечно... но очень даже живым. Вот так. Да и вправду умер, как получается, не совсем...

«Параллельных миров дофига. Я даже не представляю, сколько», — рассказывал ему в первый вечер Лев Дмитриевич, как понял Валад, старший в Доме ловцов, — «Ты вот с Зимли, я с Семли. Вообще почти одинаково, рядышком, значит, где-то... бывают, я читал, и странные искажения. Денбе, к примеру. Хе! А почему все на этом мире сходится, это я не знаю. И никто тебе не скажет, потому как никто и не знает тоже. Особенность какая-то есть, так вот... Тут тоже не все совсем как в наших... Э-э-э, как тебе объяснить... Тут, к примеру есть места, где звук обгоняет свет. Не везде, заметь, но места есть. Круто? Но непонятно, как в учебниках по геометрии? Так-то мирок ничего, нормально, жить можно. Попадает народу сюда, в целом, много. Кто-то обживает, привывает, а кто-то хочет вернуться обратно. Вот ты хочешь? Во, и я, и остальные, кто живет в этом доме. Ловцы... Кто-то давно, до меня, а я тут почти самый старый, придумал, прижилось. Для местных мы вроде как секта, отверженные. Раньше они получше к параллелонавтам относились: находили, изучали, записывали, помогали... Без тех записей мы фиг чего сами смогли бы... Знания — страшная сила, тут конкретно вообще понимаешь...»

Грузовик чихнул, оборвав мысли, и замер. Все последний раз дружно качнулись.

— Приехали, — бодро прокомментировал Козтян, — Вылазьте, господа! Нумера!

Спрыгнув наземь, Валад потянулся, разгоняя кровь по застывшим жилам, и осмотрелся. Чудо-механизм привез ловцов на каменистое поле — до самого горизонта, насколько хватало взора. Лишь одинокий клык скалы, прорвав землю, угрожающе целился в светло-голубое, без единого облачка, небо. Слева, на стыке земли и небесного купола, разливалась желтизна:

Солнце вскоре должно появиться над миром. Картинка попахивала сюрсом, только тут все так... ненормально малость.

Ловцы споро вытаскивали из кузова коробки, свертки, распаковывали странные приспособления, собирали чудные конструкции. Настоящий муравейник: суета, а приглядишься — каждый делает свое, все знают, что, где и когда. Еще Валад заметил, все, прежде чем начать работать, успели одеть поверх курток нечто, типа кольчуг: жилеты из тонких железных трюсов, хитро переплетенных в сложный узор.

— А мне бы такую? — спросил он Козтяна. — Для чего она?

Козтян распутывал клубок тонких проводов и откликнулся не сразу. Он поднял глаза, несколько секунд пустым взглядом смотрел на Валада, опомнился и хитрым движением кивнул, указывая куда-то за машину.

— Это... ты с Львом или со Станиславовичем поговори. Они тебе не сказали, что ли, ничего?

О чем не сказали? Искорка беспокойства зажгла внутри костер тревоги. Почему не сказали? Он обогнул машину-грузовик, попутно отметив «скачущего лося» на капоте, и увидел Романа Станиславовича, Льва Дмитриевича и дядю Колю. Совет старейшин, значит. Вроде подслушивать нехорошо. Но никто ведь не запрещал подходить?

— Надо поставить сетки вот там и вот там, — говорил дядя Коля, указывая направления. — Если оттуда придет, то по любому хоть одну, но зацепим. Она мимо не пройдет, негде ей будет.

— Можно еще приманить перед сетками. Вывесим оба змея, пустим напряги посильней, — добавил Лев Дмитриевич, скребя в бороде, — Хватит на сегодня?

— Да заряжали позавчера. А сами вон оттуда закидывать будем, — дядя Коля указал на утес.

— Нет, там лучше одного змея поставить. А то, если там зацепит, не успеем спуститься, сорвется. Или впустую уйдет. А в следующий раз, когда снова гроза соберется... Два месяца опять ждать? Тут-то, если чего, к змею добежим, а второго, правильно говоришь, Лева, у сеток поставим. И туда сразу полуторный прикорм, кстати, и провод будет на вычислитель. А сами вот оттуда... И, считай, все перекрыли. Если будет, должны поймать, — Роман Станиславович провел рукой по редким волосам на маковке и поглядел на небо.

— Придет, уверен? — спросил дядя Коля.

— Придет. И местный, Лукья-шаман сказал, что сюда. Сегодня даже навестил, напомнил. Хоть один нормальный среди местных остался. И торгаш Дарим, но тот бабки на нас делает, сам хитро сделанный. Эх! Чую, мужики, сегодня моя будет, — ловец вздохнул. — И сдерну, наконец ...

— Ага, и в прошлый раз говорил, и чего? Отдал свой улов, поменял, так сказать, мечту на реальность, и снова невыгодно, — Лев Дмитриевич хмыкнул в бороду. — Валад, что-то хотел?

Ага, наконец-то заметили.

— Да вот все кольчуги понацепали, а мне не дали, — выразил Валад свою мысль. — Я спросил, сказали, если чего, к тебе подойти. Объяснить чего-то забыли, вроде...

Трое ловцов на миг переглянулись, а затем Роман Станиславович хлопнул по плечам дядю Колю и Дмитрича.

— Так, мужики, давайте-ка, займитесь делами. Надо успеть как можно раньше сетки поставить. И змеев, как договорились. А то подоспеет, а мы еще ушами хлопаем.

Ловцы дружно, словно по команде, мотнули головами и заспешили за грузовик к ругающемуся на провода Козтяну.

— Слушай, Володь, — начал ловец, и Валад даже не обратил внимания, что он неправильно произнес его имя: в голосе Романа Станиславовича появилось нечто... пугающее. — Ты, без обид, сегодня на особом положении. Ты вообще знаешь о том, как попал сюда?

— Ну.. — А что он знал? — Я вроде как умер.

— Не просто вроде как умер, тебя вроде как убила молния. Начисто, даже кроссовок не осталось.

Валад пораженно замер. В голове шарики сталкивались с роликами, шумели, вращались... Ведь точно! Он смутно припомнил, будто давний сон: шел дождь, а до машины надо... через поле. И он пошел, побежал, не боясь промокнуть, потому что все одно — уже насквозь... а потом...

— Это для твоего мира, и для того, кто там остался. Но на самом деле ты, э-э-э, как бы, провалился сюда, в этот вот мир. Такое бывает, редко конечно. В моем мире от гроз пропадает человек двадцать-тридцать в год. Остальных просто... насовсем. Ну, это в моем — тридцать, в твоём не знаю, может больше, может меньше. Ты как, нормально себя ощущаешь?

Валад кивнул. Какое уж тут нормально! Голова реально кружилась. У него, у здорового мужика! Вот как оно получается, а то Лев Митрич нафилософствовал, запутал.

— Вернуться обратно можно. В моем мире раньше древние типа, боги, могли перемещаться так свободно. Ну, там Египет, Майя, не знаю, у вас такое было-нет. Хотя было, так?

Валад кивнул — было. Египет и Мая, точно так. Роман Станиславович продолжил:

— Я об этом сам только тут узнал, после того, как меня закинуло в эту.. страну 03. Странные тут места, если еще не заметил. Некоторые вещи — вообще не как везде. Тут даже ток от плюса к минусу идет, а иногда наоборот. Почему, я не разобрался, не до того. Самое главное, здесь вообще много про параллельные миры известно. Я не все читал, тут этим целые институты занимались. Информации — тьма: выкладки, вычисления. Не поверишь, расчеты, когда и кто может провалиться: мужчина, женщина, приблизительно из какого мира! Я сначала даже не верил, а они на самом деле как-то умели. Только потом чего-то заглохло, а теперь совсем плохо стало. Местные все свои знания похерили, объявили лженаукой, хотя про нас, про попаданцев, в смысле, знают. Радуйся еще, что мы тебя раньше местных нашли, а то сидел бы уже где-нибудь в резервации, учил местный язык, готовился принимать гражданство.

— А чего, можно? И зачем мы им вообще?

— Можно, можно. Поэтому тебя и спросили — домой хочешь. Так бы оставили, тут не плохо, просто если к ним попал — все, без права выбора:

или гражданство и живешь, или... А для чего мы им... Местный тут, шаман, Лукья, ты его видел утром, обмолвился как-то: генофонд у населения плохой, дети почти не рождаются. Мы типа подпитка, хм... Ладно, не важно. Ну, так вот, о важном на сегодня: тут скоро будет местная гроза, наша задача легче-легкого: поймать молнию, а лучше две или три.

— То есть, как?

— Вот, теперь правильный вопрос. Но не главный. Как — увидишь, поближе ко мне будь, все расскажу и покажу, заодно учиться будешь. Главный вопрос — зачем? Молния, в общем, несет не только электрический заряд, но и психофизический. Проще говоря — информацию о пространственно-временной точке разрыва. А точка — это малюсенькая дверь в другой мир, понимаешь?

— В этот?

— И в твой, и в мой, смотря, где порвалось. И, отчего опять не знаю, этот мир, словно перекресток, все на нем сходится. Попадают сюда отовсюду, а есть такой второй или нет, даже местные не узнали. И вот еще: в моем мире, ну, шарахнула молния, ну, гром и все... ни двери в зазеркалье, ничего, закрылась, а может и не было. Дерево сгорит или дыра в песке. Электрическая составляющая чересчур сильная. А тут, получается, наоборот — психофизическая: каждая молния открывает дверь, обязательно. И через три минуты восемь секунд идет обратка. Ну, молния наоборот, которая закрывает дверь. То есть не сразу, а вот именно три минуты восемь секунд задержки. Это еще здешние яйцегоовые вычислили, мы только подсмотрели. И вот за это время у таких как мы с тобой, ловцов то бишь, есть возможность — узнать: откуда молния и отправить кого-то...домой.

Валад обдумал полученную информацию. Остаться он тут не хотел, раз. Вернуться домой можно, поймав нужную молнию — два. А три...

— А я... как связан? Почему особое положение?

— Ага, мозгуешь немного? Ты — это вообще просто. Ты провалился недавно, молнии таких любят. Где-то, может в облаках, может еще где, о тебе информация бродит, ищет тебя. Так что ты вроде живца будешь на сегодняшней рыбалке. А кольча тебя от молний заэкранирует, не даст увидеть.

Офигеть! Валад изумленно посмотрел на Романа Станиславовича. Тот выглядел нормальным мужиком, но вот так... подстава... е... живец для молнии! Он чего, совсем того? Человека как живца. На молнию!

— Да ты не бойся, не так все страшно. Я сам два месяца бегал с «блесной», — хмыкнул ловец, разглядев возмущение и обиду в глазах Валада. — Тоже ведь учился. Ну и свежий был. Почти безопасно.

— Почти? — выдавил Валад.

— Может, конечно, пробить, если электроразряд чересчур высокий... только тут не убивает. Да и редко бывает, я не припомню. И подумай, ну, закинет тебя еще куда-нибудь, здесь или в другой мир. Все равно чужой, какая разница? Так что, не бойсь, побегаешь, может даже понравиться. Хотя, если не хочешь, неволить не буду. Только с тобой поймать лишнюю молнию вероятности намного больше, а каждая молния — чья-то дверца. Вот и думай.

Мысли, мысли, как много их в голове и все про одно. Да не про то. Толпятся, мешаются. Он посмотрел на нависшие тучи. Те возникли практически мгновенно — десять минут назад чистое небо, яркое, чуть фиолетовое тутошнее Солнце.

Ррраззз!

Бурлят, перекатываются темные валы, надвигаясь несокрушимой стеной на каменное пустынное море. Слева и впереди висят на надутых серебряных шарах тонкие сетки, отгораживая место ловли. От сеток тянутся невидимые (тонкие-тонкие, но они есть!), ювелирные провода. Такие же бегут и от двух огромных воздушных змеев, повисших так высоко, что едва видны. У грузовика, прямо на земле, стоит загадочное устройство: вычислитель, все проводки собираются и уходят в его недра. За аппаратом приглядывает Козтян, так сегодня выпало. Выглядит он несчастливо: хмурится, сплевывает, ругается. По всему видно — хотел сегодня половить. А вот Валад и не хотел, да придется...

— Попробуем, — бормочет Роман Станиславович, — Гляди, Володь. Это вроде как удочка. Ничего необычного. Берешь заряд и вот сюда. Теперь «крючок»: цепляем провод, рычажок вниз. Все, готово. Как крючки мастерить инструкция, если чего, в шкафу. Там несложно, детали простые, справишься, если внимательно прочитаешь. Так...

Роман Станиславович поднял штуквину, больше напоминающую гранадомет, положил на плечо, прицелился в нависшие тучи и нажал на кнопку сбоку. Громко фыркнуло, зашипело, позади «удочки» вырвался язык пламени. Зажужжала закрепленная наверху катушка, отматывая тончайший провод.

— Высоту ты сам регулируешь, вот тут, — показал ловец. — Есть и выше молнии стучают, есть и совсем низко. А! Не понимаешь? Ну, тут не всегда пробой в землю идет, иногда теряется где-то в тучах, не могу объяснить, у нас не так, и у вас тоже, думаю. И сам понимаешь, чем выше, тем дальше можно водить «крючок». Только не переводи смотри, тут грозы быстро заканчиваются. Доводишься за одной, а уже все. Так что пробовать надо на разных... триста хватит, для испытания.

Наверху блеснуло, и Валад увидел, как на темном фоне туч раскрылся малюсенький белый кружок.

— Поплавок, — пояснил Роман. — Если рядом готовый разряд, он светиться начинает, тогда будь готов.

«Поплавок» медленно дрейфовал по небу. Роман Станиславович изредка отпускал или подтягивал провод, стараясь удержать крючок в зоне между сетками и воздушным шаром («Закидушка», — вспомнил Валад, так называют такие удочки — закинул наживку и ждешь, когда колокольчик зазвенит) на утесе. Неожиданно их со Станиславовичем «поплавок» ярко сверкнул, в тот же миг вокруг него образовалось белесое облако. Оно задрожало и съежилось. Ослепительно вспыхнуло, оставив на сетчатке глаз синее пятно...

— ...мать, — выругался Роман Станиславович. — Сильный заряд! Ушла, пакость! Петро, Коль, давайте на двести попробуйте, похож там!

Сам он торопливо выбрал провода, достал из рюкзака новый «крючок», зарядил удочку.

— Что? Роман Станиславо...

— Роман, проще давай! Вот так, Володь, оборвало... Ничего, видно сильная гроза идет, может, несколько поймает сегодня!

Валад неотрывно, до рези в глазах, смотрел на небо. Там «плавало» уже два поплавка — Льва и Петра — один выше, другой чуть ниже. Видно их было плоховато, но если так светится, когда цепляет, то пропустить невозможно. Время шло, быстро ли — медленно ли, белые кружки спокойно висели — ни поклевки. Тянулись минуты, волны туч плавно перекатывались в набрякшем дождем небе. В какой-то миг все заметили — ветер стих. А затем грохнуло так, что Валад от неожиданности подпрыгнул. Тяжелые капли, дождавшись команды, ринулись на землю. Вмиг стало стопроцентно мокро и настолько же ничего не видно. «Непромокаемая» куртка, фижня полная», — подумал Валад, передернув плечами: по спине тек ледяной ручеек.

— Проходит, — в сердцах бросил Роман Станиславович, — Уйдет, е-мое! Ну что, ловец, твоя очередь, особая пришла, готов?

Валад готов не был. Очень не был, до противной дрожи по всему телу и слабости в коленях. После объяснений, конечно, не так страшно — не умрешь вроде как. Но это пока не пришло время, а теперь до ужаса хотелось остаться возле опытного ловца, дожидаться окончания бури, обдумать, решиться.

— Готов, — проскрипел он, сам поразившись этим звукам.

В доказательство поднял «блесну» — вытянутую железную фижню, с прикрепленными снизу обрезиненными ручками и маленькой коробочкой с круглой шкалой.

— Чего делать? — из стены дождя буквально вынырнул Лев Дмитриевич. — Ни хрена не видно! Ша закончится, и все, пишите письма мелким подчерком!

— Скажи всем, чтобы на пятьдесят во все стороны! Я к Косте, прибавим на сетках и шарах, если чего, поверху выловят. Вовка, по-прямой туда-обратно, должна быть хоть одна! — Роман спешно цеплял к «блесне» провода от удочки.

— Так, смотри! Сейчас включи тумблер, берись за ручки, жми на торец правой, там кнопка, и следи за шкалой. Тут типа заряд твой информативный будет, самая приманка, как к семидесяти подойдет, можно начинать. Бежишь прямо, но аккуратно смотри! Слышишь? Провода крепкие, сам не зацепись. И ни в коем случае не отпускай ручки, а то так шархануть может! Маму-папу вспомнить не успеешь!

— Ты же говорил, не убьет! — сердце у Валада стучало, отдаваясь в ушах, заглушая шум ветра и дождя.

— Считай пошутил! Давай, Вовк, уходит, чтоб ее!

Мгновение — хуже не бывает, собраться с духом и то некогда. Валад на миг прикрыл глаза. Не надышишься, все равно. Погода бушевала, грохот раскатывался от неба до самых атских закоулков. Яркие вспышки в вихрях туч, хлещущие холодные струи дождя, порывы ветра. С боков и позади, везде одинаково скверно. А впереди...

Вот... е..., а он раньше думал, что людей в грозу похищают пришельцы,

сколько в газетах такого читал, по телеку тоже. Вранье... Знать бы раньше. И чего, типа, тогда?

Иди все лесом! Валад открыл глаза: зеленоватая подсвечивающаяся шкала — семьдесят три. Он поднял «блесну» над головой:

— Е-мое! А-а-а-а-а-а!

И побежал. Шатаясь, поскользываясь, оступаясь. Страх ушел, вместо него Валад чувствовал безбашеную лихость: будь что будет! Перед глазами стоял дом, его совака Тжек... Лина... и чего они снова поссорились? Глупые... Нужно вернуться... Я хочу домой! Доооооооой!

— А-а-а-а-а-а!

Он бежал сквозь грозу не своего мира, не зная точно для чего, но уверенно понимая — надо домой! И если так можно, то надо бежать! Навстречу неизвестности, ветру, дождю... всему.

Сверху ярко вспыхнуло и по рукам ударило, словно на «блесну» упало бревно. Валад напрягся, но все же не удержался и упал на колени. Над головой шелкало, стрекотало. Волосы встали дыбом и, похоже, шевелились. Он поднял глаза, страшись увидеть — что? Блесна трескуче искрилась и светила синеватым светом.

Попалась? Попалась! По-па-лась!

— Есть! — заорал он, ошеломленный, радостный или испуганный, не поймешь, чего больше. Чего дальше делать-то? Сердце выскакивало из груди.

Рядом, словно призрак, из воды материализовался Лев Дмитриевич. Борода намокла и слиплась в мочалку, ливень стекал по плечам, словно ручьи с горы.

— Уфффхх! Наконец-то! Хоть одна. Где уловитель?!

Валад недоуменно смотрел на него.

К ним подбежали дядя Коля и Роман. В руках у Станиславовича Валад заметил «удочку» и небольшой приборчик с светящимся окошком.

— Есть! Сто восемнадцать с четвертью. С Зимли, через и!

— Я оттуда, — отозвался Валад.

— Везунчик, мать твою! — Станиславович широко развел руками. — А ты боялся! Ничего страшного, я ж говорил. Две минуты двадцать секунд. Давай пояс скорее, времени мало. Е! А кольча-то!

— Так... особое...

— Да-Е! — Роман на миг замер, сунул Митричу «удочку», а затем стал торопливо стаскивать свою жилетку. — Надевай скорее, мать-перемать, не успеем!

Через минуту «кольчуга» оказалась на Валаде; Лев Дмитриевич уже вытащил из нутра «удочки», переданной ему Романом, стержень, с палец толщиной, и втыкал теперь его в коробку на поясе жилета Валада.

— Все вроде. Блин, ну ты удачливый, Володь. С первого раза! Свою! Пальцем в небо и прямиком в свою звезду! Очевидное-невероятное! Бывай, если вспомнишь нас, выпей за рыбалку...

— Вонки? — Валад мало чего понимал, все происходило слишком стремительно. Только что он бежал, трясясь от страха или дури. Хорошо хоть знал: теперь точно трясло от страха.

— Водки, водки, чего же еще. Стой прямо! Удачи, парень! — ответил Роман Станиславович.

Он сжал плечо, повернулся и пропал в дожде, вслед за Львом Дмитриевичем и дядей Колей. Отчего-то резануло внутри, странно и удивительно, словно сердце чего-то знало, и не хотело, чтобы так...

Впереди и слева с неба упала почти прямая, всего пару раз изломанная молния. Затрещало, и Валад увидел как осветилась сетка, вспыхнув ровными квадратами. Значит... Еще одна!

— Попалась, — успел выдохнуть он и улыбнулся: страха не было. Еще одна!

А затем все засветилось...

...Он почувствовал щекой шершавую, неприятную траву. Все тело ломило, во рту сухость, как с похмелья, хотя не пил...вроде. Открыл глаза и увидел... а ничего не увидел: трава, трава и трава. Соннце садилось? Выходило? Свет лился откуда-то из-за спины, и он решил, что, все-таки, садилось: красным светит, по-вечернему. Чего это он разлегся-то?

Валад сел и тут же схватился за голову: виски прострелило острой болью. Е-е-е...

Когда стало полегче, медленно встал и осмотрелся. Ужас! Поля и луга — как он сюда попал?! Вот дела... И чего думать? А — сумасшедший, Б — все же напился, С — отравил кто-то и вывез... для чего? Ни-че-го не помню. Где люди, дома, самолеты? Цивилизация вскоре обнаружилась в виде дороги с пылящей одинокой машиной. И совсем рядом. Валад поднял руки, замахал и побежал, насколько это можно назвать бегом, к обнаруженным признакам культуры. А то и вправду недолго себя за дурака принять.

Машина остановилась и терпеливо дождалась, пока Валад не доберется до нее. За рулем сидел молодой парень с рыжими волосами и испаньолкой.

— Где я? — не самый лучший вопрос, но вырвался у Валада первым.

— А где бы хотел быть? — отозвался парень.

— На Зимле в Нижнем, — честно ответил Валад.

— Эх тебя, — удивился парень. — Четыреста км.

— Фига се, — теперь удивился Валад.

— Садись, маленько подкину, — решила «испаньолка», — А чего это на тебе за железяка?

Влад посмотрел на себя. Незнакомая синяя куртка, сетка какая-то... Роман Станиславович отдал же. Кто? Словно сон вставал перед глазами — нечто эфемерное, было-не было, неуловимо ускользящее ненастоящее. Настоящее: откуда тогда... «кольча»?..

— Слушай, ты не нариг? — запоздало спросил парень за рулем. На лице промелькнуло беспокойство.

— Мне домой надо, — невпопад ответил Валад и сел в машину. — Подкинь, если не трудно.

Парень пожал плечами и тронул рычаг передачи. Машина медленно тронулась и понеслась вперед, все ускоряясь и ускоряясь. Валад прикрыл глаза.

Он вспомнит, обязательно вспомнит... когда доедет... И выпьет вонки... обещал... кому-то...

Роман Станиславович увидел, как «обратка» трескуче ушла в тучи. Давай, Володь, удачи тебе. А что это там так шарахнуло за секундочку до? Сетка слева искрилась синеватыми линиями. Есть, поймалась, родимая, прямиком в сеточку влетела! Вот удача, есть справедливость — то ни одной, то сразу две! Он помчался к грузовику, заряд от сетки на вычислитель придет. Не успел добежать, как налетел на Козтяна. Тот от неожиданности отлетел, грохнувшись на землю.

— Земля. Через е. Двести семь и семь! — выдохнул Козтян.

Гром разодрал небосвод на тысячу маленьких кусочков, потрянув внутренности. Роман в ступоре осмысливал сказанное. Двести семь и семь, Земля. Вот оно: это его молния, его раскрытая дверь. Мурашки пробежали по спине, в животе похолодело — домой... Волга широкой лентой несет пропасть воды. Вспышка. Все что он помнил за мгновение как...

А возвращатель-то... Е!

Принять правильное решение, ой, как непросто порой это дается. Вовремя — еще реже. Искать кольчугу, снимать с Кости? Некогда? Или... Не так! Роман схватил палочку уловителя из руки Козтяна и помчался вновь по дождю. Отыскать человека за две минуты в кромешном аду... Можно ли? Тут где-то...тут.

— Дядя Коля, давай, скорее!

Правильно бежал, вовремя увидел, нутром почуял — угадал. Подбежал, нашарил на поясе коробку, вставил уловитель. Получилось быстро и четко. Успел, в общем. Ничего не объясняя, вроде все понятно.

— Ты это чего? — дядя Коля смотрел на Романа. — Ты это брось, твоя же очередь!

— Так вышло, сам же видел... Вовке отдал. Некогда, не успею. А ты, дядя Коля, успеешь, поэтому все вот так. И не спорь, времени нет. Будешь в Саратове, зайди, куда говорил, ладно?

— А ты? — стоящий перед Романом никак не мог выйти из ступора. Ошарашил он человека, да. Радостная, ожидаемая штука, а все равно — не готов, как так, почему. Тысячи вопросов.

— Моя следующая будет. Точно тебе говорю — следующая, по-любому, моя! Поймаю самую здоровую! Вот такую, — он развел руки в стороны.

Жилет на дяде Коле белесо засветился. Роман повернулся и побежал...

...Следующая будет...

Об авторе

Родился в 1976 году. Вырос и живет в городе Петровске Саратовской области. Работает в администрации города. Писать начал в 2002 году, публиковаться «рискнул» в 2006-м. С тех пор рассказы выходили в журналах «Порог», «Полдень 21 век», «Уральский следопыт», альманахах «Словесность» и «Фанданго», в сборниках «Настоящая Фантастика»(2008 г.), «Аэлита»(2008-2013 гг), «Антология Мифа»(2012-2013). В № 2 за 2008 год «Знание-сила: Фантастика» был напечатан рассказ «Похититель снов», а в № 1 (14) за 2012 год — рассказ «Тот самый день».

Геннадий Воробьев

Камень Архимеда

повесть

К вечеру лёгкий северо-западный ветерок, принесший приятную прохладу, стих совсем. Высокий каменный берег, где-то внизу, ласкает полный штиль тёплого Ионического моря. По берегу, не торопясь, прогуливаются двое. Высокий крепкий мужчина средних лет, и юноша.

— Скажи, отец, зачем ты каждую ночь смотришь в небо, что-то записываешь, чего-то подсчитываешь?

— Наш мир и наша жизнь — всего лишь песчинки в безбрежном пространстве небесных сплетений звёзд. Наш разум — всего лишь крохотная искра безбрежного океана вселенского огня знаний. Этот огонь поддерживается опытом разума умерших тварей великого скопища жизней необъятного космоса. Наблюдая за ним, люди ищут пути общения с Великим Знанием.

— Ты, отец, эти пути находил? О чём сообщал тебе космос?

— Ах, как просто ты думаешь! Возможно ли, муравью понять мысль человека? Так вот — наш разум ещё боле далёк от Вселенского огня, чем разум муравья от человеческого. Пока мы можем только по движению звёзд, лишь приблизительно угадать их влияние на события и судьбы людей. Вот тебе, мой сын, звёзды предопределили возможность общения с Великим космическим разумом. Через тебя людям будут даны великие знания. Но для этого тебе предстоит подняться на самую вершину человеческих понятий о мире. Лишь с её высоты ты обретёшь способность слышать звёзды.

— И к этой вершине поведёшь меня ты, отец?

— Нет. Ты будешь обучаться в самом центре человеческой мудрости, в самом сердце земного разума.

— Ты говоришь об Александрийской библиотеке?

— Да.

— Но простому юноше из маленького городка в Сицилии, разве возможно попасть туда?

— Ты не простой юноша. И наш город ныне, по положению, является серьёзным соперником для Афин. Мы в родстве с правителем Сиракуз — Гиероном Вторым. Он поможет тебе.

Всё. На этом сон оборвался. Больше память ничего не высвечивала. Они

начались уже давно — эти сны. Прямо сразу, на второй день после того, как молоденькая симпатичная докторша как-то просто и равнодушно сказала, что я действительно их больной, что лекарство от этой болезни крови радикально не лечит. Но временно загнать этот недуг в глухой угол организма ему иногда удаётся.

— То есть, вполне возможно, что это ещё никакой не конец...

— Но, возможно, и другое?

— Все мы смертны. Стоит ли из-за таких пустяков расстраиваться.

Я подумал, что и в самом деле, наверное, не стоит. Особенно тогда, когда эти пустяки вас не касаются... Нисколько не волнуясь, всю первую ночь после этого разговора, глаза сомкнуть не удалось. К рассвету уже появилась привычка к своему новому статусу. К концу привычно бурлящей сутолоки следующего дня начал подумывать, что, не смотря ни на какие статусы, хорошо бы преклонить свою буйную головушку на какую-нибудь подушонку. Наконец, сделать это удалось. Жена всегда была умницей. И сейчас посматривала на меня совершенно безмятежно, как будто и не привозил я никаких ужастей от гематологов. Только она ещё не знала, что прямо посреди её аккуратного лба за одну ночь пролегла тоненькая, как ниточка, но глубокая морщинка, а на висках появилось несколько седых волосков. Сказав, что пошла к соседке по подъезду — Людмиле по вязальным делам, она оставила меня один на один со столь желанной подушкой. Вот тогда всё и началось. Под утро я проснулся от того, что прямо на меня бойкой рысью мчалось чудовище громадных размеров. Нет. Не нужно было быть палеонтологом, чтобы понять, что это самый настоящий мамонт. Через мгновение я снова погрузился в тот же сон. Да. Это были древние люди. Оказывается, они никогда не охотились на этих огромных и умных животных. Кругом было полно всяческой доступной дичи. А вот отбиваться от их агрессии приходилось часто. Они, похоже, к людям были настроены не очень дружелюбно.

К полудню наступившего дня яркость и острота увиденного во сне стала стираться, а к вечеру исчезла почти совсем. Да, в принципе, было и не до осмысливания ночных кошмаров. Оформление на пенсию по возрасту, плюс хождение по врачевным кабинетам поликлиники и сбор бумаг на комиссию, удостоверяющую инвалидность — оказалось жуткой круговертью.

Несколько ночей мне не снилось вообще никаких снов. Потом я во главе эллинского отряда оборонялся от каких-то варваров, а за нашей битвой наблюдали с высоты птичьего полёта красивые люди на открытых летающих аппаратах. Мы называли их богами... И так каждую ночь. За полугодие я побывал в разных исторических эпохах, но всегда где-то в районе Средиземноморья. И вот снова знакомый по первому сну высокий скалистый берег. На скамейке рядом со мной ослепительная русоволосая красавица лет тридцати в нежно вишнёвом платье. И, кажется, что мы говорим с ней здесь уже давно...

— Хочу надеяться, что мы договорились, — ласково улыбаясь, смотрела она на меня. — Запишите то, о чём я вас попросила, и сложите в рассказ. Или повесть. Как вам будет угодно...

— Но я не писатель. Может, не получится. И моя рукопись затеряется в каком-нибудь издательстве среди других материалов таких же неудачников.

— Вы забыли? — она засмеялась весёлым колокольчиком. Рукописи не теряются. Они даже не горят.

— Так ведь могу, попросту говоря, и не успеть. Медики, вон, припугнуть решили.

— Ах, оставьте эти глупости. Медики предполагают, а Господь располагает.

В дверной глазок было видно, что звонит Алик Аракелян — сосед из квартиры на нашей площадке.

— Слушай, Артур! — его манера говорить с энергичным кавказским акцентом и ударениями, под выразительную жестикуляцию, меня всегда забавляла. — Ты умный человек — начальником работал, — он поудобней уселся на диване и торжественно показал рукой куда-то вверх, как будто работал в администрации Создателя, — ты мне помоги.

— Да, не вопрос. Если смогу.

— Сможешь, дорогой, а я отблагодарю. В долгу не останусь.

— Какие благодарности между соседями! Говори уже, что у тебя случилось?

— Ты, Артур, только не смейся надо мной, хотя и сам понимаю, что всё это вроде, как чушь собачья. Понимаешь, шайтан ко мне повадился.

— Чёрт?

— А-а... Чёрт, Дьявол, Сатана, Бес... Какая разница. Шайтан — он и есть шайтан. Открываю гараж, захожу, а там — всё кувыркком. Как будто ураган по гаражу бегал. А замок-то на воротах не сломан. Я к машине. А там — ужас. Чехлы с сидений сорваны, бардачок выгребен на пол, а инструмент — весь разбросан по багажнику. Кто меня так не любит, за что? Я никогда ни с кем не ругаюсь. А главное — как сумел проникнуть в гараж и выйти оттуда, а замок целый и закрытый!

— Судя по всему, в гараже у тебя искали какие-то ценности.

— О чём ты говоришь? Какие могут быть ценности у бедного таксиста? Жена, детей трое! Всех надо одеть, обуть, и накормить...

— Может, кто-то из твоих клиентов забыл какую-то ценную вещь в машине?

— Так зачем тайком в гараж? Зачем всё раскидывать? Сказал бы, и нашли. Только ведь эта сволочь уже два раза устроила такой же разгром в квартире. И ничего не украл! Обидно даже! Как будто у меня в квартире и украсть нечего! А перстень жены с настоящим брьюликом! А браслет дочери! Покупал на шестнадцатилетние, из золота... Ноутбук — новый. Полгода назад сыну купил. Ничего не взял! Побрезговал! А зачем всё громил? Обидеть хотел? За что?

— Конечно, всё это, Алик, печально и странно. Сочувствую. Но чем помочь-то тебе?

— Вах! У тебя голова умная. Подскажи, как можно, не открывая замок, попасть в гараж или квартиру?

— Как — это не самый сложный вопрос. Сколько у вас в семье ключей от гаража и от квартиры?

— От квартиры есть у всех и ещё один запасной ключ есть. У жены в кухне хранится. А от гаража только у меня и у сына. Он там свою трещалку ставит.

— А не терял ли, кто из вас ключи?

— Да. Сын потерял. На стадионе в раздевалке вытряхнул. Он у меня в футбол играет.

— Ключи-то потом не нашлись?

— Почему не нашлись? Куда им из шкафчика деться? Нашлись на второй день.

— Ну, вот и весь фокус. Кто-то снял отпечатки ключей и сделал копии.

— Зачем? И зачем закрывал, когда уходил? Такой заботливый? Как бы чего у меня не украли другие!

— У тебя, Алик, определённо что-то ищут. Какую-то совсем небольшую вещь. А вот стремление закрыть за собой замок — это элементы характеристики твоего шайтана. У тебя гараж — в самой середине порядка. Постоянно мимо него люди ходят. Незакранный пустой гараж сразу вызовет подозрение. Люди оглядываться начнут. Возможно, твой недруг медленно ходит? Боясь не успеть отойти от открытых ворот, закрывает. Ты в полицию-то обращался?

— А как же! Конечно, обращался. Говорят, раз ничего не украли — не наше дело. С беспорядками разбирайся со своими домашними — сам. Хочь тебя попросить — ты на пенсии. Всё время дома. Пригляни за моей дверью. Может опять придёт..

— Без сигнализации не получится.

— Сигнализация — очень дорого. Где деньги...

— Да, нет. Поставим в притвор твоей двери кнопочный выключатель. А лампочку проведём через наши балконы ко мне. И звуковой сигнальчик параллельно подключим. Ну, сразу и поймаем, если появится. Только надо сделать это втихаря от твоих домашних и от соседей.

— Зачем втихаря от домашних? У меня в доме крота нет.

— Бережённому — Бог бережёт. Вот завтра днём, жена — на работу, дети — на пляж, соседей тоже никого не будет дома. Вот и сладим всё путём.

Этим летом июльский зной свирепствовал с особой жестокостью. Три соседки скооперировались, подсуетились, достали городскую администрацию и добились, чтобы у дома спилили тополя. И хотя они были молоды и крепки, новая пластика в окнах боевых дам, оказалась важнее тенёчка от деревьев. Мол, если сломит ветром нам в окна — по судам затаскаем.

Шла вторая неделя моей караульной службы. Измаявшись от жары на своём посту, я решил устроить сквознячок. Открыл балконную и входную двери, и о чудо! Благодатный ветерок стал потихоньку отклонять стрелку термометра на моём столе в сторону уменьшения температуры. Порадовавшись успеху, я прилёг на диван и задремал. Вскоре, сквозь дрему я услышал звонок нашей сигнализации. Она почему-то срабатывала с некой нервозностью — то включится, то выключится. Соскочив с дивана, я не сразу нашёл тапки. Юная кошечка Василиска затолкала их под моё сторожевое место. И всё-таки я его на площадке застал. Он был высокого роста, худым, в маске и очень проворным. Едва моя нога ступила на пло-

щадку, как молодец попытался звездануть мне в челюсть. Но голова моя вовремя откинулась назад, ударившись затылком о стену. Наверное, потому и удар левой, нацеленный в солнечное сплетение, пришёлся в ему в плечо. Злодей закувыркался по ступенькам бетонной лестницы до следующей площадки, там подскочил, как мячик, и унёсся вниз к подъездной двери. Удивлению моему предела не было. Вот если бы я сосчитал ступеньки лестничного марша своим боком — меня бы собирали в хирургии, а может и в морге, по фрагментам. А этот...

Но, почему он оказался не в квартире, а на площадке? Ах, да. Сквознячок. Из моей открытой двери звонок от моей кнопочной сигнализации был вполне слышимым. Качнув дверь несколько раз, и поняв, что сигнал связан с открыванием двери, мерзавец повернул ключ в замке и уже собрался смыться, а тут я.

Вечером, пришлось доложить Алику, что не оправдал его доверия, что зря меня учили три года в Армии караульной службе.

Сосед весело посмеялся моему рассказу и нисколько не расстроился.

— Всё хорошо! Было бы лучше поймать эту сволочь, но всё равно, поняв, что квартира под охраной, он больше не сунется. С меня коньяк, Артур, и прямо сейчас.

Огромный диск Солнца медленно тонул в синеве Великого Моря Заката. С высоты Астрономической башни, дворцовые сооружения вдоль гавани, зоологический и ботанический сады, аллея — казалось, становятся просто тенями. Ласковая нежность вечера опустилась на Мусейон и всю Александрию желанной прохладой.

— Да, Эратосфен. Именно ради достижения вершин знаний, и отправил меня сюда мой отец Фидий. Но к чему этот разговор? Разве здесь, в храме науки, кому-то непонятно предназначение каждого?

— Ах, Архимед! Эта понятность очень зыбка. Кроме астрономии, математики, механики — существует знание, постижение которого человечеству пока недоступно. Но обратиться к нему боги иногда позволяют. Ты достиг той вершины, с которой божественным Глаголом можно приблизить свой разум к Великому началу — Огню. С просьбой. Чтобы ты был услышан, чтобы ответ тебе достиг цели твоего обращения, я — астроном и библиотекарь — здесь, на высотах этой башни, вручаю тебе Небесный Камень. Он прислан богами из глубин Космоса. Твои знания и твоя интуиция — подскажут тебе путь воссоединения с ним твоих мыслей, твоих вопросов, твоих просьб.

Он открыл шкатулку, умещавшуюся на ладони, и на дне её, выстеленном алой тканью, в специальном гнездышке, сверкнул разноцветными огнями граней, камень — величиной с голубиное яйцо.

Вдруг, всё стало исчезать, в ушах клокотало негодование будильника, и я понял, что он разбудил меня, как всегда, в самый неподходящий момент.

Перед глазами всё ещё мелькала бирюза Средиземного моря. С трудом оторвав голову от подушки, я выключил ненавистное устройство, придуманное каким-то извергом, специально для того, чтобы пытать меня каждое утро. Навязчивая мысль о том, что неплохо бы собственноручно отрубить этому негодяю руки, а заодно и голову, окончательно

освободила меня из объятий славного божества, называемого древними — Морфеем. Голова побаливала. Видимо благодарность Алика была вполне убедительной.

— Ты, Артур, решил подёргать судьбу за усы? — не глядя на меня, тихонько промолвила супруга, стоя у окна спальни. — Или полагаешь, что коньяк в лошадиных дозах добавит тебе здоровья?

— О чём ты, Машенька? Лошади коньяк не пьют... Наверное, потому, что никто им не предлагает. Абсолютно честно заработанный магарыч. Злодей бежал с поля боя, чуть не свернув себе башку.

— Профессор московского института — злодей? — она протянула мне визитку. — Нашла вчера на нашем лестничном марше. У вас с Аликом крыши подвигались от частых возлияний.

Если бы супруга протянула мне, в благодарность за мои подвиги, пяти-тысячную купюру, я удивился бы меньше. На твёрдой лощёной визиточке, сверху значилось: «Филиал Московской академии права». На следующей строчке — мелко: «Кафедра истории». А внизу — крупно: «Профессор Яков Моисеевич Бессеребренникович». Далее следовала жирная чёрная черта, а под ней телефон и адрес.

«Оставить на месте злодеяния визитку? — вихрем неслось в похмельном мозгу. — Ну, это ещё можно списать на чудовищную наглость. Но чтобы ПРОФЕССОР вскрывал квартиры!..»

Жена пыталась чем-то вразумить меня ещё, но взглянув на мою совершенно обалдевшую физиономию с выпученными глазами, махнула рукой и ушла в кухню. Там у ней был собственный Ю.А.В.

Сразу после обеда я поджидал Алика на скамейке у подъезда. Внимание моё привлёк парень, маячивший на дорожке в конце дома. Было в его фигуре что-то явно знакомое. Но своеобразная странная походочка увериться в этой мысли мне не давала, так как я твёрдо придерживался традиционной ориентации, и, более того, к гомикам относился с презрением и брезгливостью. А значит, знать это существо я просто не мог.

Вышедший из подъезда Алик, прервал мои наблюдения. На моё обещание удивить его он предложил пройти в его тачку, стоящую на парковке. Находку Маши на лестничном марше он разглядывал, снизу вверх и сверху вниз, глухо рыча. Слева направо, и справа налево. Тщательно нюхал и пробовал на зуб.

— Это наш человек, — наконец изрёк исследователь, — в чистом виде наш. Надо брать.

— Но...

— Никаких НО! Визитка просто выпала из кармана, когда он кувыркался по лестнице. Надо брать его за горло, и пусть колется, чего ему надо. Как его только в машину заманить?

— Ну, это не трудно. Скажем, что копали на даче яму под мусор, и нашли чугунок со старинными монетами. Оставили, мол, всё, как есть, чтобы не смазать историческую картину.

— Да, — важно кивнул головой сосед, — на такую приманку поведётся хоть кто. Даже я.

Вахтёрша, мельком взглянув на визитку, ткнулась очками в истрёпан-

ный журнал, и, снова взяв в руки вязание, не глядя на нас, пробормотала: «Принимает экзамен в триста четвёртой».

У двери найденной нами аудитории, стояло три стула, видимо ещё со времён Остапа Ибрагимовича. На одном из них девушка в джинсах, порванных чуть выше колена, листала журнал мод.

— Заочники, что ли? — оглядев нас мельком, и снова уткнувшись в журнал, равнодушно пропищала красавица. — Без очереди не пущу. И ваще... Деньги девать некуда что ли? Купили бы диплом в переходе. Дешевле в пять раз. Вас-то родаки, поди, уже не пасут?

В это время из аудитории вышел молодой человек, и наша доброжелательница юркнула во входную щель, не закрыв за собой дверь.

— Ну, чем порадуете, сударыня? Сдавать будете или как?

— Или как, конечно. Моя благодарность вам, профессор, в зачётке. С учётом инфляции.

— Послушайте, Рябинина! Ну, почему вы не хотите получать знания?

— И зачем они мне? Вот у вас знаний полная голова, а сколько вы получаете?

— Около двадцати тысяч рубликов в месяц.

— Хи-хи. Мне этих денег на один завис в ночнике не хватит.

— Узко, очень узко мыслите, девушка. У вас в группе двадцать пять человек. За мою подпись в зачётке, каждый из вас заплатит по сотенке зелёных. В итоге — две тысячи пятьсот. И ведь это только с одной группы. На эти денюшки уже через годик я спокойненько махану за бугорок и буду там безбедно жить-поживать.

— Зачем же уезжать от такой халявы?

— Так ведь опасно жить среди таких умников, как вы, Рябинина. Дипломированный специалист без знаний — поопасней обезьяны с гранатой будет.

Едва мы вошли вслед выпорхнувшей студентки, как я сразу понял, что пришли мы зря. За преподавательским столом сидел мужичок ростом с Юлия Цезаря (около полутора метров) и, судя по всему, его ровесник. Ничего общего с нашим высоким бойким молодцом. Понял это и Алик, мгновенно исчезнув.

— С хвостом? — профессор уставился на меня, как вампир на жертву. Я, на всякий случай, потрогал себя сзади.

— Нет. — Уверенно отчеканил я. — Хвоста не имею.

— Так чем, в таком случае обязан, господин заочник? И вообще... Не поздновато ли взялись за науку? Или деньги ляжку жгут?

— Ляшку мне жгут не деньги, а вот это, — я положил на стол визитку, — ну, прямо припекает... Не припомните, кому вы её давали? Потерялась она. Вернуть бы надобно.

Яков Моисеевич попытался встать, но снова рухнул на стул. Глаза его округлились ещё больше и стали напоминать две жёлтые ранетки, попользованные червяками.

— Э-э... Это перебор даже для заочников, — судорожно глотнув несколько порций воздуха, вымолвил, наконец, историк, — да я этих визиток за неделю раздаю десятка по два.

— Но...

— Никаких «но»! Идите с Богом. Идите. Не тратьте попусту своё и моё время. Время — деньги!

Мария сидела у подъезда на той же лавочке, где я поджидал после обеда Алика.

— Ну, куда тебя опять унесло? — укоризненно глянула на меня жена. — Девица тут какая-то подъездом нашим интересовалась. Сижу здесь, тебя поджидаю, а она зашла, поднялась до последнего этажа (я по звуку шагов слышала), а потом вернулась. Спрашивает меня, мол, из этого ли я подъезда и не находил ли кто из жильцов, визитку.

— А как она одета была?

— Да обычно. Джинсы... Рубашка мужская... Светлоголубенькая.

«Так это же тот тип, который крутился у нашего дома и которого я принял за представителя секс меньшинств. И вчера в подъезде... Это же был он... Или она?»

— А ты уверена, что это был не парень?

— Да, что ж я бабу от мужика не отличу?

С высокого каменистого берега было видно, что корабли Марка Клавдия Марцела отступили и выстроились в прямую линию на расстоянии, недоступном для подъёмных машин Архимеда. Теперь он был лишён возможности, вздёргивать суда за нос и топить их кормой вниз. Однако, это ничего не означало. Очевидно, что с рассветом подойдёт подкрепление, и штурм возобновится. И вот, с восходом солнца, кораблей в море было уже вдвое больше. Стало понятно, что подъёмные машины осаждённых просто не успеют справиться с таким количеством неприятеля. Римляне начали выстраивать сдвоенные квинкверемы, снаряжённые осадными башнями, в линейный строй. При одновременном подходе к береговым укреплениям, вероятность успеха увеличивалась.

Архимед снял с шеи цепочку, на которой висела маленькая шкатулочка. И вот в его руке сверкнуло на солнце маленькое чудо. Продолговатый камень с шестью вогнутыми гранями, разной глубины вогнутости. На каждой из них — по десятку совсем маленьких вогнутых зеркалец. Он повернулся лицом к восходящему солнцу и прижал камень ко лбу. После минуты неподвижности учёный вдруг резко упал на спину, словно от сильного толчка. Тут же вскочив, он аккуратно вставил шестигранничек в центр большого вогнутого зеркала. Там находилось продолговатое отверстие, сделанное точно по камню. Лучи солнца, коснувшись этой конструкции, вдруг стали воспламенять воздух позади строя судов. Архимед слегка наклонил зеркало, и точка воспламенения скользнула по сооружению из сдвоенных кораблей. В ту же минуту обе квинкверемы вспыхнули единым пламенем. Старец повёл своим страшным оружием вдоль морского строя и корабли, парно и поодиночке начал охватывать пожар. Через несколько минут на рейде полыхало уже три десятка римских судов. На оставшихся вёсла взметнули пенную волну, и с небывалой скоростью осколки гордости римской империи помчались к горизонту. Их сопровождал ликующий рёв воинов, обороняющих берег. Во славу Архимеда и Карфагена...

Этот рёв и разбудил меня. Он оказался рёвом старого «жигулёнка» с про-

горевшим глушителем. Его хозяин остановился на пару слов с одним из жильцов дома, как раз под моим окном.

Лёгкий утренний ветерок, и густые облака на небе — всё сулило отдохновение от зноя. Я возвращался из магазина с двумя булками хлеба, в хорошем настроении, смакуя подробности очередного сна. Подходя к дому через парковочную площадку, вдруг сообразил, что почему-то не двигаюсь, а стою за припаркованной «газелькой» и осторожно посматриваю в сторону собственного подъезда. Уразумев, наконец, что меня напрягла голубенькая рубашечка — в домике на детской площадке я похвалил себя за наблюдательность на автопилоте. Скрывшись за машиной, позвонил Маше, попросил осторожно меня встретить.

— Молодец, — одобрила жена, — я в окно вижу, как она наблюдает за нашим подъездом уже минут двадцать. Будешь за ней смотреть?

— Полагаю, что с минуты на минуту, эта дамочка уйдёт. Твоё мелькание её настрожит. А вот куда она подается — посмотрим.

Сразу после отбытия Маши я позвонил Алику. Он только что, доставил пассажира в соседний двор.

Ждать нам с Аликом пришлось недолго. Синяя рубашка, вышла из домика и, пройдя вдоль подъездов, скрылась в переулке. Вскоре мы поняли, что девица двигается по знакомому нам маршруту, в сторону филиала Московского института.

Я не спускал глаз со знакомой фигуры и удивился, что сразу за перекрёстком, мы зачем-то остановились. Оказалось, что мы нарвались на промысловую бригаду из двух гайцев. Один из них, радостно помахивая своей палочкой, приблизился к опущенному стеклу водительской дверки.

— лейтенант Корыто, — чётко представился мент. — Предъявите документы. Почему нарушаем? Едете как на гужевой повозке, создаёте неудобства, аварийную обстановку.

— Виноват, командир, — покорно промямлил Алик, — там, в правах — мои извинения...

— Ты пенсионер, что ли? — удивился страж дорожного порядка.

— Да, ещё нет, — растерянно завертел головой мой сосед.

— А чё извинения-то такие невнятные? — нагло улыбнулась физиономия под форменной фуражкой.

— Так я ведь...

— Чиво, чиво! — возмутился представитель органа госвласти. — А ну, вышел из машины, гастроб засушенный.

В эту минуту на красный сигнал светофора проскочил голубенький кабриолет с ослепительной блондинкой за рулём. Каким чудом, каким чутьём просёк эту ситуацию наш лейтенант — останется вечной загадкой. Вероятней всего, профессиональная интуиция мгновенно уловила разницу между финансовым потенциалом таксиста и хозяйки этой шикарной игрушки. Он мгновенно, кинув на колени малоценки документы, кинулся, чуть ли не под колёса, модного авто. Алик торопливо включил скорость, а я... А меня охватило оцепенение. «Где? — лихорадочно вертелось в мозгу. Где я видел эту красавицу — блондинку? Боже правый! Да ведь она как две капли воды похожа на... Да, да! На ту — с берега Средиземного моря! Из сна...»

— Ты чего, Артур? Лейтенантской звездой ослепило? Где эта наша девичка?

— Успокойся, Алик. Мы её потеряли.

В это время нас медленно обогнал голубой кабриолет, и дама за рулём, повернувшись к нам, приветливо помахала ручкой, как старым знакомым.

— Слушай, Артур! Это твоя такая знакомая? — брови моего соседа удивлённо поползли к верхней части лба.

— Да. Это моя любовница, — небрежно буркнул я.

У моего собеседника перехватило дыхание. Он, выпучив глаза, завертел головой и остановил машину.

— Если эту кабриолетку подарил ей ты, то почему ты живёшь со мной на одной площадке, а не в коттедже «бедняцкого» посёлка? Если ты не дарил ей этой машинки, то, как она стала твоей любовницей?

— Это длинная история, Алик. В ней действительно много странного и нереального. Я расскажу тебе её, как-нибудь под коньячок. А сейчас видишь — вон из кафешки-мороженки выходит наша девочка. Ты уж постарайся больше не потерять её из виду.

В знакомом коридорчике ничего не изменилось. Только стулья были переставлены к другой аудитории. Дверь в ней не закрывалась, кажется, вообще, и мы отчётливо услышали, как профессор отчитывает кого-то в диапазоне гневных интонаций:

— Скажите мне, сударыня, где вы воевали? В Чечне, а может в Цхинвале геройствовали?

— Да, о чём вы, профессор? Какая война? Откуда?

— Вот и я о том же думаю. Только вот, где вас так безнадёжно контузило? Ведь даже, если при рождении Господь вырешил вам пару миллиграмм мозга, то отшиблен он у вас напрочь. Оставить визитку на месте оперативных действий! Видимо, эти ребята — тоже не из гениев. Пришли на разборки ко мне, а не в ментуру обратились. Я не удивлюсь, если вы, сударыня, притащите их за собой сюда. А может уже притащили? Может, у меня уже должна возникнуть головная боль на тему их ликвидации? Так учтите, милая! Это будет ваша забота!

Мы с Аликом переглянулись и, не сговариваясь, решили не становиться ничьей головной болью.

— Похоже, что этот дедушка зарабатывает себе на жизнь не только студенческими зачётками, — задумчиво обмолвился мой сосед, когда мы отъехали от альма-матер нашей знакомой пару кварталов.

— Серьёзные люди, — согласился я. Только вот совершенно непонятно, как и почему ты стал объектом их внимания?

— А уж мне-то, как совсем ничего не понятно...

Полуденный зной середины июня чуть смягчался лёгкой свежестью, веявшей от залива Золотой Рог. Каким-то непостижимым образом я понял, что это дворец византийских императоров. Судя по всему, это был тронный зал. В него с трёх сторон вели двери из слоновой кости, задрапированные пурпурными шёлковыми занавесями. Стены украшены драгоценными металлами, полы застелены коврами. В глубине зала на трёхступенчатом возвышении, между двумя статуями Виктории располагался трон, покры-

тый золотом и драгоценными камнями. Над тронном — золотой купол, покоящийся на четырёх колоннах. Позади трона виднелось три бронзовых двери, ведущие, видимо, во внутренние покои.

Михаил восседал на троне, как всегда, величественно, но выглядел он утомлённо. Чувствовалась усталость похода, который пришлось прервать из-за страшной вести. Склонив голову к плечу, прикрытому пурпурной мантией, император слушал, стоящего каменной статуей у подножия трона, адмирала ромейского флота патрикия Никиту Орифа.

— Нет, василевс, сдавать город я не собирался. Но и оборонить его от варваров был не в состоянии. Армия ушла с тобой, греческий флот отправился к Криту, на борьбу с пиратами. Оставшаяся часть стражи численностью в тысячу воинов, явно не смогла бы противостоять восьми тысячам хорошо вооружённых руссов.

— Почему они не пошли на приступ?

— С моря город неприступен. А высаживать полновесный десант и выстраивать его на осаду злодеи не решились. Видимо из опасения, что попадут в западню к нашему сорокатысячному войску. Им неизвестно, что в городе нет. Однако, вылазки варваров становятся всё более смелыми и всё более жестокими. Счасуначасони поймут, что Константинополь беззащитен. Потому и воспользовались сигнальными башнями, чтобы оповестить тебя.

Император задумался, затем движением руки дал знать адмиралу, что он свободен. Непривычная для весёлого нрава Михаила, задумчивость охватила монарха. Затем, видимо вспомнив о неумолимости времени и бедствия, он вздрогнул, стремительно поднялся и, столь же стремительно вышел из тронного зала. Через широкую аллею, окаймлённую колоннами, через обширные портики для дворцовой стражи и просителей, он подошёл к двухстворчатой бронзовой двери. Когда её закрыли за ним слуги, неожиданно наступила тьма. Всё исчезло. Но через мгновение тусклый свет свечи освещал уже небольшое скромно убранное помещение. Снаружи было видно, что это часовенка возле Валхренской церкви, вблизи залива Золотой Рог. У небольшого алтаря тихим голосом беседовали двое мужчин. Один из них, в одеянии верховного патриарха Византии, другой — высокий, крепкий, с волевым лицом — вельможа. Его властный взгляд мог посоперничать со значимостью взгляда самого императора.

— Увы, Великий Патриарх Фотий! Возвращение императора ничего не изменило. Через час-другой варвары пойдут на штурм беззащитного города. Дальше будет то, что сейчас за стенами. Жесточайшая резня и полный разгром главного города империи.

— Что предлагаешь ты, кесарь Варда?

— Необходимо чудо.

— Но я не чудотворец.

— Ты хранитель омофора Божьей Матери. И ещё.... В этом храме хранится камень Архимеда.

— Где твоя последовательность, кесарь? — усмехнулся священник. — Божья Матерь — символ и оплот новой веры, Архимед же был язычником.

Воин, убивший Архимеда при штурме Сиракуз, снял этот камень с шеи старого идолопоклонника. Он поклонялся ему как иконе...

— Смени гордыню своей веры на благоразумие фактов. С помощью этого камня старец сжёг римский флот. И если бы не его случайная смерть, финал Второй Пунической войны, мог бы быть другим.

— История не терпит предположений. А воспользоваться святыней из ковчега возможно лишь с ведома императора. О посланнике с небес, который ты называешь Камнем Архимеда, в империи знают лишь три человека. Ты, я и василевс. О месте его хранения знаю лишь я. Ну, и вряд ли будет польза от обращения одной рукой к нашему Богу, а другой — к греческим богам, истинность которых отвергает наша вера.

— Скорей всего этот пьяница снимает усталость от похода добрым вином из своего погреба, в компании циркачей на ипподроме. А время не терпит. Надо вскрывать ковчег со святынями и просить защиты у Спасителя. Это сделаешь ты. А я обращусь к богам Архимеда.

— По моим сведениям, император будет в храме с минуты на минуту. Мы помолимся Богу и попросим помощи, а ты попробуй обратиться к камню. Он спрятан...

Дальше расслышать ничего было нельзя. Фотий наклонился к уху кесаря и что-то долго говорил неслышным шёпотом.

У алтаря Влахеренского храма Божьей Матери, патриарх и император беседовали уже второй час.

— Откуда пришла к нам эта великая беда? Где, в каком тёмном углу обитает столь великая жестокость? Какой верой поощряется убийство грудных детей, матерей, стариков? Чего хотят эти нелюди?

— Эти люди, василевс, пришли к нам из-за моря. Двести кораблей — не флот, а восемь тысяч копий — не армия. Пойти такой силой на империю, которой подвластно полмира, по меньшей мере, безрассудно. Окажись наша армия на месте — исход сражения решился бы в минуты. Всё это говорит о невысоком уровне рассудка их вождей. Слабость рассудка указывает на крепость, почти необратимость веры, которая столь непримирима к иноверцам. Желание у них одно — разграбить город. А оставшихся в живых взять в полон и продать в рабство.

— Как можно спасти город и империю?

— Ты, василевс, спрашиваешь о защите нас Богом?

— Увы. Как не пытаюсь, других средств не вижу.

— Что же. Святое писание и предупреждение апостола Фомы не поощряют обращение к святыням, по делам ничтожным. Сегодня же, решается судьба народа и страны. Пора нам совместно открыть ковчег. Обратимся к Божьей Матери за защитой и помощью Божьей.

Вечерело. Фотий и Михаил, под охраной воинов, подошли к заливу. Патриарх в молитве обратился к Божьей Матери с просьбой о защите от варваров. Затем они зашли по колено в воды залива и опустили на гребешки волн омофор Богородицы. Ещё час священник и император молились у моря. Оно оставалось спокойным.

Спустя ещё час дядя императора (брат его матери) Варда в полной темноте спустился к морю. В его правой руке крепко зажат небольшой каме-

шек с множеством маленьких вогнутых зеркалец. Обратив свой взгляд к небу, к бесчисленным звёздам и созвездиям, он вдруг почувствовал, что помимо воли произносит слова, до ныне неведомые ему: «О, Великий Космический Разум! О Великий Пламень Вселенной и Времени! Помоги! Не дай погибнуть моей стране, моему народу!»

Не понимая, почему, его рука опустилась в воду, так, чтобы Камень едва касался солёной влаги, а другая поверхность была направлена на какую-то маленькую яркую звезду. Вдруг из этой звезды мелькнул яркий луч и исчез в глубинах космоса. И тут же подул ветер. Он становился всё сильнее и сильнее. Вот уже от его порывов устоять на ногах невозможно. Море вспенилось, огромные волны уносили в море корабли варваров, опрокидывали их, и они тонули в пучине без следа. Сколько из них остались целыми и вернулись к родным берегам — никто не знает. Утром у берегов города не было ни одного корабля руссов.

И снова тронный зал. В счастливом удивлении император и патриарх. Чуть в стороне, за ними насмешливо наблюдает кесарь.

— Просто необходимо, василевс, обратить этих наших заморских соседей в нашу веру.

— Но они очень верны своим богам, — нахмурил брови монарх.

— Подготовим из лучших людей империи миссионеров, сделаем доступными для варваров святыне книги — и решим нужную нам задачу, — задумчиво произнёс Фотий. — Из наших врагов в нашу подчинённость.

— Есть и другие способы поменять веру руссов, — усмехнулся кесарь.

— Какие же? — спросил Михаил.

В ответ неожиданно зазвенел ненавистный будильник.

День за днём Мария всё больше стала участвовать в нашем деле, свалившимся нам на голову непонятно откуда. Пока я пару дней отдыхивался от очередного сеанса химиотерапии, супруга наводила справки о нашем странном профессоре. Среди её сокурсников по институту культуры нашлось несколько человек, так или иначе, связанных с антиквариатом.

— Знаешь, Артур, он известный человек. Его знают многие из тех, с кем я встречалась. Одни считают, что он связан с чёрными копателями, другие видели его на аукционе старинных картин, а кое-кто уверен, что его страсть — нумизматика.

— С таким наличием поисковых факторов скорей узнаешь всю подноготную президента, чем хоть что-то об этом старичке.

— Есть одна зацепочка, — задумчиво произнесла Мария. — В инете я вычитала, что этот профессор в соавторстве с неким Соломиным опубликовал статью о крушении Византийской империи.

— Ну, и что? К нам-то это как касается?

— Я тоже изначально не обратила внимание на этот факт. Но фамилия что-то напоминала. И я вспомнила. Директор школы, в которой учился наш Сергей, тоже был Соломин. Аркадий Викторович. А соавтор нашего Якова Моисеевича — Соломин Василий Аркадьевич. Похоже, сын. А ведь вы с Аркадием были дружны. Даже на рыбалку вместе хаживали. Поговори с ним. Может, познакомит с сыночком. Глядишь, в разговоре и получим какую-нибудь информацию о загадочном соавторе — профессоре.

Что-то знакомое было в фигуре дворника, подметавшего пешеходную дорожку. Однако, торопясь к своему старому знакомому, я прошёл мимо.

— Артур, чего не здороваешься? Или забогател?

Я оглянулся и в форме коммунального дворника разглядел Аркадия. С минуту я пытался осмыслить увиденное, но в голову ничего не приходило.

— Да, не удивляйся ты так. В наш век и не такое можно увидеть.

Мы присели на ближайшую скамейку, и мой старый знакомый поведал мне свою историю:

— Год назад я стал получать некие странные намёки от своих коллег о том, что в школе действует какая-то мафиозная структура. Напрямую никто ничего говорить не хотел. Наконец, учительница физики сообщила мне на тайном свидании вне школы, в магазине хлебных изделий, нечто странное. Мол, если завтра в течение первого урока я посижу тихонько в лаборантской физкабинета, то после урока смогу услышать нечто интересующее меня. Урок был интересным, пролетел незаметно. И когда из кабинета вышли все, услышанный мной диалог поразил меня, как громом. Говорили двое. Учительница физики и Максим Хорошев, учившийся второй год в восьмом классе. Я сразу узнал его по хриплому голосу и манере употреблять словечко — паразит. «Вот этим пацанам всем завтра поставишь пятёрки, блин, ну или четвёрки». «Но они все двоечники! Какие пятёрки!» — возмутилась учительница через несколько секунд, видимо, после прочтения списка. «Ты чё, корова! Не поняла? Тебе твою дочку не жалко, блин? Да ты и сама ещё ничего, блин...» Ну, я выскочил из своего укрытия, сгрёб молодца за шиворот и вытряхнул из него все тайны. Оказывается, оценки он со своими тремя дружками продавал за деньги. Хочешь иметь пятёрку по математике или другому предмету — плати пятьдесят рублей. Четвёрка стоила тридцатку, тройка — двадцатку. Учителя, кто запуган, кто под шантажом. В школе около шести сот учеников. Минимальная прибыль от их бизнеса составляла не менее трёх тысяч рублей в день. Я вызвал родителей поборщиков и сообщил им, за что их дети будут исключены из школы. Всё кончилось судом. На нём детишки были признаны невинно оговорёнными. А признания свои они написали под побоями директора. В итоге условный срок и запрет на занятие учительством на три года».

Всё! Всё отставилось, отодвинулось, приостановилось. Прищучила болезнь. Чего-то там накрутила с почками, и они стали плохо вырабатывать какой-то гормон. И хотя в принципе это не проблема (искусственный заменитель ему получен и успешно применяется) на практике получить это лекарство в нашем городке, впрочем, и во всей России, не просто. Оказывается, в нашем горздраве никто точно не знает, какими путями, по каким каналам и по чьим распоряжениям препараты по федеральным льготам поступают в аптеки. Да особо-то никого и не интересует, поступают они или не поступают совсем. Ну, кроме больных, разумеется. Этим давно уже никто не возмущается и не удивляется, так как у нас ныне страна людей, тщательно оберегающих своё спокойствие и стабильность. После безуспешных попыток пробить что-либо в городе, позвонил в облздрав.

— А в областной центр вы можете приехать за этим лекарством? — бойко прозвучало в ответ.

— Когда и куда ехать? — растерянно осведомился я.

— Так вы можете приехать или не можете?

— Могу, — твёрдо отчеканил я, вспомнив, что мой друг и сосед рулит по городу и не только по нему на своей «тачке», и наверняка не оставит меня в беде.

— Ну, так приезжайте к нам в сто сорок пятую аптеку и получите там свой «Рекормон». Он у вас бета и две тысячи единиц?

— Да.

— Ну, вот и ладушки.

— Ты знаешь, Артур, лучше бы они послали тебя за этим лекарством в преисподнюю. Я бывал в районе этой аптеки. Дороги нет совсем. Одни ямы. Глубиной в полметра и более.

— Хм... А где они есть — эти дороги? Оно, конечно, все ямы России давно уже можно было бы полностью засыпать денежками, щедро выделяемыми нашими правителями из того, что собирают налогами с населения, да с распродажи запасов наших недр. Но дураков у нас нет. Кто же живые деньги, да в яму? В карман-то оно сподручней. А досмотреть некому. Вот только жёны министров да депутатов почему-то всё богатеют и богатеют.

— Ты вот что, Артур. Ты не митингуй. Раз надо — прорвёмся.

И ведь, в самом деле — прорвались. Но, оказывается, зря. Потому, как аптекарша, просмотрев рецепт, брезгливо отодвинула его нам обратно.

— Крайздрав договаривался со мной про бета рекормон, а у вас в рецепте — альфа и дозировка другая. Ну, в общем, до свидания и, как говорится, счастливого пути!

— Слушай. Чем они думали, когда писали этот тугамент? — возмущался мой друг, свирепо вертя баранку между дорожными ямищами.

— Ах! Алик! Где, кто и каким местом у нас ныне думает? Ответов и виноватых — как у змеи ног — не найдёшь.

Потом был другой рецепт, и другие поездки по областной нашей столице и, в конце-концов — победа. Вот только всё настойчивей, почему-то, стало вспоминаться высказывание Якова Моисеевича про дипломированных специалистов и обезьяну с гранатой...

А жизнь катилась по своим рельсам, проложенным то ли самими людьми, то ли какими-то высшими силами. Кстати сказать, никто более на гараж и квартиру моего соседа не покушался, а история с визиткой и её **НОМИНАЛОМ** стала казаться нам с Аликом забавным анекдотом. Только вдруг...

— Ты, однако, в аварию угодил? — удивился я, глядя на опухшие нос, губы, на фиолетовые фингалы под глазами, на согнутую болью фигуру моего соседа.

— Это, пожалуй, покруче будет, чем авария, — невесело скривил разбитые губы Алик, — сильно покруче. На пустыре между Черёмушками и городом, подрезает меня четырнадцатый жигуль. С иголки. Не иначе, как только вчера с завода. Прямо огнём краска сверкает. Понятно, испугался. И обрадовался. Что успел остановиться, не вмазался в эту красоту своим старым корытом. А из этой машинки вывалило пятеро джигитов под два

метра ростом, выдернули меня из моей старушки — «Тойоты» и начали, молча со мной забавляться, как волейбольным мячиком. Потом один из них, взяв меня за шиворот, как пацана или щенка, прогудел мне в ухо, что мол, камень отдашь завтра, когда за ним придут. А не отдашь или про ментов вспомнишь — с детьми своими простишься навсегда. Я не успел, да и не смог спросить, какой им камень понадобился. Заскочили они в свою красотку и умчались, как ветер.

— Ну, камешек им нужен, скорей всего, не щёбёночный. Ты повспоминай бы, дружок, как следует. А не было ли каких странностей в твоём ближайшем прошлом? Может, встречался с кем, может, отдавал тебе кто-нибудь, что-либо? Может ещё, какие приключения случались?

— Да, был нынче весной один случай, — после некоторого раздумья промолвил сосед. — Подливаю я незамерзайки в бачёк омывателя в своём гараже. Вдруг заскакивает мужик. Такой приупакованный весь и тяжело дышащий. Вроде как бежал, не то быстро, не то долго. Говорит: «Нет ли у тебя, дяденька, попить чего-нибудь?» Ну, понятно, что в гараже у меня и попить, и выпить — всегда, пожалуйста. Достал я из старого своего гаражного холодильничка поллитровочку пивка. Так он её всю опорожнил, оставил на крыше машины сотенную и смылся. А через полчаса ментовская машина, а потом скорая, провыли невдалеке от гаража. Ну, любопытства ради, подошёл. А там тот мужик с дыркой во лбу прямо на дороге валяется. Никому я тогда не сказал, что был он у меня прямо перед своей кончиной. Чтобы не таскали менты. Да и повесить смерть этого несчастного могли на меня. У них это запросто...

— Где сейчас твоя машина?

— Так в гараже. Поставил. Не работник я сегодня.

— Пойдём в гараж.

— Да, мне прилечь надо бы.

— Пойдём, соседушка, пойдём. Успеешь ещё, належишься...

Я попросил Алика привести всё в тот вид, какой был в тот момент, когда к нему пожаловал незнакомец, в последствии убитый. И вот капот открыт, пробка бачка омывателя отвёрнута.

— Снимай бачёк и выливай всё из него, — ткнул я пальцем в ёмкость для обрызгивания стёкол.

— Ты с ума сошёл, Артур. Зачем? Я только вчера долил туда незамерзайки. Она, между прочем, денег стоит.

Наконец жидкость из бачка вылита в полтарашку из-под пива. И тут глаза моего соседа начали округляться. На дне забрякала какая-то штучка. Её вытряхнули мне на ладонь, и в свете электрической лампочки сверкнули серебром маленькие, чуть ли не точечные зеркальца на вогнутых поверхностях камешка, величиной с голубиное яйцо. Я сразу понял, что уже видел его. Во сне. В руках Архимеда...

— Да, Вы правы, Артур, — раздался у меня за спиной знакомый голос. — Это тот самый — Небесный Камень.

Я оглянулся. Рядом с нами стояла она. Та самая. Из сна и из кабиолета. У Алика явно подкосились ноги, и он рухнул на гаражную табуретку, счастливо оказавшуюся сзади него. Отвисшая нижняя челюсть и выпученные

глазищи говорили о предшоковом состоянии. Видимо, и у меня вид был не лучше, так как я, попытавшись, не смог сказать ни слова.

— Да, успокойтесь, мужики, — весело рассмеялась гостья, — через пару минут я исчезну. Отдайте мне вашу находку. Её стало опасно оставлять у людей. Слишком велика у них жажда наживы. Ради её утоления они стали способны переступить через свою совесть.

Она протянула руку, и я покорно опустил на её ладонь космический подарок.

— А я? Что будет со мной? С моими детьми? — пробормотал Алик. — Всех поубивают, если я не отдам эту штуку.

— А вы отдайте, — снова засмеялась пришелица, и в другой руке у неё появился точно такой же камень. — Вскоре после отдачи он просто исчезнет, как исчезла стодолларовая купюра из кошелька того гайца, что останавливал вас, когда вы следили за помощницей профессора.

— Скажите, кто вы? Инопланетянка? — с трудом выговорил я.

— Да, нет. Я просто частичка энергии вездомного разума и, по совместительству, ваш Ангел — хранитель. Однако, мне пора.

— Пойдите! — Взмолился Алик. — Профессор не отстанет от меня.

— Отстанет, — усмехнулась красавица. — Он завтра вылетает в Чили. Там его поджидают с Небесным Камнем наследники и хранители тайн анербе. Увы, всем придётся разочароваться друг в друге. Прощайте! Заканчивайте рассказ и отдавайте в печать, — улыбнулась она мне. — Пусть люди оценят себя. В прошлом и нынешних.

И она исчезла, словно её и не было. Вместе с камнем Архимеда, оставив в руке Алика то, что должно было исчезнуть после отдачи.

Об авторе

Родился в 1946 году. Живет в Алтайском крае, село Павловск Павловского района. Как многие его сверстники, с пятнадцати лет пошел на производство. Среднее образование получил в вечерней школе, а высшее — заочно. Служил в армии в войсках ПВО в Каракумах. Более двадцати лет проработал в системе образования. Занимался журналистикой. На пенсии начал увлекаться литературным творчеством. Публикации на сайте альманаха «Мой Алтай», проект «Русское поле» и в журнале «UNZENSIERT» №2.

Татьяна Левченко

Домик у заставы

I

Рядом с площадью Городской Заставы, где над древним кварталом нависли высотки из красного кирпича, затеяли очередную стройку. Огородили пустырь, согнали технику, поставили охрану. И словно не заметили, что внутри — дом. Одноэтажный, в пять окон с каменной вязью наличников, над ними слуховик в ажурных завитках. Настоящий восемнадцатый век. Яблоня с ороговевшей от старости «слоновьей» кожей укрывает крыльцо, выветренный столбик коновязи наполовину врос в асфальт.

Домик отселён, но снос не намечался. Начальник участка Иван Данилыч Сеницын присмотрел его под строительный штаб. Электричество подключили, а на отоплении Сеницын решил экономить. Хоть и октябрь, но дни тёплые, парные. Годных на дрова поддонов от кирпича в избытке, в домике же настоящая печка-голландка с чудом уцелевшей медной вьюшкой и стёртым кафелем голубоватых изразцов — замыкает угол бывшей гостиной.

Печка нарядная, однако, дымит. Сеницын упросил бригадира каменщиков Сазонова, по халтурам часто клавшего камин, посмотреть её. Тот сразу шагнул в комнату за печкой:

— Вишь, какое дело... Надо стену простукать. Обороты дымоходов заложены либо засорены. Чтоб красоту не портить, Данилыч, давай мы зеркало печи немного подразберём да посмотрим, отчего нет тяги.

Сеницын согласился. Каменщик фомкой своротил фанерные панели. Дальше, за обоями, оказались лохмотья старинной тканевой обивки. Содрали — и в кирпичной стене явились на свет кованые створки до пола с маленькими скобками ручек, в заклёпках по краям, без малейших следов ржавчины. Сазонов растерялся:

— Да не может этого быть! Так печи не кладут.

Иван Данилыч коснулся ручек. Словно электричеством кольнуло — что за штука, может, клад...

Сазонов, жалеючи, тронул кирпичную кладку:

— Хороши камешки. На дачку, в баньку.

Сеницын погрозил пальцем:

— Вот что, братья-строители... — закашлялся, перевел дух и, взяв себя в руки, чересчур бодро закруглил: — День рабочий на исходе, а возни немеряно. Оставляем, как есть, до утра, — и, глядя на растерянного каменщика, тихо и вкрадчиво велел: — По домам!

Спорить с Синицыным не стали, ибо чревато, только фомку Сазонов досадливо бросил на пол.

Спровадив любопытных, Синицын выжидал. Перекладывал бумаги, долго невидяще пялился в принесённый на подпись план землеотвода. В угловом штампе нашел: «инженер-геодезист Е.И.Тучкова». Его, что ли, Катька? Вольнонаёмная в инженерных войсках, где служил Синицын. Вряд ли, сколько лет прошло. Эх, если б всё вернуть... Чтоб не думать, не глядя, широко подмахнул лист и захлопнул папку, бросив на стол.

Еще раз осмотрел кованые пластины. Хотел втиснуть фомку — бесполезно. И ни следов замка. Видно, изнутри закрыто. Иван Данилыч усмехнулся — глупость, это ж печь. Ненароком глянул в дворовое окно, а там, на выезде с территории, моет колеса «ГАЗ-66». За бампером «шишиги» лебёдка. Синицын пулей выскочил наружу..

Шофёр подогнал грузовик. Синицын изнутри распахнул окошко, командовал:

— Подавай трос, я закреплю. Когда скажу, стопори лебёдку, резко трогайся и тут же тормози. Понял?

Иван Данилыч аккуратно зацепил крюком кованую скобу и, подойдя к окну, дал отмашку. Взревел мотор, трос натянутся и провис, обе створки разом распахнулись... Синицын смотрел и не видел — не было отверстия печной вьюшки. Был коридор. И с двух его сторон мерцали повёрнутые под сорок пять градусов зеркала, делая темноту серебристо-бесконечной.

— Дальше-то что, Данилыч? — крикнул водила.

Синицын отцепил трос, поспешно выкинул в окно:

— Всё, спасибо! Бывай!

Чтоб проверить себя, заглянул в большую комнату. Печь в изразцах цела, вьюшка открыта. Вернулся... И замер от неожиданности да, чего скрывать, от знобкого страха.

Из глубины мутно-зеркального провала медленно надвигалась, семена ногами, как по льду, странная мужская фигура, разряженная в бархатный тёмно-синий кафтан, зелёный атласный камзол с желтыми павлинами и тёмно-красные панталоны. На ногах у чудика были остроносые башмаки с пряжками, в переливчатых зеркальных осколках. И он всё время кивал Синицыну — бледный, невзрачный, страшноватый такой. Поравнявшись с распахнутыми створками, сделал неглубокий поклон, глянул в глаза:

— Честь имею представиться — Матвей Артамонов Перевощиков, мещанин. А также, волею судьбы, привратник зеркального коридора.

Ивану Данилычу стало бы дурно, не выдержит взгляд. Но он устоял, удержался, и даже, вроде, кивнул в ответ. А тот, кто назвался Перевощиковым, приглядевшись, вдруг нелепо бухнулся на колени, глухо стукнув в деревянный пол:

— Иван Данилыч! Отец родной!

Хорошая злость и нелепый вид распростёртого у ног его человека окончательно вернули мужество.

— Это что за клоунада! Встаньте немедленно! — Перевощиков не отвечал. — Да я... я охрану, милицию позову! Как не стыдно, взрослый человек! Откуда вам известно, как меня зовут?

Первошиков поднялся с колен весьма довольный, хотя в глазах стояли слезы:

— Премного благодарен, что вскрыли коридор. Вы, верно, не тот Иван Данилыч. Но похожи безмерно. И, раз получилось, значит — право имеете. Так будьте же спасителем моим.

Синицын, не отвечая на мольбу и не вступая в коридор, все же перегнулся за порог, глянул внутрь, спросил хмуро:

— Что тут за зеркала?

— Отражатель времени. Проклятие моё. Вычислил я путь, а сам испытать побоялся, только вошел в зеркала. Тогда приятель, капитан-поручик Синицын, вызвался пройтись коридором. Ему-то что — с турецкой ледащим вернулся, нога увечная сохла. И сгинул. А меня как бог наказал — оставил запертым навеки. Домик-то был мой, а две светёлки в найме у вдовы, штаб-майорши Анны Захаровны Тучковой с дочкой Катериной.

Синицын от неожиданности вздрогнул:

— Где они?

— Да там же, в своём времени живут, при матушке императрице... Вот увидал вас, и подумалось — верну Синицына домой, и мне послабление выйдет. Я ведь знаю, что давно покойник. То место, откуда ушел, вижу как сквозь стекло, не вернуться мне. В несусветном виде тащуся в будущее, а зачем...

— И видели всех прошлых жильцов?

— А как же! Бывало, и они меня... пугались. Но коридор вскрывали только раз, тому лет пятьдесят. Налог ввели на животину, и жилец, сообразив всю тайну, удумал перейти туда с коровой. Она-то минула коридор, а хозяина на пороге удар хватил. От жадности, видать, что не всё с собой взял... Иван Данилыч, полуштоф мне поставишь? Пристрастился за долгое ожидание. При жизни трезвенником был, а нынче — такая, бывает, тоска накатит, что приходится заливать.

— И где ты это дело берёшь?

— Известно где, у постояльцев. А нынче с весны никто не живет, так что, сам понимаешь...

Синицын вынул из сейфа початый коньяк, щедро плеснул полстакана. Первошиков с благодарностью принял.

Иван Данилыч подождал, подумал, налил себе и выдул одним махом.

— Год-то у вас какой?

— Одна тыща семьсот семьдесят шестой от Рождества Христова.

— Ёшкин-матрёшкин, древний мир... — пробормотал Синицын, быстро хмелея. — Эх, куда деваться... — рубанул по воздуху рукой: — Пошли! — и, следом за Первошиковым, зашагал по тёмному скользкому коридору. Пространство расступалось перед ними.

II

Вроде та же комната. Но обстановка другая — столики на гнутых ножках, зеркальный шкаф, канапе вдоль стен. В простенках зеркала, на подзеркальниках цветы. На полу по углам фарфоровые вазы в золоченой

оправе. Не видно электропроводки, нет и батарей. Синицын колупнул краску — настоящая масляная, на олифе. В центре круглого стола лампа со множеством свечей — не восковых, каких-то еще. На стенах бра по две свечи. Очень тихо — снаружи и внутри. Вынул из кармана мобильник — нет сигнала сети.

А тут из соседней комнаты... позабытый и знакомый Катин голос:

— Матушка, не осердитесь, коли глупость скажу? Мне в сумерках вчера помстилось, что господин Перевошиков из-за печки глянул. Боязно одной оставаться!

Ей ответил другой женский голос, постарше:

— Замуж тебе, Катенька, пора — и мститься перестанет, и тени разбегутся, не до страхов пустых будет.

— Опять вы о прежнем.

— И что же? Платон Ильич не дворянин, так и наш род захудалый. Зато чин не из последних — частный пристав. Стало быть, прибыток надёжный, на бобах не останетесь. Знаешь ведь — деньги, что за тобой были, прожиты, деревенек нет, и скоро окажемся мы в том положении, что за квартиру нечем заплатить.

— Неприятен он мне. Глаза бегают, сам старьёвщиком пахнет.

— Надо же, чего удумала — глаза бегают. Это ты, милая, по насердке судишь, не от доброй души. Да разве я не понимаю! Коли был бы жив капитан Синицын, с легким сердцем отдала б за него, хоть и не богат.

Синицын осторожно глянул в дверь, завешенную тяжелыми портъерами на шелковой подкладке. Начинались сумерки, и первым делом Иван Данилыч обратил внимание на светлое еще окно. Вернее, на то, что было за ним. Вместо многоэтажек — засеянное поле. От городской заставы, двух невысоких столбиков-obeliskов под имперскими орлами, по полю шла грунтовая дорога с узкими глубоко наезженными колеями и мелкими ямками от лошадиных копыт. Возле полосатой будки, прислонив ружьё, простоватого вида мужичок в допотопной неопрятной форме шелкал семечки, роняя лузгу. Деревянный шлагбаум с верёвочным коромыслом загораживал путь.

Что ж, Перевошиков не обманул...

В комнате, где недавно Иван Данилыч в одиночестве подписывал чертежи, был теперь, кроме печки, мраморный камин, на комодах фигурки из бронзы, на стенах гобелены. И тут же — потёртые стулья, разбитое стекло, в углу подклеенное бумажкой. Деревянный пол неказист и некрашен. Синицын представил, как в щелях между печными изразцами шевелятся тараканы усы. Приличная бедность.

Бокон к нему за круглым столиком сидели две женщины — пожилая в тёплой душегрейке, худощавая, с твёрдой осанкой и суховатым лицом, и девушка в длинном сиреновом платье с узкой талией, с высокой затейливой прической. В зеркало простенка Иван Данилыч увидел ее лицо. Да, она, его Катя. Такая же, как двадцать лет назад...

Пожилая женщина прихлёбывала из чашки. Стол уставлен розетками со сладостями — вареньем, мёдом, колотым сахаром, печеньем. Пахло тёплым молоком. Синицын вспомнил, что с утра без маковой росинки...

— Ты посуди — ведь я немолода и, по всему, приближаюсь к вечности. Смерти не страшусь, горько тебя оставить в таких годах. Одно твоё согласие продлит мне жизнь. — Катя молчала. Тогда тоном другим, не терпящим возражений, матушка произнесла: — Ну, так знай — я помолвила тебя за Платона Ильича. Ты скоро станешь его женой.

Катя упала матери на грудь, схватила руку, целовала и обмывала слезами:

— Что ж, я всегда ставила законом повиноваться. Я буду счастлива, молитесь за меня!

Мать дала ей успокоиться и тихо сказала:

— Знаю, мой друг. Люби мужа чистой, горячей любовью. Ежели и дурён будет против тебя, сноси терпеливо. Добрый муж даётся для счастья твоего, дурной — чтоб испытать терпение. Но на всякого злодея кротость действует больше строптивости. И не желай другого, хотя б в короне был. Обещаешь?

Катя бросилась пред ней на колени:

— Всё исполню, хотя бы он врагом и мучителем мне сделался!

На этих словах Синицын не выдержал и резко шагнул в комнату:

— Катя!

Обе вскочили, уставившись на нежданного гостя. Анна Захаровна первой пришла в себя:

— Иван Данилыч? Извольте объясниться, почему без приглашения, без стука, и что за лохмотья на вас!

Синицын оглядел себя — рубашка, джинсы и прочее в полном порядке.

— Объяснюсь, — и, удивляясь собственной наглости, спросил: — Чаю нальёте?

Анна Захаровна несколько раз потянула длинную шелковую кисть у двери. Вдали затренькал колокольчик. В дверях показалась ряженая, на взгляд Ивана Данилыча, девушка в сарафане почти до пят, в лаптях и грубом домотканом платке.

— Анфиска, свечи. Ужин, как было говорено, да для гостя всё, что лучшего есть. И наливоч из погребца подай.

Анфиска молча растворилась в темноте, но скоро вернулась с коптящей лучиной, поднося её к свечам на столе и на стенах. Синицын оценил — свет непривычный, но уютный. Явились закуски — жирная до прозрачности сельдь, копченый сиг, лососина, сёмга, ревельские кильки.

— Чем богаты... У самих-то нас по-простому, а с гостями — как полагаются. Анфиска! Уснула? Вторую перемену неси, — и снова к Синицыну обернулась: — Черепуховый суп тортю.

— Из телячьей головы, — рассмеялась Катя.

Синицын грустно озирает похожие на химические колбы склянки с наливками — брусничной, рябиновой, вишнёвой, мятной, грушевой, кардамонной — всё не выпить. А Катя украдкой смотрела на него самого...

— Эх, женщины, мне бы картошечки жареной, с помидорками... Темнота, право слово, ваш восемнадцатый век, — и решительно отставил приборы: — К делу! Я Синицын Иван Данилович, так? Если в этом вы мне верите, позже скажу — где был, как попал сюда. Объясню и это, — показал на одежду. — Не умышленно, но подслушал вас, Анна Захаровна. Что с

лёгким сердцем отдали б за меня Катю. Ваше слово в силе? Что касается меня, я согласен.

— На что вы согласны, милостивый государь? — потерянно спросила Анна Захаровна.

— Как на что? Жениться на Кате! Не пойдёт же она за пристава, воняющего, как старьёвщик... Извините, минутку обождёте? — Сеницын оглядел стол, выбрал наливку позабористой, наложил на тарелку снеди и чуть не бегом выскочил из комнаты. Женщины молча переглянулись.

— Матвей, ты тут? — поскрёбся в кованые створки. Они бесшумно распахнулись, явился Перевощиков. — На, пей. Закусывай, а то развезёт. Быстро расскажи, кто я.

— Иван Данилович Сеницын. Дворянин. Отставной капитан-поручик пионерной роты...

— Какой роты?

— Той, что фортеции строит, мосты.

— Военный инженер? Правильно, кто ж еще! Дом свой есть?.. Ты пей, не стесняйся, еще принесу.

— Дом есть, небольшой, правда. А людишек ты продал, как после замирения с турками вернулся. На лечение, сказал.

— Что ж я не лечился?

— Страсть это одна. Ногу, доктор сказал, по живому будет резать. Ты и струхнул.

— Дела...

Сеницын вернулся за стол:

— Вы про меня тут, небось, обсудили?

— Матушка не велела говорить, но теперь всё одно. Знайте, Иван Данилыч, я пойти за вас согласна... Хотя чувствую, что вы не тот, кого прежде знала. Но пусть и по чужому виду живёте, а для меня нет ближе вашего лица.

— Что ж, принимайте в свои родные, — вздохнул Иван Данилыч.

Праздничный теперь ужин продолжался. Сеницын точно помнил, сколько перепробовал наливок, как вместо картошки наворачивал репу, нажимал на копченого сига, и с каким удовольствием хлебал черепаховый суп из телячьей головы. Когда часы на камине принялись отбивать полночь, Иван Данилыч понял, что при ясной голове ногами пользоваться не сможет. Наливки, вишь! Анна Захаровна снова подёргала шелковую кисть. Явился страшный бородатый мужик, закинул руку Сеницына себе на плечо, крепко обнял начальника участка и повёл в спальню.

— Ты кто? — спросил Сеницын по дороге.

— Прохор я, дворовый человек.

— Крепостной? — Сеницын возмущенно фыркнул. — Завтра же утром всех крепостных — на волю!

— Помилуй, барин, за что! — не на шутку испугался Прохор. — Нешто я их милостям не угодил?

В комнате Сеницын не позволил себя раздеть, чем искренне огорчил Прохора. И от длинного балахона, похожего на женскую ночнушку, а также от клоунского колпака категорически отказался.

III

Утро Сеницын встретил счастливым, каким давно не бывал. В остывшей комнате пахло студёным октябрём конца восемнадцатого века. В окошко лилось прозрачное солнце. Иван Данилыч сделал для сугрева разминку, прошлёпал к окну. Над крыльцом нависала почти та же древняя яблоня.

Прохор растопил печь, принёс горячей воды, полотенце. Сеницын с удовольствием умылся, одел поданный шлафрок. «Ну, точно барин...»

— Пожалуйста завтракать, — поклонился Прохор. «Санаторий!»

Ели молча, как свои. Подали слабенький чай. Анна Захаровна спросила:

— Когда же помолвка, Иван Данилыч? Или ославите нас пред людьми?

— Я от слова не откажусь. Такое, как сейчас, раз в жизни даётся. А ты, Катя, согласна навсегда уйти в мой мир, в совсем другую жизнь? Как матери вчера обещалась?

— Право слово, будто в загробный мир зовёте, — Анна Захаровна мелко перекрестилась. — Неужто возврата нет?

— Если честно — нет. Не увидит Катя ни родных, ни заставу за окном. Вы обе к этому готовы?

— А вы, Иван Данилыч, готовы ли здесь остаться? — спросила вдруг Катя. — Это ведь судьба занесла вас в наш дом. И не зря вы так похожи... на самого себя.

Сеницын усмехнулся, представив начальника строительства разряженным как Перевошиков. Но — удивительное дело! Он почти решился. Ведь там, за зеркальным коридором, ни близких, ни родных, кочевая жизнь... из вагончика в бытовку. А если что со здоровьем? Наркоза тут нет. Что ж, придётся потерпеть. Жалко вот картошку с помидорками — лет двадцать их ждать.

Катя вышла из-за стола, открыла буфет красного дерева, вынула из ящика ключ, большой, ручнойковки:

— От вашего дома. Помните, в последний раз приходили к господину Перевошикову, отдали на хранение. Помните?

— Теперь помню. Скажите, Катерина Ивановна, зачем я вам? Ведь я незнаю кто, а ваш частный пристав — вот он, рядом. Сеница в руке.

— Сеница, — Катя посмотрела Ивану Данилычу прямо в глаза, отчего у того мурашки пошли: — Сеница. А я хочу журавля. Только он в небе.

— Я возьму ключ. Но сначала ненадолго уйду — туда, в прежнюю жизнь. Там живое существо, без меня оно погибнет. Вы согласны подождать?

Катя кивнула.

Сеницын пошептался с Матвеем. Тот колебался. Данилыч закипел:

— Не спорь со мной! Ибо... ибо чревато. Вот!

В конце концов, Перевошиков согласился проследить, чтоб коридор оставался открытым до прихода «капитан-поручика».

Прохладным утром Иван Данилыч вернулся в свой век. Заканчивалась сладкая осень. На вчерашних лужах настыл ажурный хрусткий лёд. Жил Сеницын далеко, на окраине, у новой городской «заставы» с видом на гречишное поле. Когда добрался до квартиры, переложил пару фотографий из

альбома в нагрудный карман. Сунул руку за батарею, пошарил и вытащил то, ради чего, собственно, и возвращался. Крошечную степную черепаху, память детства. В этом году, из-за позднего бабьего лета, она еще не впала в спячку. Оставить её — высохнет, погибнет. Покормил капустой, спрятал за пазуху. «Уж если корова прошла, черепаха подавно проскочит». В прихожей огляделся, присел «на дорожку». Подумал, вывернул карманы — телефон, ключи от дома, машины... Всё аккуратно сложил на тумбочку. Захлопнул дверь.

На шоссе, по дороге к стройплощадке, обогнал и остановился грузовик. За рулём сидел знакомый мастер.

— Данилыч, ты где пропал? Думали, запил. Да ладно, не обижайся, мы ж знаем, что непьющий. Садись! Дела-то как завертелись, а? Везу арматуру четыреста на «стену в грунте».

— Что за спешка, документы ведь не оформлены.

— Ты даёшь, Данилыч! Не по твоей, разве, милости суета? Акт землеотвода визировал?

— Ну...

Въехали на площадку, окруженную забором из профнастила. Иван Данилыч нетерпеливо рванул дверцу кабины... И растерялся, не узнавая место. Там, где был старинный домик, урчал экскаватор, ковшом аккуратно сгребая оставшийся мусор.

— Стройка будущего! — усмехнулся мастер. — Как границы участка определили, заказчик дал команду сносить халупу, задним числом согласует. Въезд тут будет в подземный гараж.

Синицын поёжился от холода. Утром не заметил, как легко одет. Придерживая согревшуюся за пазухой черепаху, Иван Данилыч сел на шершавый комель поваленной яблони. Рядом на земле, среди кирпичной крошки, лежала закипевшая от времени железка. Поднял. Это был старинный кованный ключ. С неба срывались звездочки снежинок. Синицын сквозь рубашку погладил черепаху и сжал ключ так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Об авторе

Родилась в 1966 году. Живет в Московской области. Инженер по первому образованию, затем окончила Литературный институт. Работает в проектно-институте. Публикации — в альманахах «АвторЪ», «Город», в журнале «Сибирские Афины», а также статьи в технических журналах.

Кристина Выборнова

Идеальный мир

— **А** реальность-то полная будет? — недовольно поинтересовалась тощая молодая женщина с острым носом, выщипанными и нарисованными заново бровями и густо мелированной прической, похожей по форме на репейник, ворочаясь в мягком гасящем движения кресле.

— Полная, полная, — так же недовольно отозвался субтильный лысоватый консультант в ярко-синем форменном костюме. — Что вы беспокоитесь? — Я не беспокоюсь, но я за это деньги заплатила, так что учтите, что я, как потребитель, имею право предъявить вашей организации претензию...

— Имеете, но только к реалистичности мира, — зевнул консультант, пройдя мимо клиентки по тесной кабинке, из-за чего синяя скользкая поверхность кресла, наполненного амортизационной жидкостью, начала колыхаться. — Сам образ вашего идеального мира строится на основе ваших же представлений о нем. Вас предупреждали, вы документик подписывали, помните?

— Помню, но учтите, что если вы собираетесь выдать какие-то ваши недоработки за мои представления об идеале, то я свои права знаю.

— У нас все клиенты довольны, — дежурно отмахнулся консультант, почесывая лысину согнутым указательным пальцем. — Но можете для большей четкости изображения на всякий случай описать свой идеальный мир вслух. Все равно я пока настройкой занимаюсь.

Женщина помялась в кресле, пытаясь сменить позу, что ей, конечно, не удалось, откинула голову назад и с видом, будто выполняет тяжелую, но необходимую работу, начала говорить твердым тоном:

— Значит, так. Место — как можно безлюднее, чтобы никакого там быдла с бутылками, с дурацкой музыкой, шашлыками... И вообще чтобы не было никого. Даже родственников. Впрочем, родственников чтобы не было в первую очередь. Мой нынешний партнер по жизни...

— Что-что, пожизненное?! — удивленно повернулся к ней консультант, слушавший вполуха.

— Вы своим делом занимайтесь! Я говорю, что моего партнера в идеальный мир включать не надо. Я хочу отдохнуть. Я устала. Так, дальше. Что мне обязательно будет нужно?.. Я же там проведу неделю?

— Да, неделю субъективного времени, по прейскуранту, или два часа по нашему времени, — подтвердил консультант, водя рукой по сенсорной панели, уже основательно залапанной чьими-то жирными пальцами.

— Неделю... хорошо. Тогда жилье. Апартаменты, гостиница не ниже пяти звезд, чтобы обслуживание было на высшем уровне, а не как на прошлом отдыхе... За что мы только деньги заплатили! Должен быть доступен весь спектр услуг и развлечений: массаж, корт, боулинг, рестораны, сауна, хороший бассейн... Ну, это кроме моря. Естественно, море тоже должно быть: температура около двадцати шести градусов, вода прозрачная чистая, легкие волны к обеду, чтобы можно было совершать поездки на яхтах. Территория вокруг апартаментов должна быть чистая, аккуратная, чтобы была тень, но безо всяких зарослей, потому что в зарослях неудобно ходить, и...

Голос ее затух, она уютно погрузилась в кресло и закрыла глаза. Разбудил ее резкий голос консультанта:

— Вы раньше времени не засыпайте, пожалуйста. Настройки сбиваются.

— Безобразия! Что у вас за сервис! Кошмар какой-то, с вами тут отдохнешь... У меня и так нервы на пределе, вы еще кричите на ухо. За мои деньги!

— Вы не договорили про свой идеальный мир, — непрошибаемо отозвался консультант. — Остановились, кажется, на том, чтобы в нем была убранная территория без зарослей.

— Да, правильно... Так, что у нас дальше: погода. Средняя, не выше двадцати пяти градусов тепла, терпеть не могу жару и холод. Ночью можно чуть прохладнее. И чтобы никаких людей...

— Это вы уже говорили.

— Хотя я передумала. Одного человека можно. Естественно, мужчину. Идеальных людей ваш компьютер делает?

— Чего он только не делает. Только вы побыстрее представляйте, через три минуты начнем.

— Господи, и это называется клиентоориентированный подход! Мужчина, кто из нас тут заинтересован в том, чтобы продать свою услугу?!

— Не знаю, — пожал консультант плечами. — Вы пока говорите, время идет.

Женщина судорожно дернулась в кресле, зажмурилась и сердито забормотала:

— Так, ну что: рост не выше метра восьмидесяти, не люблю высоких, и не ниже метра шестидесяти, не люблю мелких. Глаза карие, волосы темные, одежда мужская классическая, безо всяких дырявых джинсов... Должен быть аккуратным, опрятным, не растрепанным. Так, черты характера: активность, оптимистичность. Не люблю нытиков. Интеллигентность. Быдло тоже не люблю... Характер твердый, не мяля, но мне чтобы не возмущал, я возражений не слушала на работе. Устала, как собака...

— Устали, так и спите, голову только в это углубление подвиньте, там контакты. Вот так... — донесся до нее как будто издали затихающий мужской голос. Женщина провалилась в сон. Консультант, подпернув сползающие форменные брюки, в последний раз стукнул по сенсорному экрану, согнувшись, вышел из маленькой белой каморки, где лежала клиентка, и с усилием закрыл за собой толстую дверь с круглым мутноватым стеклом, в толще которого замигали, отсчитываясь назад, секунды и минуты.

...Женщина приоткрыла глаза и увидела над собой небо густо-синего цвета, постепенно переходящего в бледно-оранжевый: горел закат. Кроме неба об этом событии возвестил и комар, приземлившийся ей на руку и впившийся в нее. Машинально смахнув комара, женщина пощупала вокруг себя и обнаружила сухую крошащуюся землю, покрытую островками жесткой травы. Спугнув еще несколько десятков комаров, она, наконец, села и принялась оглядываться в попытке понять, куда это ее занесла компьютерная программа «идеальный мир».

Оказывается, она сидела на невысоком берегу маленькой реки с темной непрозрачной водой. Река состояла большей частью из поворотов и пробиралась между круглыми серебристыми ивовыми кустами. Кое-где из воды торчали черные склизкие коряги, сильное течение создавало вокруг них небольшие водоворотики. Берега реки поросли деревьями — в основном, ветлами, но была и парочка сосен и даже кучка маленьких темных елочек. Вдали, в просветы между стволами, можно было разглядеть одноэтажные домики с оранжевыми, блестящими от отраженного закатного света окнами — то ли деревню, то ли дачный поселок.

Пока женщина, равномерно уничтожая комаров, изумленно оглядывалась, набрали громкость и звуки идеального мира. Где-то заунывно замычала корова, среди черных елок притаилась кукушка, кукующая без остановки с маниакальным упорством, а в ивовых кустах позади неожиданно громко, будто включившись, забулькал соловей. Впрочем, звучала не только дикая природа. Выше по течению, на том же берегу, где сидела женщина, за поворотом реки слабо мигало у воды красноватое пламя костра, слышалось сухое брнчание, как будто кто-то рассерженно бил кулаком по плохо натянутой бельевой веревке, и несколько недружных и немелодичных, зато очень громких голосов пели «Нас извлекут из-под обломков». Иногда в такт этому пению лаяла сиплая и визгливая собака. Женщина медленно встала, ошарашенно почесала голову и тут же обнаружила, что вместо модной прически у нее теперь средней длины волосы, забранные в хвостик. А одежда, как она увидела, глянув вниз, состояла из желтого платья-халата на пару размеров больше, чем надо, и пыльных фиолетовых вьетнамков.

Идеальный мир продолжал разворачиваться: посмотрев вниз по течению, она обнаружила меланхоличного рыбака в кирзовых сапогах, недвижимо застывшего над удочкой на том берегу, и купающуюся в реке почти напротив него компанию молодежи, которая с дикими воплями бросалась в воду. Вода, судя по контексту воплей, была весьма прохладной. Женщина поежилась и обняла себя за покрывшиеся мурашками плечи. Солнце ушло за деревья. Откуда-то потянуло густым шашлычным дымом.

Тут сзади раздался громкий треск, и из зарослей сухой жесткой травы и прошлогодней крапивы, хрустя упавшими ивовыми ветками, выбрался загорелый и здоровенный бритый налысо парень с расплюснутым боксерским носом, в исподней майке, длинных синих шортах и таких же пыльных фиолетовых вьетнамках, как и те, что были на самой женщине.

— Люба, так твою растак, — обратился он к ней на народном матерном языке. — Ты куда, блин, девалась? Я тебя, туда-растуда, тут че, искать буду? Пошли давай быстро, стол накрывать мужикам кто, так-растак, будет?

Ну, давай резче, Люб, твой брательник с бабой уже приехали, мамашка твоя все огурцы нарезала. Еще тачки надо вымыть, палатки разложить... Пошли, короче.

— Да-да, иду, — пробормотала она. Парень удовлетворенно кивнул квадратной головой.

— Давай за мной, пока пойду музон врублю, чтоб тебе не скучно было и чтобы этих козлов заглушить, орут тут со своей разэдакой гитарой...

Не дожидаясь ответа, парень развернулся и сгинул в зарослях. Минуту спустя откуда-то сверху донеслось глухое ритмичное буханье, и что-то запел хриплый голос. Смысл песни уловить на таком расстоянии было трудно, но вниз к реке долетали отдельные слова: «зона», «откинулся», «кореш», «жизнь воровская» и прочее в таком же духе. Женщина некоторое время стояла молча, прислушиваясь и водя глазами по сторонам. Потом по ее лицу медленно расплзлась широченная улыбка.

— Ой, как же хорошо-то!!! — вдруг взвизгнула она, зажмурившись, и, подпрыгивая от избытка чувств, побежала через ивовые заросли своего идеального мира к своему идеальному мужчине.

Об авторе

Родилась в 1984 году в Москве, где до сих пор и живет. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького, семинар детской прозы. Первая книга «Кристинины сказки» вышла в 1996 г. в известной серии «Семейная библиотека». С тех пор, помимо публикаций в периодике, вышли еще три книги: «Претенденты на Землю» (2000) и «Мечтать вредно» (2004) в жанре детской прозы, а также научно-фантастический роман «Нейронная сеть «Колин»» (2011).

Вторая область деятельности — литературоведение. Аспирант Литературного института, автор ряда статей, исследующих создание образа ребенка в прозе.

Третья профессиональная область — композитор, поэт-песенник. Песни на русском и английском языках передаются на интернет- и «живых» радиостанциях Европы, США, Канады и Австралии. Автор песен к музыкальному фильму «Светло тому, кто любит» (2013).

Любителям научной фантастики

Предыдущие выпуски литературного приложения «Знание – сила: Фантастика» можно приобрести в редакции журнала «Знание – сила».

Адрес редакции: Москва, Кожевническая ул., дом 19, стр. 6

Литературный магазин

В наших Интернет-магазинах Вы можете приобрести книги по ценам издательства без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.
(495) 971 79 25

Адрес эл. почты:
stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»:

Юридический адрес:

109193, г. Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д.13

ИНН / КПП:

7723339052 / 772301001

БИК:

044525219

Банк:

ОАО «Банк Москвы» г. Москва

Расчетный счет:

40702810800670000380

Корр. Счет:

30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — *Степанов Е. В.*